

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH / RGGU BULLETIN

№ 4 (14)

Academic Journal

Series:

Philosophy. Social Studies. Art Studies

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ

№ 4 (14)

Научный журнал

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Редакционная коллегия серии

Ж.Т. Тощенко, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Л.Н. Вдовиченко, зам. гл. ред., д-р социол. н., проф. (РГГУ), В.А. Колотаев, зам. гл. ред., д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.И. Резниченко, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), О.В. Китайцева, отв. секретарь, канд. социол. н., доц. (РГГУ), И.А. Звезинцева, д-р искусствovedения (ВГИК), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), В.В. Виноградов, д-р искусствovedения (ВГИК), Н.М. Великая, д-р полит. н., проф. (РГГУ), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), В.Д. Губин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), Е.Н. Ивахненко, д-р филос. н., проф. (РГГУ), О.В. Калугина, д-р искусствovedения, проф. (РГГУ), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), С.А. Коначева, д-р филос. н., доц. (РГГУ), Л.Ю. Лиманская, д-р искусствovedения, проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Т.Г. Малинина, д-р искусствovedения (МГАХИ), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), Н.В. Сиповская, д-р искусствovedения (Гос. институт искусствознания), В.И. Фомин, д-р искусствovedения, проф. (ВГИК), Н.А. Цыркун, д-р искусствovedения (ВГИК), С.Ю. Штейн, канд. искусствovedения, доц. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: А.И. Резниченко, д-р филос. н., проф., Е.А. Колосова, канд. социол. н., доц., И.О. Шевченко, канд. ист. н., доц., А.В. Кученкова, канд. социол. н., доц., В.А. Колотаев, д-р филол. н., проф., А.В. Марков, д-р филол. н., проф., С.Ю. Штейн, канд. искусствovedения, доц.

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

Алексей А. Сухно

- «Эффект зеркала» и травмированная мысль. Часть вторая.
Парадокс восприятия: материальный объект и его двойник 9

Иван С. Курилович

- Рациональные основания концептуального перевода:
случай феноменологии Гегеля-Хайдеггера
в работах Александра Кожева. Статья вторая 25

Анна И. Резниченко

- «Об одном символе»: истоки и параллели. Статья первая.
О смыслах имен. С.Н. Дурьлин и Вяч. И. Иванов 33

Искусствоведение

Ольга В. Калугина

- В.В. Стасов в восприятии русской художественной критики
второй половины XIX – начала XX века 51

Светлана И. Баранова

- «Белые» печи в дворцовом интерьере: Останкино 61

Виктор А. Лапин

- К предыстории и выработке комплексного искусствоведческого
подхода в работе первых северных экспедиций
Государственного института истории искусств 71

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Ирина В. Воробьева</i>	
Влияние неформальной занятости на политические установки россиян	87
<i>Валентина Ф. Левичева, Сергей Л. Диманс</i>	
Интеллигенция как институциональный продукт и ресурс неформальных практик	98
<i>Екатерина В. Фадеева</i>	
Оптимизация здравоохранения и пенсионная реформа как факторы вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения	107
<i>Варвара А. Зотова</i>	
Формирование «территорий трезвости» в сельских поселениях и поселках в контексте местного самоуправления: социологический анализ	118
<i>Александра Ю. Губанова</i>	
Изучение детско-подростковой аудитории в Интернете: преимущества и недостатки онлайн-опросов	128

Рецензии. Философия

<i>Александр П. Беляев</i>	
Дерридаграфия: письмо о пишущем. Рецензия на книгу Бенуа Петерса «Деррида» (Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.)	134

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

Alexey A. Sukhno

- “Effect of Mirror” and damaged thought. Article two.
Paradox of perception. Material object and its twin 9

Ivan S. Kurilovich

- Rational foundations of conceptual translation.
The case of Hegel-Heidegger phenomenology
in the works of Alexandre Kojève. Article two 25

Anna I Reznichenko

- “About a Symbol”: genesis and parallels. Article one.
About the meanings of names by S.N. Durylin and Vyach. I. Ivanov 33

Art Studies

Olga V. Kalugina

- V.V. Stasov in the perception of Russian art criticism
of the second half of the 19th – early 20th century 51

Svetlana I. Baranova

- “White” stoves in the palatial interior. The case of Ostankino 61

Viktor A. Lapin

- To the prehistory and development of the complex
art studies approach in the work of the first North expeditions
of the State Institute of Art History 71

Sociology: theoretical and empirical researches

<i>Irina V. Vorob'eva</i>	
Influence of informal employment on political attitudes of Russians	87
<i>Valentina F. Levicheva, Sergey L. Dimans</i>	
Intelligentsia as an institutional product and resource of informal practices	98
<i>Ekaterina V. Fadeeva</i>	
Optimization of healthcare and pension reform as factors for crowding medical intellectuals out of the public sector of healthcare	107
<i>Varvara A. Zotova</i>	
Formation of “sobriety territories” in rural settlements and townships in the context of local self-government. A sociological analysis	118
<i>Alexandra Yu. Gubanova</i>	
The study of children’s and teenage audience on the Internet. Online survey	128

Review. Philosophy

<i>Alexander P. Belyaev</i>	
Derridagraphy: writing about the writer. A review of Derrida’s biography by Benoît Peeters (Peters B. Derrida. Kralechkin D., transl. from Fr. Moscow: Izdatelskiy dom “Delo” RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p.)	134

Философия. История философии

УДК 111

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-9-24

«Эффект зеркала» и травмированная мысль.

Часть вторая.

Парадокс восприятия:
материальный объект и его двойник

Алексей А. Сухно

*Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия, volyakvlasti@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу полемики Декарта и Гоббса и ее последствий для современной философской мысли. Автор указывает, что здесь сработал особый механизм, который он называет «эффектом зеркала». Гоббсовская критика картезианского проекта, указывая на бессодержательность понятия «интеллекта» как отдельной мыслящей субстанции, в качестве альтернативы предлагает модель автономного, «самокорректирующегося» восприятия. Для демонстрации процесса такой «корректировки» Гоббс также обращается к феномену отражения – на этот раз отражения объекта восприятия на зеркальной поверхности. Однако дело не ограничивается простой иллюстрацией: как и в случае с рефлексией картезианского субъекта, зеркальное раздвоение не устранимо и носит структурный характер.

Таким образом, автор делает вывод, что на каком-то этапе мышление сталкивается с раздвоением перспективы познания и, как следствие, с невозможностью аутентичного выбора – либо на уровне субъекта (в картезианской рефлексии), либо на уровне постигаемого объекта (в теории познания Гоббса). И сама ситуация спора между Декартом и Гоббсом определяется не содержательными различиями, а является прямым следствием «эффекта зеркала».

Тем самым вся перспектива «развития философии после Декарта» ставится под вопрос: по сути, здесь не открывается поле для действительного новаторства, а имеет место функциональный сбой мышления, где каждый мыслитель вслед за Гоббсом вхолостую «отрабатывает» анти-картезианскую позицию в повторяющемся полемическом сценарии.

Ключевые слова: восприятие, рефлексия, материальный объект, раздвоение, отражение, модерн, предел мышления

Для цитирования: Сухно А.А. «Эффект зеркала» и травмированная мысль. Часть вторая. Парадокс восприятия: материальный объект и его двойник // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 9–24. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-9-24

“Effect of Mirror” and damaged thought. Article two.
Paradox of perception. Material object and its twin

Alexey A. Sukhno

Moscow, Russia Aviation Institute (National Research University), volyakovlasti@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of a polemic between Descartes and Hobbes and its consequences for philosophical thought. The author points out that a special mechanism has worked here and he calls this mechanism as “effect of mirror”. Hobbes’s critique of Cartesian project pointing to insubstantiality of a concept “intelligence” as a separate thinking substance, offers (as an alternative) a model of autonomous, “self-correcting” perception. Hobbes also makes reference to a phenomenon of reflection (he does it to demonstrate the process of such correction) – and this time – a reflection of an object of perception on the mirror surface. But the matter is not limited to a simple illustration: like in the case with a reflection of Cartesian subject – a mirror bifurcation is indispensable and is of structural character.

Thus, the author concludes that at some stage thinking comes across a bifurcation of the cognition perspective and, consequently, an impossibility of authentic choice – either at the level of the subject (in Cartesian reflection) or at the level of cognizable object (in Hobbes’s cognition theory).

And the very situation of the dispute between Descartes and Hobbes is determined not by substantial differences, but it is a direct consequence of the “effect of mirror”.

Thus, all the perspective of “philosophy development after Descartes” is under the question: as a matter of fact no field for actual innovation is opened here, but there is a functional failure of thinking, where every thinker, following Hobbes, works to no purpose on anti-Cartesian position in a repeating polemic script.

Keywords: perception, reflection, material object, bifurcation, reflection, modern, limit of thought

For citation: Sukhno AA. “Effect of Mirror” and damaged thought. Article two. Paradox of perception. Material object and its twin. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;3(13):9-24. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-9-24

Введение

Спор между Декартом и Гоббсом обнаруживает приметы действия механизма, который мы называем «эффектом зеркала». Он проявился, во-первых, в систематически возникающих недоразумениях, которые сопровождали полемику, а во-вторых, в самой мысли Декарта – как неустранимое рефлексивное раздвоение, с которым сталкивается картезианский субъект. Остается невыясненным вопрос о структуре этого недоразумения и причинах его возникновения,

поскольку не хватает сведений о том, как «эффект зеркала» срабатывает в позиции, представленной Гоббсом.

Упрек, который Гоббс бросил Декарту относительно избыточности категории «интеллекта»/«мыслящей субстанции», основан на недоразумении: задачи, решаемые Декартом, располагаются в иной плоскости. Тем не менее, будучи приняты в разработку, они неминуемо приводят к структурному раздвоению – к проблемам с идентификацией мыслящего субъекта. Естественным образом можно предположить существование альтернативы, где бы вообще не пришлось вставать на этот путь – остаться на уровне восприятия и вообще не переходить к рефлексии. В конце концов, можно еще уйти от принципиальной постановки вопроса: ничто не мешает свалить всю вину за возникшие трудности на одного Декарта и пополнить стройные ряды «антикартезианцев».

Тут надо отдать Гоббсу должное: от «раздвоения» мыслящего субъекта он действительно избавляется: все-таки субстанция у него только одна – «протяженная» (она же – «материальная», «телесная»), а бестелесный и непостижимый «интеллект», со всеми его претензиями и проблемами, отправлен на свалку. И это радикальное решение кажется, на первый взгляд, вполне оправданным, поскольку мышление в данной конструкции не обладает столь широкими полномочиями, чтобы предъявить «рефлексивное раздвоение» во всей его полноте.

Однако, как мы увидим ниже, раздвоение, структурное и неустранимое, моментально проявляет себя на другом уровне – когда Гоббс приступает к обоснованию собственной модели, в которой отсутствует рефлексивное самопознание и все операции касаются только воспринимаемых объектов. И именно это *смещение* зеркального раздвоения – от мыслящего субъекта к объекту восприятия – позволит нам составить полную картину происходящего и вплотную подойти к вопросу о причинах и устройстве современной интеллектуальной ситуации.

В первой части нашей статьи мы уже говорили о том, что эта ситуация отмечена своего рода «хронической травмой», перманентно возникающим *логическим сбоем*, и как раз полемика Декарта и Гоббса позволяет его впервые обнаружить. Мы предположили, что именно по этой причине современная философская мысль разгрызает «антикартезианский сценарий», пытаясь это затруднение обойти, не иметь лишний раз дело с источником недоразумений. Это напоминает уход от неприятного воспоминания, «травматической сцены», которая тем не менее продолжает нас преследовать, несмотря на все предпринимаемые усилия. Настала пора разобратся, что именно здесь происходит.

Материальная модель отражения и картезианская рефлексия

Чтобы обойтись без обращения к «пустой и бессодержательной» категории «интеллект», или *res cogitans*, Гоббс возлагает функцию корректировки ошибок («наивного», «эмпирического») восприятия на само же восприятие и тем самым избегает привлечения каких-либо дополнительных сущностей. Похоже, что этот ход мысли аналогичен ходу мысли Декарта, когда он делает (рефлексивное) мышление высшей инстанцией, определяющей достоверность рассуждения или вывода – без всякого участия каких-либо внешних факторов (мышление, таким образом, будет одновременно и инструментом познания, и верифицирующей процедурой). Здесь тот же ход, но на другом уровне, когда уже само мышление определяется как фактор, внешний по отношению к (эмпирическому) восприятию, и, в соответствии с той же логикой, последнему предлагается решить все гносеологические проблемы своими силами. Надо ли говорить, что эта аналогия в способе рассуждения в очередной раз отсылает нас к «эффекту зеркала»?

Здесь Гоббс обращается к феномену *физического, материально-го отражения* – по сути, к той самой логической структуре, которая в картезианском проекте срабатывает на уровне «*психическом, ментальном*». Эта тема появляется у британского философа в «Человеческой природе», когда он доказывает, что видимые качества объектов – а именно цвет и форма – к самим объектам не принадлежат, а являются результатом всеобщего движения, производящего определенные воздействия на аппарат восприятия (возбуждение зрительного нерва, впечатление в мозгу, формирование идей и т. д.). Он приводит аргумент, который прямо указывает на теоретическую избыточность автономной инстанции мышления. По Гоббсу, коррекция деятельности органов чувств, как известно склонных к многочисленным ошибкам и заблуждениям (здесь он не отстает от Декарта и охотно приводит примеры зрительных расстройств и других дефектов в работе сенсорного механизма, создающих «обманки»), возможна именно потому, что в мире существует такой специфический объект, как *зеркальная поверхность* – отражение в воде или, собственно, зеркало как предмет обихода.

<...> сколько бы наши органы чувств ни внушали нам, будто в мире существуют акциденции и качества, таковых в действительности не существует: они представляют собой лишь мнения и явления. Единственной реальной вещью, существующей вне нас в мире, является то *движение* (курсив мой. – А. С.), в силу которого эти ощу-

щения возникают. И это и есть тот *великий обман чувств, который должен быть исправлен чувствами же* (курсив мой. – А. С.), ибо если чувство говорит нам, когда мы видим предмет непосредственно, что цвет присущ объекту, то это же чувство доказывает нам, когда мы *видим отражение предмета, что цвет не находится в объекте* (курсив мой. – А. С.) [1]¹.

Этот «аргумент зеркала», если принять его в расчет, ощути-мо бьет по знаменитому картезианскому размышлению о воске [3 с. 26] – ставит вопрос: так ли уж необходима особая инстанция чистого мышления, «интеллект», или «мыслящая субстанция», которая внесет корректировки в чувственное восприятие, чтобы избежать ошибок и заблуждений. Этот специфический объект, зеркальная поверхность стекла или воды, предъясвляет нам качества вещи, цвет и форму, там, где сама видимая вещь отсутствует. Следовательно, именно этот объект, будто бы случайно обнаруженный посреди мира, является источником представления о том, что чувства могут обманываться, давать досадные сбои – что воспринимать какую-то вещь не означает воспринимать ее на основании наблюдаемых качеств или свойств.

На первый взгляд кажется, что цель достигнута: пример с воском у Декарта призван продемонстрировать ровно то же самое – что мы не воспринимаем воск на основании его «цвета и очертаний», которые могут радикально изменяться в результате внешних воздействий, например нагревания. То есть Гоббс решает задачу, как и обещал, без привлечения – в качестве объяснительной схемы – «бестелесной субстанции». Вместо картезианского «интеллекта», который за счет способности суждения (*judicandi facultatem*) устраняет недостатки чувственного восприятия, Гоббс предполагает, что в работе перцептивного аппарата происходит нечто вроде *автономной самокоррекции* («обман чувств исправляется самими чувствами»). Та самая функция отражения, которая у Декарта встроена в (рефлектирующее) мышление, здесь как бы *объективирована, вынесена вовне*, расположена посреди других объектов мира. И значит,

---

¹ Аналогичный ход мысли встречается в «Левиафане»: «И подобно тому как давление, трение или ушиб глаза вызывают в нас призраки света, а давление на ухо производит шум, точно так же и тела, которые мы видим или слышим, производят то же самое своим сильным, хотя и не замечаемым нами действием. В самом деле, если бы те цвета или звуки были в телах или объектах, которые их производят, они не могли бы быть отделены от них, как мы это наблюдаем при отражении в зеркале или когда слышим эхо; в этих случаях мы знаем: объект, который мы видим, находится в одном месте, а призраки – в другом» [2].

«автоматически» займет свое место в родо-видовой организации понятий, то есть будет включена в (*физическое*) движение как единственную реальность, с которой Гоббс готов считаться.

Таким образом, Гоббс фиксирует структуру раздвоения в конкретном материальном объекте: только отражение теперь является не свойством (рефлектирующей) мысли, *ментальным процессом*, как у Декарта, а *физическим свойством*, благодаря которому можно разобраться в ошибках восприятия. Представленные в зеркальном отражении качества вещи не означают саму вещь, а переносятся в *фиктивное, воображаемое пространство, на специальный экран* для демонстрации этих качеств, в то время как у Декарта качества вещей и сама вещь оказываются разведены благодаря вмешательству (рефлектирующей) мысли, направленной на саму себя, то есть имеющей дело с *собственным отражением*.

Тогда возражение Гоббса интересно не только как аргумент в споре, но еще и тем, что оно *наглядно представляет, воспроизводит* устройство картезианской рефлексии: создает его, скажем так, материальную модель, или «эмпирический аналог», где можно воочию наблюдать его функционирование. Ведь, как мы говорили выше, совершенно не очевидно, что чего *отражает* – то ли мышление I («наивное восприятие с помощью чувств») отражается в мышлении II («рефлектирующей мысли»), то ли наоборот: невозможно определить, где находится «исходник», «оригинал» мыслящего субъекта, а где – его зеркальное отражение. Тот факт, что мышление мыслит объект внешнего мира и одновременно, уже из другой позиции, мыслит себя, которое мыслит объект внешнего мира, ничего не говорит о том, какое мышление будет *подлинным, аутентичным*, то есть – разворачивается в том самом *месте*, которое занимает мыслящий субъект. Возможно ли, что «аргумент зеркала» Гоббса способен внести ясность в этот вопрос, если сопоставить вмешательство рефлексии в эмпирическое мышление (пример с воском) и обнаружение обмана чувств с помощью зеркальной поверхности? Ведь в обоих случаях речь идет об одном и том же – коррекции ошибок восприятия. Нам следует прояснить, что именно у Декарта выполняет эту функцию «демонстрационного экрана» качеств вещи, а что – направлено на саму вещь.

Пожалуй, чтобы расставить все точки над «i», возьмем даже не рассуждение о воске, а почти карикатурный пример со шляпами и плащами, надетыми на «людей-автоматы», который Декарт вставляет сразу после этого рассуждения, – видимо, полагая, что он уж точно, в силу своей гиперболичности, способен устранить все недо-разумения.

Из этого же я могу сразу заключить, будто я воспринимаю воск глазами, а не одним лишь умозрением (*mentis inspectione*), если только я не приму во внимание, что всегда говорю по привычке, будто вижу из окна людей, переходящих улицу (точно так же, как я утверждаю, что вижу воск), а между тем я вижу всего лишь шляпы и плащи, в которые с таким же успехом могут быть облачены автоматы. Однако я выношу суждение, что вижу людей [3 с. 27].

Это значит, что так называемое «наивное» восприятие (мышление I), подобно физическому отражению, фиксирует только «шляпы и плащи», которые как бы воспроизводятся в сознании, проигрываются на специальном экране. Если переводить с языка аналогии, «наивное восприятие» регистрирует одни лишь качества вещей: плоская картинка без глубины, в «формате 2D» – точно как изображение на зеркальной поверхности. В то время как вмешательство рефлектирующей мысли (мышление II) вводит *дополнительный план восприятия*, преобразует исходный формат в «3D», где качества вещей, «шляпы и плащи», уже не являются основой восприятия вещей, а мысленно устраняются, как свойства воска при нагревании, чтобы обнаружить под ними сами вещи – людей, переходящих улицу, на которых эти шляпы и плащи надеты.

Это значит, что если это рассуждение привести к «общему знаменателю» с моделью Гоббса, то в данном случае функцию зеркальной поверхности будет выполнять все-таки «наивное восприятие», «смутная и несовершенная мысль»: она просто отражает вещи и тем самым невольно создает воображаемые объекты, миражи и фикции, в которых представлены только качества вещей, но при этом сами вещи остаются скрытыми, не проясненными. А рефлектирующее мышление, в свою очередь, должно соответствовать в гоббсовской модели тому самому уникальному опыту восприятия зеркальной поверхности, который показывает, что качества вещи могут находиться в совершенно другом месте, чем сама вещь, и не относиться к ней.

Таким образом, можно ли утверждать, что «наивное восприятие», рефлектируемая мысль (мышление I) – это та самая зеркальная поверхность, на которой репрезентируются качества воспринимаемых объектов, а рефлектирующая мысль (мышление II) – это *одновременное восприятие, сопоставление или соотношение* зеркальной поверхности («наивное восприятие») и отражаемого объекта («то, что воспринимается»)? Ничуть не бывало.

Дело в том, что у Гоббса предполагается то, чего как раз нет и не может быть у Декарта, – «нейтральная, промежуточная позиция», откуда доступны наблюдению и отражение, и отражаемое. У Декарта это невозможно, поскольку мы тут же попадаем в «рефлексив-

ную ловушку»: так как все происходит на уровне мышления, любая предполагаемая «нейтральная позиция» – это та же рефлексия. А у Гоббса таких проблем не возникает именно потому, что отражение представляет собой «материальную модель», а взгляд субъекта-наблюдателя выносится за ее пределы: разумеется, в таком случае – одновременного, «нейтрального» восприятия – можно четко определить, где отражение, а где отражаемое.

*«Мыслительная петля» Гоббса,
или разрушение нейтральной позиции*

И в этот самый момент, когда чаша весов начинает определенно склоняться на сторону Гоббса, следует задать вопрос: а так ли уж «нейтрален» этот предполагаемый взгляд субъекта, наблюдающего за «материальной моделью отражения» со стороны? Если присмотреться, здесь у Гоббса возникает трудность, которая в точности воспроизводит декартовскую проблему с идентификацией мыслящего субъекта – но на другом уровне. Сами посудите, если отражение как физическое свойство попадает в поле восприятия и впервые (!) дает возможность сравнить реальный объект с местом его фиктивного, воображаемого присутствия, то *каким образом вообще возможно это сравнение? это «нейтральное», одновременное восприятие отражения и отражаемого?* Как при созерцании зеркала происходит понимание, что возможен «обман чувств», если для эмпирического различения вещи и ее отражения в зеркале *уже требуется* это понимание?

Эта мыслительная петля, похожая на «темпоральную петлю» из фантастических фильмов, не позволяет нам признать, что Гоббс удачно выпутался из затруднений, с которыми столкнулся Декарт. Напротив, скорее кажется, что, стремясь устранить некоторые несостыковки картезианского проекта (а именно – непроясненность того, что имеется в виду под «мыслящей субстанцией»), он прочно увяз в тех затруднениях, от которых в свое время успешно ушел Декарт, согласившись как на меньшее зло именно на эти несостыковки.

Конечно, есть указание самого Гоббса на этот счет, данное им в «*De corpore*», которое призвано объяснить возможность такого сравнения через *обладание речью*²: раз истина является свойством

---

² «Отсюда ясно, что истину и ложь можно найти только у существ, обладающих способностью речи. Ведь хотя животные, неспособные к речи, получают одно и то же впечатление при виде отражения человека в зеркале и при виде самого человека и при первом зрелище их охватит неосновательный страх, однако они не воспринимают это как истинное или ложное, а только как сходное, и в этом они не ошибаются» [4].

предложений, а не вещей, то есть проявляется исключительно в речи, то животные как существа, которые речью не обладают и взаимодействуют только с вещами, не могут иметь в принципе никакого представления об «истинности» или «ложности». Поэтому, например, они и совершают типичную для себя ошибку, пугаясь зеркального отражения человека.

Однако в таком случае затруднение не исчезает, а наоборот, воспроизводится с новой силой. Если, по правилам игры, именно речь дает нам представление о существовании «истины» и «лжи», а значит, и позволяет отличить отражение объекта в зеркале от реального объекта, то тогда *какое значение* будет иметь само физическое, материальное отражение как чувственное явление, то есть то самое одновременное восприятие отражения в зеркале и отражаемого объекта? Ведь, по Гоббсу, *именно благодаря ему* и открывается возможность заблуждения наших органов чувств! Теперь же получается, что никакого особого опыта восприятия зеркала и не нужно, так как одной инстанции речи вполне достаточно, чтобы корректировать все искажения и ошибки эмпирического восприятия. В таком случае эта инстанция просто занимает место картезианского «интеллекта», и гоббсовская формула – «обман чувств исправляется самими чувствами» – уже не работает.

И здесь важно самим не поддаваться искушению и не начать предлагать свой рецепт лечения болезни – очередной новаторский способ раз и навсегда разрешить все интеллектуальные парадоксы. Скорее необходимо осознать *симптоматический характер* этих затруднений. Мы убедились, что этот самый пресловутый «порядок истин», вокруг которого мечущаяся мысль «модерна» и устраивает свои пляски, не менее безжалостен к Гоббсу, чем к Декарту.

Декарт терпит неудачу, стремясь найти то, что он может постигать «ясно и отчетливо» с помощью одного лишь мышления: в результате он попадает в структуру раздвоения, или расщепления, которая не позволяет в принципе «ясности и отчетливости» достичь, – мышление всегда будет иметь дело с собственным отражением, никогда не достигая «промежуточной, нейтральной позиции», откуда могло бы определить свою истинную природу. Гоббс вводит модель познания, в рамках которой он вынужден предполагать в качестве условия то, что он должен получить только в качестве результата, поскольку та же самая структура раздвоения срабатывает на уровне материального объекта.

Антикартезианский сценарий как проклятие модерна

Таким образом, неважно, идет ли речь о «ментальном процессе» или о «физическом свойстве», – сама *структура отражения* (или «*эффект зеркала*») остается неизменной: в обоих случаях нас поджидает своего рода ловушка, где приходится столкнуться либо с раздвоением позиции субъекта в мышлении, когда субъект не может определить собственные основания, либо с раздвоением уже в «материальной реальности», когда субъект не может обосновать, как он различает, где находится «исходный объект», а где – его зеркальное отражение. Либо проблема на уровне субъекта, либо на уровне объекта.

Надо понимать, что не-структурированность речевого поля³ (что является особой гордостью «модернистского» сознания, сумевшего превратить нужду в добродетель под именем «плюрализма» и «свободы высказывания»), то есть одновременное существование, как минимум, двух несводимых друг к другу позиций, происходит именно из-за этой проблематичности, описанной нами под именем «эффекта зеркала». Дело не в том, что имеет место «конфликт мнений», а в том, что каждое «мнение» внутри самого себя конфликтно – содержит структуру раздвоения в самом себе, но на разных уровнях. И развязку этой истории – спора Гоббса и Декарта – не так уж сложно предугадать, если свести воедино полученные результаты, сопоставить эти уровни. Ни картезианская программа рефлектирующего разума, ни гоббсовская модель механического разума не обладают какой-то «своей» структурой раздвоения, «персональным чипом», имплантированным в ее концептуальное устройство, а она, эта структура, – *одна на двоих, другой попросту не существует*. Это, таким образом, означает, что наблюдаемое Я, которое делается объектом рефлексивных операций со стороны

---

³ Этой теме посвящен цикл лекций А.Е. Смулянского «Лакан-ликбез». В основе избранного подхода – разработка лакановского понятия «акт высказывания», который в современную эпоху больше не зависит от своего «содержания» и просто воспроизводится в поле публичной речи. Этот акт носит так называемый критический характер, т. е. указывает на изъян, нехватку, которая как раз и означает исходную не-структурируемость речевого поля (поскольку после секуляризации нет внешних регулирующих инстанций для отправлений речевых практик), однако участники обсуждения предполагают ее обнаружить в позиции другого. Таким образом, обсуждение вращается вокруг этой нехватки и становится «кругообразным», вы рождается в «обскурантизм». Смулянский А.Е. Лакан-ликбез (архив семинаров). URL: <http://lacan-likbez.com/archive> (дата обращения 30 окт. 2018).

Я-наблюдателя, представляет собой не отдельную самостоятельную инстанцию, которая принадлежит «психофизической» организации мыслящего субъекта, а, собственно говоря, *саму позицию, из которой Гоббс возражает Декарту.*

Иначе говоря, вступая в полемику с Декартом, британский философ самолично попадает в «зеркальную ловушку» – встраивается, сам того не ведая, в картезианское устройство. Разумеется, это означает вовсе не его заведомую неправоту в разразившемся споре, но только то, что оба спорщика не отдавали себе отчет в происходящем: там, где они вели речь о «субстанциях» и их количестве, проявляла себя структура раздвоения, в рамках которой они и занимали *определенные позиции* – теоретизировали, аргументировали, возражали и т. д. И место, которое досталось одному из них, заставляло другого занимать *пустое, не занятое еще место* и, исходя из своего положения в устройстве, отстаивать некую теоретическую позицию.

Разумеется, эти позиции асимметричны – не представляется возможным назвать их двумя частями единого целого, а потом наспех слепить какой-нибудь более-менее приемлемый «(онто-)гносеологический компромисс». Напротив, все происходящее выглядит как заранее прописанный сценарий неразрешимого, «системного» конфликта – как водится, с изначальной провокацией и последующим эксцессом.

Субъект А [Декарт] предпринимает ход мысли, который как бы «прочерчивает», эксплицирует структуру раздвоения [«эффект зеркала»]: сначала возникает необходимость произвести «умозрительное расщепление», чтобы исправить недостатки одной позиции [«заблуждения наивного восприятия»] за счет перехода в другую [позицию «рефлектирующего субъекта»]. Однако различие между этими позициями невозможно артикулировать, даже если поставить себе такую задачу, и поэтому субъект А не в состоянии определить, где именно он находится, и, соответственно, преодолеть это различие, добиться интеграции этих позиций [«рефлексивная петля»]. Затем появляется субъект Б [Гоббс], чья функция состоит в том, чтобы занять «освобожденное» место и указать, что субъект А выполнил недопустимую операцию, а значит результаты исследования недостоверны и все следует начинать заново. Причем, по сути, не особо важно, в чем конкретно заключается эта «недопустимость» [это может быть введение «мыслящей субстанции», метафизического измерения у определенных актов мыслящего субъекта, в котором якобы нет нужды, а может быть и что-то другое – главное, чтобы была обозначена *неопределенность, «структурная пустота»*, которая неминуемо возникает после предпринятого субъектом А

хода мысли] – само это указание происходит в силу того, что субъект Б находится в позиции, покинутой субъектом А: это почти «автоматическая» реакция, которая фиксирует неосновательность его претензий на присутствие в этой позиции [та самая неопределенность, отсутствие идентификации у мыслящего субъекта, которую Гоббс четко фиксирует, указывая, что понятие «интеллекта», «ума» или бестелесной мыслящей субстанции «пустое», «не имеет содержания», является «ненужным посредником» между механическим движением и речью].

Так формируется «дискурсивная» публичная сцена, где обе стороны ведут полемику на уровне *содержания*, совершенно игнорируя уровень *структуры*, на который они, сами того не ведая, оказались вброшены: спорна или полемична сама современная интеллектуальная ситуация (собственно, то, что мы и называем «модерном»). Вопрос в конечном счете вовсе не в том, сколько существует «субстанций», но сам по себе вопрос о «количестве субстанций» в искаженной форме воспроизводит вопрос, который стоит на самом деле перед «модернистским» мышлением: что это за *невозможность*, содержащаяся внутри мышления, его *внутренний предел*, который не позволяет свести восприятие к измерению «протяженности», а потому и провоцирует весь этот спор о «количестве субстанций»?

Ведь все дело закручивается вокруг этой *пустоты*, или *пробела* в мышлении, – невозможно свести *actus cogitativos* к «протяженности» или, что то же самое, *невозможно помыслить* восприятие как только лишь физический, «протяженный» акт. Именно из этого затруднения Декарт пытается выпутаться, когда вводит «мыслящую субстанцию» – по аналогии с измерением «протяженности». То есть – по аналогии с тем, в чем как раз он обнаруживает категорическую нехватку, когда пытается свести к этому измерению некоторые акты мыслящего субъекта («Я не могу это помыслить»). Как раз против этого активно возражает Гоббс и тем самым, хотя это и не входило в его намерения, активизирует *исходное противоречие*, *неразрешимость* – не дает ему быть до конца снятым посредством введения *res cogitans*.

Разумеется, сам Гоббс полагал, что имеет дело с неправомерным допущением Декарта, которое надо всего лишь исправить за счет своевременных указаний, что нет нужды вводить «параллельное», метафизическое измерение – «интеллект», это пустое и бессодержательное понятие. Поэтому, хотя *невозможность*, *предел мышления* вроде бы надежно скрыт в мысли Гоббса через возврат к «единой (материальной) субстанции», он является источником нового затруднения при попытке обоснования уже его собственной

позиции. Дело в том, что для такого исправления Гоббсу пришлось как бы запустить *внутрь* «протяженной субстанции» то, что Декарт как раз выносил *за ее пределы*, – логическую пустоту, немыслимость-непостижимость. Она ранее была изгнана Декартом в самостоятельное измерение (где ее можно не беспокоить, и тогда она будет вести себя прилично и скромно, особо «не показываясь на людях») за счет введения *res cogitans*, а теперь самолично возвращается Гоббсом, чтобы сделать непостижимой работу механизма восприятия («эффект зеркала» не устраняется, но выносится вовне, в мир материальных объектов). Складывается парадоксальная ситуация, как из фантастического романа, где «активация опасного артефакта» происходит как раз вследствие попытки раз и навсегда его уничтожить. Эта «невозможность в мышлении», «пробел», «предел мысли», «логическая пустота» (и т. д.) стирается – но ее следы остаются в спорности и полемичности и в конечном счете в не-структурированности речевого поля модерна.

Чтобы отделаться от возникшей сложности, историки философии дали на скорую руку этой череде обоюдных недоразумений (по сути, представляющих собой логический круг *в одном и том же* рассуждении – как возможно мыслить немыслимое, то, что мысли принципиально не-тождественно, ее *радикально иное*) имена «эмпиризм» и «рационализм», представив их постфактум как две различные «исследовательские традиции», «эпистемологические модели», «теории познания» и пр., находящиеся между собой в продуктивном споре, которые затем якобы примирил Кант, объединив их в рамках «трансцендентальной философии», и т. д. Это «дымовая завеса», скрывающая истинное – и довольно неприглядное – положение вещей. То, что мы называем «современной философией» или «философией эпохи модерна», отличая ее тем самым от других философий – «античной», «средневековой» (если таковые, конечно, существуют, а не являются очередной историко-философской фикцией), представляет собой узел проблем, остановку движения, одну и ту же ситуацию, которая бесконечно воспроизводит сама себя и никак не может преодолеть какой-то логический порог. По сути, она сводится к повторению некой воодушевляющей фразы, как на заевшей старой пластинке, всякий раз обрываемой где-то посередине.

В этой связи, например, довольно сложно называть Декарта «основателем современной философии», поскольку она буквально вся состоит из неоднократных и непрерывных опровержений картезианства – попыток «наконец решительно с ним порвать», потому что Декарт, ни много ни мало, ответственен за... («гносеологический субъективизм», «метафизический рационализм», «дог-

матический идеализм», «европейский нигилизм» и т. д.). Однако все эти атаки стоит прочесть не как свидетельство «прогресса», реального стремления сделать шаг вперед, а напротив, именно как *симптом заедания, функционального сбоя*. Мысль модерна никак не может преодолеть Декарта: она превращается в непрерывное и героическое «преодоление», «анти-картезианский крестовый поход», где идет негласное соревнование между участниками, кто именно Декарта «наконец преодолеет», поставит точку и закроет тему.

Заключение

Гоббс был одним из первых (если не первый – поскольку именно его «Возражения» на «Размышления» Декарта наиболее принципиальны), кто включился в эту игру. За ним пришли другие – по очереди занимая вакантное место оппонента картезианства. За вычетом традиции британского эмпиризма, который прямо наследует Гоббсу, а также тех, кто так или иначе принимал картезианские размышления за точку отсчета (Лейбниц, Кант, Гуссерль или Сартр), ограничиваясь указаниями на их неполноту, ряд крупных философов открыто утверждают, что вместе с Декартом произошел ни много ни мало «поворот не туда». Например, «философия жизни» и различные религиозно-персоналистические учения подозревают, что во многом благодаря Декарту установилась «диктатура *ratio*», которая подавляет «стихийную витальность», способность к «интуитивному постижению» или снижает восприимчивость субъекта к разного рода «мистическим интуициям»; в фундаментальной онтологии Хайдеггера Декарт выступает как соучастник идущего еще от античности «забвения бытия»; некоторые представители аналитической философии видят в Декарте создателя «интеллектуалистского мифа», где через интроспекцию происходит неправомерное «удвоение физического мира»; мыслители-«(пост)структуралисты», скажем Фуко и Деррида, связывают процедуру *cogito* с «дискриминацией фигур безумия», что прямо отсылает к «репрессивным практикам» общества модерна.

Однако внутренние конфликты прорываются наружу в форме *неуверенности, тревоги*, связанной с речью субъекта в эпоху модерна: невозможно представить свою позицию, поскольку она моментально *расщепляется на несколько независимых позиций*, которые бесконечно отражаются друг от друга, образуют «мыслительные петли» («эффект зеркала»). Отсюда уязвимость современного субъекта на публичной сцене: перманентное ощущение стыда, «дырявая», «деформированная» речь, косноязычие, нарастающее усложнение спо-

собов высказывания и пр. Собственно, именно это мы имели в виду в самом начале, когда говорили о необходимости *«профанации»*, *«понижения тональности»* философской речи модерна – что вовсе не означает банальную критику картезианского проекта. Таковая, как мы видим, еще со времен самого Декарта является общим местом и как раз ничуть не позволяет сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Здесь даже можно уподобиться Ницше и назвать перманентную критику Декарта «интеллектуальным рессентиментом», который является симптомом имеющихся сложностей, а вовсе не их решением.

Напротив, это «понижение тональности» означает воспроизведение ситуации, где мыслитель уже не чувствует себя «под прикрытием» имеющегося у него *знания*. Анти-картезианская критика идет рука об руку с академическим пиететом, благоговением перед «классическими» (что бы это ни значило) текстами⁴: она бесконечно усложняет ситуацию, вводит в нее много новых игроков, с чьими работами надо *обязательно ознакомиться*, чтобы компетентно вести речь о «современных философских проблемах», – то есть оставить картезианский жест где-то позади. Однако, несмотря на все эти тексты, требующие «обязательного прочтения», мы находимся в парадоксальном смысловом поле, где каждый раз приходится начинать заново: заново изобретать философию и ее историю, заново отвечать на вопросы, на которые тысячу раз уже до нас отвечали. Мы располагаемся ровно в той самой точке, в которой находился Декарт, когда приступал к своим размышлениям: без защиты, без гарантий, без *знания* в конце концов, на которое можно опереться. И с того самого момента ситуация не изменилась ни на йоту. Разве не на это указывает само слово «модерн», которое можно прочесть как *вечное повторение момента настоящего*? И разве это не тот самый момент, когда был совершен скандальный жест Декарта, а затем его просто снова и снова воспроизводят, критически обозревая картезианское интеллектуальное наследие и тем самым повторяя реактивный, «нормализующий» жест Гоббса?

Критиковать Декарта – легко. Осознать, что ты и есть Декарт, тот самый объект постоянной критики (в том числе и своей собственной), и принять это положение вещей – значительно сложнее.

---

⁴ Имеется в виду ход мысли, согласно которому наследие Декарта можно не принимать в расчет, поскольку благодаря некоей персоне (Канту, Ницше, Кьеркегору, Хайдеггеру, Райлу, Фуко и т. д.) картезианский рационализм «уже давно преодолен» и после соответствующего учения (критического идеализма, концепции воли к власти, экзистенциальной теологии, фундаментальной онтологии, аналитической философии и т. д.) «даже смешно об этом говорить». Таким образом, фигура, которая закрывает «проблему Декарта», становится автоматически объектом «академического поклонения».

Литература

---

1. Гоббс Т. Человеческая природа // Электронная библиотека по философии – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000609/st000.shtml> (дата обращения 25 нояб. 2017).
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 25 нояб. 2017).
3. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 640 с.
4. Гоббс Т. О теле // Электронная библиотека по философии – <http://filosof.historic.ru>. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000610/st001.shtml> (дата обращения 25 нояб. 2017).

References

---

1. Hobbes T. Human Nature. Electronic Library in Philosophy – <http://filosof.historic.ru>. [Internet] [data obrashcheniya 25 nov. 2017]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000609/st000.shtml>
2. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil. [Internet] [data obrashcheniya 25 nov. 2017]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html
3. Descartes R. Works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.; 1994. 640 p. (In Russ.)
4. Hobbes T. On the Body. Electronic Library in Philosophy – <http://filosof.historic.ru>. [Internet] [data obrashcheniya 25 nov. 2017]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000610/st001.shtml>

Информация об авторе

Алексей А. Сухно, кандидат философских наук, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4; volyakvlasti@mail.ru

Information about the author

Alexey A. Sukhno, PhD in Philosophy, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia; bld. 4, Volokolamskoe highway, Moscow, 125993, Russia; volyakvlasti@mail.ru

УДК 130.121
DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-25-32

Рациональные основания концептуального перевода:
случай феноменологии Гегеля-Хайдеггера
в работах Александра Кожева
Статья вторая

Иван С. Курилович

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurilovich.i@rggu.ru*

Аннотация. Впервые на русском языке исследуется «Заметка о Гегеле и Хайдеггере» Александра Кожева. Анализируется попытка Александра Кожева обосновать взаимную переводимость философии Гегеля и философии Хайдеггера. Изучены аргументы Кожева о единстве философии Гегеля-Хайдеггера, о проблемах гегелевских и хайдеггеровских текстов и их дополнительности. Аргументы о единой философии Гегеля-Хайдеггера сопоставлены с проблемой релятивизма мировоззрений и их происхождением из проблемного начала философии и возможности иного начала. Реконструируются принципы концептуального перевода, предпринятого Кожевом. Обосновывается антирелятивистская позиция универсальной рациональности в концептуальном переводе Кожева. Ключевые положения концептуального перевода Кожева сопоставляются с общими позициями гегельянства и критикой идеи «концептуальной схемы» Дональда Дэвидсона.

Ключевые слова: философия, феноменология, гегельянство, концептуальный перевод, внутриязыковой перевод, Гегель, Хайдеггер, Кожев

Для цитирования: Курилович И.С. Рациональные основания концептуального перевода: случай феноменологии Гегеля-Хайдеггера в работах Александра Кожева. Статья вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 25–32. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-25-32

Rational foundations of conceptual translation.
The case of Hegel-Heidegger phenomenology
in the works of Alexandre Kojève
Article two

Ivan S. Kurilovich

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kurilovich.i@rggu.ru

Abstract. The article is the first study of Alexandre Kojève's "Notes on Hegel and Heidegger" in Russian. The article presents an analysis of Alexandre Kojève's attempting to prove the mutual translatability of Hegel and Heide-

gger philosophy. The arguments of Kojève on the unity of the Hegel-Heidegger philosophy, on the issues of Hegelian and Heidegger texts, and on their complementarity are studied. The arguments on the common philosophy of Hegel-Heidegger are compared with an issue of relativism of worldviews and with origin of worldviews from the problematic beginning of philosophy and the possibility of another beginning. The author reconstructs principles of the Kojève's approach to the conceptual translation and substantiates the anti-relativistic position of universal rationality in the conceptual translation. Key theses of Kojève's conceptual translation are compared with the general positions of Hegelianism and with criticism of Donald Davidson's idea of a "conceptual scheme".

Keywords: philosophy, phenomenology, Hegelianism, conceptual translation, intralingual translation, Hegel, Heidegger, Kojève

For citation: Kurilovich IS. Rational foundations of conceptual translation. The case of Hegel-Heidegger phenomenology in the works of Alexandre Kojève. Article two. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*. 2018;4(14):25-32. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-25-32

Начало мысли и мировоззренческий релятивизм

Обратимся к схематизму семиотического треугольника, с которого начиналась первая часть данной статьи¹: а) знак, имя, термин; б) значение, денотат, референт; в) смысл, понятие. В исследуемом нами концептуальном переводе названные отношения заставляют, и не без историко-философских оснований, удерживать их связь со структурой интенционального содержания акта сознания, или ноэватической структурой. Когда Кожев говорит о споре онтологий Гегеля и Хайдеггера и единстве их антропологий, он говорит о смысле, или понятии, о сущностях как предмете идеации, о принципе, внутренней архитектонике или логике мысли. Получение смысла, или сущности, и ее корректное выражение требует обращения к референту, что значит возвращение от «просто слов» к «самим вещам» и базовым феноменологическим практикам дескрипции – в них, как утверждает Кожев, Хайдеггер и не преуспел.

Обращение к референту речи или познания требует сделать еще один шаг в прошлое, к которому обращается и Кожев, – к Декарту.

¹ *Курилович И.С.* Рациональные основания концептуального перевода: случай феноменологии Гегеля-Хайдеггера в работах Александра Кожева. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3. С. 32–41.

Картезианский методизм примечателен тем, что однозначное выполнение первых трех правил метода делает четвертое невыполнимым. Первое правило о беспредпосылочности требует скепсиса ко всему неочевидному, второе – призывает делить проблему на предельное число частей, третье – восходить в решении проблемы от простейших частей к сложнейшим. Без допущения нескольких корневых проблем, или начал философии, которое было бы предпосылкой, исследователь может «делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено» [1 с. 260] только посредством дескрипции выполнения первых трех правил, но требуемая «уверенность» достижима лишь при обратной предпосылке – о единственности начала. Тем самым проблема начала оказывается не только метафизической, но, в силу предпосылочности, мировоззренческой проблемой – выбором между монизмом, дуализмом или плюрализмом проблемных начал мысли. Преодолеть ее можно лишь посредством отказа от уверенности. Такой отказ – общефилософский пафос, заключенный еще в пифагорейско-платоновском толковании термина «фило-софия». Гегель, Гуссерль и Хайдеггер, во всяком случае по первичным заявлениям, названному пафосу в своих феноменологических проектах соответствуют и идут на риск в определении первоили прафеномена, первой проблемы или первой по очередности или значению очевидности, существенной для дальнейшего методического философского развития. Это ставит вопрос начала философии и возможность «другого начала»². Кожев предлагает попытку ответа как в отношении философии Хайдеггера, так и в отношении Гегеля:

...маловероятно, чтобы Гегель и Хайдеггер исходили из чувства конечности: люди, которые исходят из него, чаще склоняются к тому, чтобы отделаться от него в и посредством религиозного обращения, которое дает им веру в бессмертие. Фактически Гегель исходит из идеи свободы и историчности человека и от нее приходит – довольно мучительно – к идее конечности человеческого бытия, как к онтологически необходимому условию экзистенциальной реальности свободного и историчного человека. Позднее он мог понять, что тот же факт сознания-в-себе (и Логоса) невозможен без конечности бы-

---

² Первые шаги на пути zum anderen Anfang в «Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis» были сделаны Хайдеггером через три года после заметки Кожева. Оба текста, опубликованные посмертно, не могли оказать влияния друг на друга.

тия, которое открывается себе самому как бытие посредством речи. Хайдеггер – по крайней мере в своей философии – избегает брать за исходную точку факт свободы и историчности, опасаясь, возможно, впасть в *Weltanschauung* [мировоззрение]. Он ограничивается фактом самосознания (не *cogito*, но *cogito-sum*, которое есть в целом первое философское данное) и – совсем как Гегель – именно отсюда он приходит к первой необходимой предпосылке (*Cogito-sum, ergo sum finitus*). Сложно отрицать факт самосознания, и нет смысла говорить, что здесь именно особенное *Befindlichkeit* [расположенность, настроенность], посредством которого образовывается *Weltanschauung*, так как любое *Befindlichkeit* (логически) предполагает самосознание в отсутствии иной его обусловленности [*la conscience-de-soi sans autre determination du soi*] (чистое *cogito-sum*) [2 p. 41–42].

По мнению Кожева, Гегель путает следствие и причину, когда начинает свою философию со свободы и историчности вместо конечности и негативности, но, сохраняя то и другое, дает верную феноменологию человеческого существования. Хайдеггера же отстраненность и самопогруженность его начала, самосознания хотя и приводит к конечности и негативности вообще, но не пускает к другому, а значит, и к истории. Случайность начала делает следствия философии обоих не необходимыми:

Можно ли сказать, что Гегель-Хайдеггер доказали конечность человеческого бытия? Мы склонны ответить утвердительно, но добавив: для тех, кто *хочет* в это верить. И, говоря это, мы возвращаемся к проблеме *Weltanschauung* [мировоззрения] [2 p. 42].

Мировоззренческий релятивизм – проблема для Александра Кожева со времен другой работы, написанной им в стол, с «Атеизма». Кожев в рассуждении о теистическом и атеистическом мировоззрениях пишет, что мировоззренческие вопросы таковы, что к ним нельзя сохранять безразличие, а значит, философ в их решении раздваивается:

Как философ он должен решать вопрос о «правоте», как живущий («полной жизнью») он уже решил его. Но настоящий философ только «живущий полной жизнью», т. е. он решает как решивший и только потому он может решать как философ, что решил как живущий (ср. *Fichte*). Тем не менее философское решение отлично от жизненного (*Philosophie ist keine Weltanschauung* [Философия – это не мировоззрение (нем.)]). Здесь важнейшая проблема! Обдумать!! [3 с. 457].

Концептуальный перевод и немыслимость непереводимости

Мировоззренческий релятивизм – одновременно и условие работы, и вызов философу. Средство, при помощи которого можно с ним справиться, – дескрипция изначальных интуиций и их взаимный перевод, хотя последнее и создает риск одинаково неприемлемой альтернативы: нигилизм с отказом от истины либо догматизм точки зрения, мнения. Тем не менее Кожев идет на риск и сопоставляет понятийные ряды Гегеля и Хайдеггера. Увидев в начале этой статьи, что делает Кожев, закончим статью попыткой разбора того, как он делает «концептуальный перевод», а для этого найдем принципы его работы.

В первой части статьи мы уже говорили о предмете перевода: Кожев не проводит резкого различия терминологии и обыденной лексики в трудах Гегеля. В этом вопросе, как и во многих, он доверяется Александру Койре, в частности его «Заметке о языке и терминологии Гегеля» [4]. Согласно последнему, в привычном смысле нельзя говорить о специальном терминологическом вокабуляре у Гегеля, по крайней мере до отъезда из Иены, где он написал «Феноменологию духа». По этой причине предметом перевода выступают не столько термины, сколько словесно-смысловые свертки, идиомы. Койре сначала заявлял о принципиальной непереводимости гегелевской философии, однако с 1920-х гг. использовал язык Гегеля для изложения Бёме и других немецких мистиков, а позже показал, как философия Гегеля транспонируется на языке хайдеггеровской мысли, и признавал язык последней даже более удачным. Для понимания позиции Койре, а через него и Кожева, более всего подходят базовые различия в рамках семиотической триады. В триаде мы вместе со знаком имеем его значение, или денотат, референт, с одной стороны, и, с другой, его смысл как универсальный способ данности референта, как его концепт, или десигнат. При этом успешность перевода устанавливается медиально – посредством соотнесения двух вершин треугольника с третьей. Пирс, а следом за ним Якобсон [5] указывали на разные типы отношений между сторонами треугольника или на разные типы знаков: символические, иконические и индексальные. Данное различие сопоставимо с гуссерлевским противопоставлением указания и выражения. Именно спутанность типов отношений – главная причина так называемой «непереводимости», на которую жаловался Койре – и не только в отношении Гегеля. Так, он говорил, что понятия Бёме являются «символами-идеограммами». Это такие знаки, смысл которых им подобен и иконически, и индексально. Смысл

удерживается за знаком как на уровне поэтичности сложения фонем, возникающих на их основании ассоциаций и ложных и истинных этимологизаций, так и на уровне указания на диалектическую, каузальную и холистическую необходимость достраиваемых оппозиций, субъект-объектных и субъект-предикатных отношений и их снятия в генерализации. Собственно, преимуществом Гегеля для Койре было не преодоление названных связей, не выход на символические случайные или конвенциональные отношения знака со смыслом и значением, свойственные позитивистским критериям научности, а осознанное применение иконического и индексального отношений вместе с символическим. Соответственно, недостаток языка Гегеля, согласно Койре, его «непереводимость» даже внутри немецкого языка явилась продолжением его достоинств.

При разности терминологий (знак), онтологий (смысл) и начала мысли, первичной интуиции, или проблемы (референта, значения), Кожев заявляет о единой философии Гегеля-Хайдеггера. Для этого в текстах Гегеля и Хайдеггера ему оказывается достаточно обнаружения существенного для человеческого существования принципа конечности. Проблемы нетерминологичности и мировоззренческого релятивизма, которые могли бы сделать «концептуальный перевод» невозможным, отступают перед немислимостью этой невозможности для того, кто выбрал [2 р. 45] истину, что значит также свободу, собственную смертность и бытие «смертным богом», мудрецом, воплощенным принципом универсальной рациональности, стоящим выше всякой правоты той или иной точки зрения [2 р. 45].

Заключение

Положения Кожева, как и Койре, в вопросе переводимости концепций философов во многом совпадают с тезисами философа совершенно иной интеллектуальной традиции – с критикой идеи «концептуальной схемы» Дональда Дэвидсона [6]. Дэвидсон доказывает, что необходимым условием утверждения концептуального релятивизма является полная неудача перевода. Но она немислима. Мысль, что некоторый другой обладает радикально иной «концептуальной схемой», совершенно отличными понятиями и убеждениями, обнаруживает свою невозможность, что Дэвидсон демонстрирует при помощи мысленного эксперимента. Больше того, нет оснований считать названные схемы ни различными, ни одной и той же. Иначе говоря, нет конфликта рациональностей или доминирующей рациональности в окружении маргинальных – есть лишь универсальная рациональность, которая даже не ну-

ждается в концептуальном схематизме. Поэтому, продолжаем мы об исследуемых нами авторах, нет препятствий для взаимного перевода Гегеля-Хайдеггера. Больше того, пафос гегельянства в том и состоит, что философия достигла своей данности в себе и для себя и нет не-гегелевской философии после Гегеля (проблема для Батая и Фуко), как, впрочем, и до него. И дело, разумеется, не в Гегеле как историческом персонаже, который может ошибаться и, по Кожеву, ошибался. Дело в единстве рациональности, которая после Гегеля закончила свое неосознанное развитие, пришла к себе и может либо развиваться, либо нет – в зависимости от толкования «конца истории». Шлейермахер говорил о двух переводческих стратегиях, происходящих из необходимости для переводчика быть слугой двух господ: автора и читателя. Концептуальный перевод, который мы наблюдаем у Кожева, есть приведение автора к автору с целью приведения их обоих к трансцендентальному постисторическому автору и читателю одновременно, то есть к «разумной точке зрения»³, на основании универсальной рациональности или немыслимости любой другой.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–311–00282 «Рациональность в гуманитарных науках: теоретические противоречия и дисциплинарная практика».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Rationality in the humanities: theoretical contradictions and disciplinary practice», no. 18-311-00282.

Литература

1. *Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
2. *Kojève A.* Note sur Hegel et Heidegger // Rue Descartes. № 7, Logiques de l'éthique (Juin 1993). P. 35–46.
3. *Кожев А.* Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М.: Праксис, 2007. 512 с.
4. *Kojev A.* Note sur la langue et la terminologie hégéliennes // Rev. Philos. France Let. 1931. Vol. 112. P. 409–439.
5. *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
6. *Дэвидсон Д.* Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост. А.Ф. Грязнов. М.: МГУ, 1993. С. 144–159.

³ Предположение этой осевой точки, или логоцентризм, в терминологии Деррида является как основанием концептуального перевода, так и начальным положением для ее критики.

References

---

1. Descartes R. Works. In 2 vols. Moscow: Mysl' Publ.; 1994. Vol. 1. 640 p. (In Russ.)
2. Kojève A. Note sur Hegel et Heidegger. *Rue Descartes*. № 7, Logiques de l'éthique (Juin 1993). p. 35-46.
3. Kojève A. Atheism and other works. Rutkevich AM., transl. from French. Moscow: Praksis Publ.; 2007. 512 p. (In Russ.)
4. Koyré A. Note sur la langue et la terminologie hégéliennes. *Rev. Philos. France Let.* 1931;112:409-39.
5. Jacobson R. About linguistic aspects of translation. V: Questions of translation theory in foreign linguistics. Coll. of articles. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1978. p. 16-24. (In Russ.)
6. Davidson D. On the idea of a conceptual scheme. V: Gryaznov AF, comp. Analytical Philosophy. Selected texts. Moscow: MGU Publ.; 1993. p. 144-59. (In Russ.)

Информация об авторе

Иван С. Курилович, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; kurilovich.i@rggu.ru

Information about the author

Ivan S. Kurilovich, PhD in Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; kurilovich.i@rggu.ru

«Об одном символе»: истоки и параллели.
Статья первая. О смыслах имен.
С.Н. Дурылин и Вяч. И. Иванов

Анна И. Резниченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annarezn@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу основных онтолого-эстетических понятий в теоретических работах С.Н. Дурылина 1920-х гг.: «realia», «realioga», «correspondences / соответствия», «specificum» и «символ». Показываются истоки такой терминологии; в частности, зависимость онтологических градаций в статьях С.Н. Дурылина 1920-х от терминосистемы работ Вяч. И. Иванова 1900–1910-х гг. и особенно – статьи «Две стихии в современном символизме» и дискуссии вокруг нее. Анализируется проблема типологизации категории «символ» в русской философской культуре Серебряного века.

Раскрывается взаимосвязь между латинизированными формами онтологических категорий, характерных для языковой культуры Серебряного века, – и классическими философскими терминами русского философского языка: такими как «бытие» и «небытие». Рассматривается дальнейшее развитие теории символа. Сопряжение понятий *realia* и *specificum*, с одной стороны, – и понятий *realioga* и *ens realissimum*, с другой стороны, переходящих в 1920–1930-е гг. из словаря средневековой схоластики в актуальный философский язык, с понятиями «телесного» и «духовного» (*spiritual*) – выявляют еще одно – антропологическое измерение категории символа, характерное в эти годы не только для русской, но и для всей европейской философской культуры.

Ключевые слова: онтология, антропология, эстетика, символ, *realia*, *realioga*, *specificum*, *correspondance*, Вяч. И. Иванов, С.Н. Дурылин, Ф.М. Достоевский, Ж. Маритэн

Для цитирования: Резниченко А.И. «Об одном символе»: истоки и параллели. Статья первая. О смыслах имен. С.Н. Дурылин и Вяч. И. Иванов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 33–50. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-33-50

“About a Symbol”: genesis and parallels.
Article one. About the meanings
of names by S.N. Durylin and Vyach. I. Ivanov

Anna I. Reznichenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, annarezn@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the main ontological and aesthetic concepts in the theoretical works of S.N. Durylin in 1920s: “realia”, “realiora”, “correspondance / concordance”, “specificum” and “symbol”. The origins of such terminology are shown; in particular, the dependence of ontological gradations in S.N. Durylin’s articles of 1920s on the terminology of works by Vyach. I. Ivanov of 1900–1910-ies, and especially – the article “Two Elements in Contemporary Symbolism” and the discussions around it. The issue of typologization of the category “symbol” in the Russian philosophical culture of the Silver Age is analyzed.

The article reveals the relationship between the Latinized forms of ontological categories the language culture of the Silver Age – and the classical philosophical terms of the Russian philosophical language: “bytie” / “nebytie” (being / non-being). The subsequent development in the theory of the symbol is considered.

Conjugation of the concepts of *realia* and *specificum* – and the concepts of *realiora* and *ens realissimum*, passing in the 1920–1930s. from the dictionary of medieval scholasticism into the timely philosophical language, with the concepts of “corporeal” and “spiritual” (spiritual) – reveal yet another – the anthropological dimension of the category of the symbol, characteristic in those years not only for Russian, but for all European philosophical culture.

Keywords: ontology, anthropology, aesthetics, symbol, realia, realiora, specificum, correspondence, Vyach. I. Ivanov, S.N. Durylin, F.M. Dostoevskii, J. Maritain

For citation: Reznichenko AI. “About a Symbol”: genesis and parallels. Article one. About the meanings of names by S.N. Durylin and Vyach. I. Ivanov. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;4(14):33-50. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-33-50

Введение

Знаменитая дурьлинская работа «Об одном символе у Достоевского» была написана на основании одноименного доклада, прочитанного в Государственной академии художественных наук (ГАХН) 25 апреля 1926 г. Историю первой публикации текста, и в особенности – цензурных изъятий, – поясняет надпись С.Н. Дурьлина

1940 года на с. 198 оттиска «Символа» из собрания М.А. Колерова, выявленная в сентябре 2012 г.¹:

Это читано в Академии художественных наук, в Комиссии по изучению Достоевского в сезон 1926–1927 гг., и напечатано, с искажениями, в сборнике «Достоевский». Издание Академии XII. 1929. Особенно, до неузнаваемости, искажены в корректуре стр. 184–185, 190 («примечание» занимало центральное место в тексте), 194 и др. Из текста вовсе выпала песнь о «Свете Тихом», которая является ключом к познанию закатных символов в «Подростке», «Идиоте» и «Карамазовых» <...>. [1 с. 199]

Действительно, песнопение «Свете Тихий», являющееся неотъемлемой частью вечернего богослужения, напрямую не упоминается в опубликованном варианте текста ни разу. Однако символический ряд песнопения пронизывает весь дурылинский «опыт тематического обзора». Важнейший для этого текста символ – это символ заходящего солнца. Одно из воплощений его в культуре Нового времени – знаменитый «Морской пейзаж с Ацисом и Галатеей» Клода Лоррена, значимый для Ф.М. Достоевского – непосредственного героя дурылинской статьи. Фотографическая копия «Морского пейзажа» была передана в середине 1920-х годов Дурылину его другом, П.П. Перцовым, непосредственно перед подготовкой доклада. Она, как и песнопение «Свете Тихий», послужила лейтмотивом и, если угодно, *символом, знаком или эмблемой* для «Об одном символе у Достоевского». Этот сюжет будет детально рассмотрен в следующей статье; нам же сейчас предстоит разобраться с тем, что такое *символ вообще* – тем более, что в первой, нумерованной главе «Одного символа» автор дает нам ключ к пониманию того, что для него есть *символ* и какое место занимает символ в иерархии бытия, в той онтологической градации, которую отображает художественное произведение.

По мысли Достоевского, недостаточен тот метод, который знает одну только область действительности – область бытования и бывания². Всякое, хотя бы самое исчерпывающее, касание к ней с этим методом может привести художника, в лучшем случае, только к психологическим проекциям человека, недостаточным именно потому, что художественная антропология не должна довольствоваться

---

¹ См.: [1]. Сейчас этот экземпляр – в коллекции «Мемориальная библиотека» МБУК МОК, отд. «Мемориальный дом-музей С.Н. Дурылина». Статья републикована нами по правленому авторскому оттиску первого издания из собрания ГПИБ: [2].

² Разрядка С.Н. Дурылина.

одной психологией, но неизбежно требует и своей онтологии. Но онтология может иметь место лишь там, где художник за мелькающими обликами бытования и бывания видит и умеет обрести в своем искусстве прочную область бытия <...>.

И Достоевский, и Тютчев были *символистами* (курсив мой. – А. Р.) в смысле искания более углубленного постижения «реального» <...>. Поэтому самая точная формула *символического искусства* из всех, когда-либо предложенных, – *A realibus ad realiora*, – есть формула реализма; она объемлет именно то, что хочет сказать Достоевский. Действительность и ведающий ее реализм Писемского и Гончарова – это *realia*. Но Достоевскому этого мало: он идет *ad realiora* <...> [2 с. 776–777].

К середине 1920-х годов Дурылин оказался в ситуации культурного разрыва, который был неизбежен после «философского парохода» 1922 г. Значительная часть мыслителей, с которыми он мог обсуждать то, что его интересовало (включая, помимо всего прочего, и проблему символа), уехала из России. Из тех, кто остался и кто был интересен и близок Дурылину еще с периода «Пути» и «Мусагета» (к примеру, А.А. Сидоров, Г.Г. Шпет или А.Ф. Лосев), во многом сконцентрировались вокруг Государственной академии художественных наук, ставшей положительным полюсом магнита отечественной философской культуры. Проблема символа активно обсуждалась и в ГАХНе. Другое дело, что, говоря о Достоевском и выступая «по социологическому отделению»³ ГАХН, мыслитель соблюдает крайнюю осторожность при употреблении слов-маркеров, указывающих на его причастность к дореволюционной культуре: так, ключевой сюжет дурылинского творчества 1910-х годов – сюжет Незримого Града, его взыскующих и его взыскания – не мог напрямую присутствовать в риторике 1920-х годов. Однако мы, сегодняшние читатели Дурылина, вполне можем деконструировать эту вынужденную осторожность – и разобраться, что хочет сказать и с кем себя соотносит Сергей Николаевич Дурылин. Эта деконструкция (и последующая «пересборка смыслов») является *целью* настоящей статьи.

Однако ни эта деконструкция, ни эта пересборка невозможны без пристального рассмотрения некоторых имен и терминов. *Бы-*

---

³ Дурылин был научным сотрудником не филологического или философского, а социологического отделения ГАХН, хотя постоянно делал доклады на заседаниях соответствующих секций. См. об этом: [3 с. 865–866]. Однако его работы этого периода – это не совсем работы по литературной или художественной критике или истории живописи и литературы. Во всяком случае, они значительно расширяют границы литературной и художественной критики этого периода, а также нашего представления о ней.

вание, бытование, бытие; *realia, realiora, specificum, correspondance* – суть имена, т. е. такие слова, которые больше, чем просто слова. Кажется, они живут своей самостоятельной жизнью в различных текстах одного временного и семантического поля и имеют свою историю и судьбу⁴. В свое время В.П. Визгин удачно реконструировал слои дурылинской онтологии [4]. Это собственно бытие (как верхний полюс бытия), бывание – бытование (как промежуточные звенья) и нижний полюс – небытие. Эта риторика присутствует и в «Одном символе», что прекрасно видно в процитированном выше отрывке. Однако целый ряд терминов дурылинского философского языка остался непроясненным. Итак, проследить движение от *realia* к *realiora* и обратно через *specificum*, через «я есмь» эстетического высказывания – к *correspondances*, соответствиям, составляет сопутствующие задачи, необходимые для достижения цели.

Проблема символа и его типологизации

Однако имеет смысл сказать о самой проблеме символа и о том месте, которое занимает категория символа в русском философском языке первой трети XX в. Несмотря на то, что литература вопроса о том, что такое *символ* у Вяч. Иванова, у А. Белого, у Д.С. Мережковского, у А.Ф. Лосева, у П.А. Флоренского, у С.Н. Булгакова и т. д., занимает десятки страниц, мы вынуждены согласиться с выводами серьезного специалиста по культуре Серебряного века Д.М. Магомедовой о том, что «до сих пор не существует ни одной (курсив мой. – А. Р.) работы, в которой бы ставилась задача сравнительного анализа и классификации теорий символа у символистов. В лучшем случае на материале нескольких репрезентативных цитат выделяются два направления: понимание символизма как художественного метода (В.Я. Брюсов), а символа – как категории поэтики, тропа, знака, художественного приема и понимание символизма как жизнетворчества, а символа – как категории религиозно-философской или мифопоэтической. Однако ни в одной работе эта в целом совершенно правильная классификация не сопровождается развернутой сравнительной характеристикой конкретных высказываний в теоретических статьях символистов и их последовательным соотношением с художественными текстами, на которые

---

⁴ Резниченко А.И. Имена, поджидающие за поворотом. Интервью А.В. Маркову для «Русского журнала» // Русский Журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Imena-podzhidayuschie-za-povorotom> (дата обращения 1 нояб. 2018 г.).

эти концепции символа опираются» [5 с. 9]. К сожалению, хотя бы элементарного синопсиса, свода дефиниций того, что понимается под символом, в современной историко-философской литературе, относящейся к философской культуре Серебряного века, также нет. Поэтому, быть может, в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть следующую дихотомию, в целом не противоречащую той, которую замечает Магомедова. Первая часть этой дихотомии – это «символ как разделенная половина»⁵ или «символ как прием», для которых характерны отсутствие иерархии, *однорядность* символизирующего с символизируемым – либо творческий верифицируемый *метод* символиста. Вторая часть – это «символ как указание на что-то другое», будь то «касания мирам иным» или «глубины сатанинские».

Следует заметить, что одной из первых попыток типологизации категории символа, относящихся к самому периоду формирования и расцвета культуры символизма, является знаменитая статья Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме» (1909), где обозначены два направления и два пути развития символизма: это символизм реалистический, направленный на принятие иных «реалий», «принцип ознаменовательный, принцип обретения и преобразования вещи, <...> утверждение вещи, имеющей бытие; здесь – вещи, достойной бытия» [6 с. 546]⁶ – и символизм идеалистический, проекция внутреннего «я», психологического я – вовне («...с другой – принцип созидательный, принцип изобретения и преобразования <...> утверждение вещи, <...> достойной бытия» [6 с. 546]).

И наконец, в исчерпывающей формулировке:

В реалистическом символизме – символ, конечно, также начало, связующее отдельные сознания, но их соборное *единение* достигается общим мистическим лицезрением *единой* для всех, *объективной*

---

⁵ См., напр., определение этого слова, публикуемое на обложке каждого номера известного философско-богословского журнала «Символ»: «Слово “символ” происходит от греческого “составляю”, “соединяю”. В Древней Греции существовал такой обычай: друзья, расставаясь, брали какой-нибудь предмет (глиняную лампадку, статуэтку или наощенную дощечку с какой-либо надписью) и разламывали его пополам. Каждый брал себе половину. По прошествии многих лет эти друзья или же их потомки при встрече узнавали друг друга, убедившись, что обе части, соединяясь, образуют единое целое – СИМВОЛ».

⁶ См. две следующие за этим различием главы: «V. Реалистический символизм» и «VI. Идеалистический символизм». См. также важные публикации Е.В. Глуховой, позволяющие реконструировать дискуссию вокруг статьи «Две стихии...» в 1908–1910 гг.: [7], [8].

сущности. В идеалистическом реализме символ есть условный знак, которым обмениваются заговорщики индивидуализма, *тайный знак, выражающий солидарность их личного самосознания* (здесь и далее курсив мой. – А. Р.), их субъективного самоопределения. <...>

<...> Религия есть связь и знание реальностей. Сближенное *магии символа* с религиозной сферой, искусство неизбежно подпадет соблазну облечения в гиератические формы иррелигиозной сущности, если не поставит своим лозунгом лозунг реалистического символизма и мифа: *a realibus ad realiora* [6 с. 552, 561].

Как видим, с первых же строк обзора Дурылин вводит ивановские термины, и в частности ключевую формулу «*a realibus ad realiora*», не говоря, правда, ни слова о Вячеславе Иванове. Дурылину очень важно, не указывая прямо⁷, подчеркнуть терминологическую зависимость «Одного символа» от «Двух стихий». Еще одна, но уже не терминологическая, а скорее, историко-культурная завуалированная отсылка к Вячеславу Иванову (через Гёте) встречается на первых страницах «Об одном символе...»: «*Прекрасное есть обнаружение тайных законов природы*» [2 с. 777]. Именно такую формулировку гетевской цитаты из работы «Изречения в прозе» (рус. пер. 1885) приводит Вяч. Иванов в статье «Гёте на рубеже двух столетий» (1912): «Если изучение природы, как мы видели, неразрывно связано было для Гете с моментом религиозного сознания, то столь же органически сочеталось оно в нем и с его художественным творчеством. Он сам говорит в своих “Изречениях в прозе”: “Прекрасное есть обнаружение тайных законов природы, которые без его выявления остались бы для нас вечно сокрытыми”» [9 с. 142].

Но это не буквальное повторение ивановских терминов; скорее, это их дальнейшее развитие. В статьях и исследованиях 1920-х годов, в том числе и периода ГАХН («Репин и Гаршин», «Александр Добролюбов», «Бодлэр в русском символизме» и др.). Дурылин очень бережно выбирает и интерпретирует те *имена*, которые выбирает Иванов и в «Двух стихиях», и в ряде других работ 1900–1910-х годов. Если исходить из ивановской типологии, Дурылин в своем тексте 1926 г., безусловно, символист, причем символист первого, «реалистического» типа. Реальное («*объективная сущность*») для него универсально и едино, а символ – это нечто такое, что соединяет разные слои бытия.

⁷ Напомним, что в это время Вяч. Иванов уже находился в Риме, и публичное (и печатное) упоминание его имени было по понятным причинам затруднительно.

Вяч. Иванов: «Символизм» и «Simbolismo»

В 1936 г. Вячеслав Иванов пишет статью на итальянском языке под названием «Simbolismo» («Символизм») для «Enciclopedia Italiana» Istituto Giovanni Treccani. И в итальянской версии, и в русском переводе, выполненном О.А. Шор, она была опубликована во втором томе брюссельского «Собрания сочинений» [10]. 1936 год – это уже довольно поздно для формулирования символистских программ и выдвижения символистских гипотез, но самое время для саморефлексии и подведения итогов – тем более что, как пишет О. Дешарт, больше Иванов до конца своих дней не обращался к теме символизма и не пытался теоретизировать на эту тему [11]. Поскольку статья «Символизм» – энциклопедическая, то по законам жанра она должна дать целостный обзор традиции всей, а не только русской традиции символизма – что Иванов и делает. Совершенно очевидна зависимость статьи 1936 г. от «Двух стихий...»: Иванов практически полностью повторяет свое разделение на два типа символизма. Он говорит о реалистическом символизме, который ориентирован к мифу, подчеркивая философский характер категории «реализм» («Реалистический символизм признает символом всякую реальность, рассматриваемую в ее сопряженности с высшей реальностью, т. е. более реальной в ряду реального» [10 с. 664–665]) – и символизм идеалистический, который здесь прямо именуется символизмом субъективистическим [10 с. 665]. Другое дело, что в «Двух стихиях...», да и вообще во всем комплексе работ 1910-х годов, связанных с концептуализацией понятия «символизм», которая происходила в дискуссии и с Андреем Белым, и с другими представителями культуры символизма⁸, – работа по определению этого термина не была завершена. На наш взгляд, отчетливая концептуализация была завершена уже не поэтами, но философами, и прежде всего П.А. Флоренским, которому удалось дать в русском философском языке исчерпывающую дефиницию того, что же такое символ, – и даже попробовать создать свой «Симболариум». Только в «Имеславии как философской предпосылке» определение символа – через использование понятий сущности и энергии, каждое из которых в русском философском языке имеет свою непростую судьбу, – приобретает чеканную формулировку:

Бытие, которое больше самого себя, – таково основное определение символа. Символ – это нечто являющее собою то, что не есть он сам, большее его, и однако существенно чрез него объявляющееся. Раскрываем

⁸ См.: [8].

это формальное определение: символ есть такая сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю. Но, неся сущность в занимающем нас отношении более ценную, символ, хотя и имеет свое собственное наименование, однако, с правом может именоваться также наименованием той, высшей ценности, а в занимающем отношении и должен⁹ именоваться этим последним [12 с. 257]

Однако «Имеславие...» – текст 1922 г. – был написан «в стол» и увидел свет задолго после смерти автора, а значит – не был включен в современный ему исследовательский дискурс и не мог быть известен ни Иванову, ни Дурылину. Им обоим пришлось идти своими путями.

* * *

Итак, в 1936 г. Иванов пишет о символизме для итальянцев. Ему важно реконструировать не только традицию *новоевропейского* символизма – но и дать впервые самописание традиции символизма *русского* и найти свое место в этой традиции. Ситуация Иванова не является уникальной: в 1930–1950-е годы с разных позиций будут складываться различные самописания русской философии (наиболее авторитетные – Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского и Н.О. Лосского) с целью найти там *себя* и осознать свое собственное место в выстраиваемой традиции (или же не найти, как случилось с Г.В. Флоровским) – и соотнести ее с традицией европейской. То же самое происходит и с Ивановым, и здесь важно зафиксировать и линии повторений этих соотнесений, и новые связи. Так, Иванов в 1936 г. практически ничего нового для себя не говорит, говоря о Бодлере, Верлене, Гюисмансе, Роденбахе, Малларме и Метерлинке, повторяя себя образца 1909 года.

Забавным маркером служит здесь имя Габриэле д'Аннуцио, автора, второстепенного для Иванова в 1900-е годы – но важного для итальянской энциклопедии Грессани. Здесь характер оценки меняется на прямо противоположный. Так, если в Экскурсе I к «Двум стихиям...» «О Бодлэре и Гейсмансе» Иванов говорит о том, «как величавы эти кораблекрушения живых в сравнении с благополучными плаваниями раскрашенных гробов торжествующего “модернизма” <...>, – или упоенного своим и своего отечества нарумяненным великолепием Габриэле д'Аннунцио, громоздкие сооружения

---

⁹ Разрядка П.А. Флоренского.

которого напоминают колоннады национального памятника Виктору-Эммануилу, раздавившие Капитолий и Форум [13 с. 565], то в «*Symbolismo*» он пишет о нем так: «Почти то же самое можно утверждать относительно Италии времени *Cronaca Bizantina* и Д'Аннунцио, причисляемого к писателям национальной традиции не только за его культ старинного, чистого языка, но, главным образом, за его реализм, естественно вытекающий из любви к родине и из веры в ее будущие судьбы [10 с. 666]». Безусловно, эта оценка тоже есть «вынужденная осторожность», необходимость приспособляться к господствующему дискурсу фашистской Италии 1936-х гг.

А что же у нас с понятием реального, с теми самыми *realia* и *geologia*, со ступенями онтологических градаций, о которых мы вели речь? Поскольку для Иванова это уже стадия не первичного проговора онтологической интуиции, а стадия рефлексии и саморефлексии, то уместно призывать на помощь иные авторитеты, нежели друзья и соратники по символистскому кругу, – а авторитеты, важные для европейского культурного сознания 1930-х годов. И потому мы не будем удивлены, когда, говоря о реалистическом символизме, к представителям которого Иванов причисляет и себя, и для того, чтобы концептуализировать понятие «символизм», Иванов ссылается на философа-неотомиста Жака Маритена и, в частности, на его работу конца 1910-х гг. (опубл. отдельной книгой в 1920-м) «*Art et Scolastique*», гораздо больше известную на тот момент итальянскому читателю, чем читателю русскому:

Символизм реалистический ищет в вещах знак их онтологической ценности и связи, т. е. *realia in rebus*. Стремится посредством такого изображения мира, привести того, к кому он обращается а *realibus ad realiora*, осуществляя таким образом по-своему аналогический завет средневековой эстетики. <...>; реалистический символизм можно еще определить «узрением духовного в чувственном, выраженного посредством чувственного»¹⁰, как Ж. Маритэн (*Art et Scolastique*) определяет поэзию вообще в своих размышлениях над произведениями Поль Клодэля, символиста-реалиста [10 с. 665].

¹⁰ Итал.: «...divinazione dello spirituale nel sensibile, espressa per mezzo del sensibile» [10 с. 657]. В переводе «Искусства и схоластики», выполненном Н.С. Мавлевич и В.П. Гайдамака, фрагмент с Полем Клоделем и, следовательно, важное для нас терминологическое определение отсутствует: перевод выполнен по четвертому изданию [14 с. 543], возможно, Вяч. Иванов, очевидно, пользовался одним из первых, например [15]. Тем не менее у Маритена есть своя концепция символа, изложенная, скажем, в «Величии и нищете метафизики», и кроме того, известны письма Вяч. Иванова к Маритену; правда, более позднего периода (см.: [16]). Изучение этого сюжета вполне может стать предметом отдельного исследования.

Иными словами, реалистический символист – это тот, кто, не гнушаясь и не отрицая чувственное, «зрит» в духовное в чувственно-телесном, а символ – это выражение духовной области реальности в чувственном, данное через тончайшие и нежнейшие определения чувственного. Это – уже не та дихотомия, которая была обозначена нами в начале статьи. Это скорее онтологическое движение «сверху – вниз», и это не просто луч, который пронзает все слои бытия от *ens realissimum* (что логично для Маритена) до *realia*. Это еще и то, что позитивно, симпатично, душевно – обнаруживается в чувственно-телесном. Чувственно-телесное здесь не играет роли чего-то негативного, как хотелось бы неоплатонику. Как раз нет. Символ – это то, что существует предвечно, но выражается в звуках, красках, цветах, ароматах; и человеку дано разгадать эти знаки и понять их язык. Это и есть *correspondance*. Иными словами,

...символы никак не являются условными человеческими измышлениями; они выявляют во Вселенной, живой всецело, предмирные знаки, вчekanенные в сокровенную сущность вещей, и как бы тайный язык, посредством которого осуществляется общение бесчисленных душ, сродных друг другу, но разъединенных характером и особенностями существования и принадлежностью к разным кругам творения [10 с. 664].

Выстраивая, как ему кажется, впервые, традицию русского символизма, Иванов включает в нее своих друзей и недругов, начиная от Мережковского и Гиппиус (что вполне естественно), вспоминает Коневского (Ореуса), тогда уже в России совсем забытого; он подключает к этому контексту Максимилиана Волошина (как пишет Ольга Дешарт, это имя по техническим причинам выпало из опубликованной версии «*Symbolismo*» – и было затем восстановлено ей в брюссельском издании); он вспоминает Андрея Белого – своего оппонента в дискуссии вокруг «Двух стихий...»; он говорит о Владимире Соловьеве как о поэте и как о метафизике – и говорит о том, что первыми символистами были – на самом деле – Тютчев и Достоевский.

Сергей Дурылин: realia, specificum, correspondances
(вместо Заключения к Статье первой)

Однако вернемся обратно к Дурылину, к тому, что происходило десятилетием раньше в Москве. Дурылину тоже приходится выстраивать традицию русского символизма, и показательно, что в 1920-е годы он выбирает те же имена, что в 1930-е Иванов:

Гиппиус, Белый, Коневской, добавим сюда столь же прочно забытого к тому времени Александра Добролюбова. Для Дурылина, как и для Иванова, первыми символистами являются Тютчев, которого он очень любит, которому посвящает «Тютчева в музыке», который долгое время является предметом его философской рефлексии и точно так же – Достоевский.

В работах 1920-х годов, в том числе – в «Одном символе у Достоевского», Дурылину важно увидеть «просвечивающие» символы в формах *realia*, чувственно-телесного. Но еще важнее – и зафиксировать значения этих символов. Очевидно, что Дурылин не мог читать Маритэна – но у него была хорошая католическая философская культура из-за любви к антиподу св. Фомы – св. Франциску Ассизскому. Вполне может быть, что эта интуиция – общекатолическая, да и общехристианская в XX в.: низший слой бытия – *realia* – не отрицается, но является симпатично-душевно-телесной основой символизации высшего бытия. Это – радостная улыбка телесности навстречу человеку, если через нее просвечивает, или, как сказал бы Дурылин, цитируя Тютчева, «сквозит и тайно светит», луч, идущий от *ens realissimum*¹¹.

Итак, посмотрим, на основе всего вышесказанного, как «работают» в дурылинских текстах 1920-х годов важнейшие для культуры символизма термины: *realia, specificum, correspondances*:

а) *realia* (позднелат.) – сфера вещей; термин, восходящий к основному тезису средневекового реализма: «*universalia sunt realia*» («общие понятия вещественны»). В философском языке XX в. термин объективируется, становясь из прилагательного существительным. Ключевое понятие онтологии Дурылина; в целом соответствует категории «бывания» и сопоставимо с категорией «действительности» в «Непостижимом» С.Л. Франка: «Всякий символ, по существу, ведет а *realibus ad realiora*. Но, ведя к миру *realiora*, символ всегда и неизбежно пользуется плотью многообразных земных “*realia*”: явлений и вещей» [17 с. 709]. Отсюда следует, во-первых, что сфера *realia* («плоть») – необходимый уровень, или слой бытия, без которого невозможно подлинное во-площение символа, и во-вторых, поскольку *realia* *вещны, телесны* – они множественны и многообразны; *многосложны*: «Многосложные *realia* Достоевского часто воплощаются в исследуемый символ, как в завершительное – *realiora*» [2 с. 778]. Поэтому ясно, что при описании этого слоя бытия невозможно пользоваться общими местами и общими понятиями: они тут не работают.

¹¹ Показательно, что, в отличие от Вяч. Иванова, Дурылин (как и прот. С.Н. Булгаков в «Главах о Троичности» и «Агнце Божиим»), этот термин употреблял.

Нужно действительно уметь чувствовать, ощущать и фиксировать в слове эту «плоть мира». Символ (*realiora*), как «завершительное» «реалий», работает скорее как единая энтелехия «плотскости» многих плотей и вещности многих вещей;

b) *specificum* (лат.) – специфическое, видовое. На языке Дурылина – уникальное, присущее только этой вещи, этому объекту, этому человеку; то, что отличает одно от другого, одну вещь – от другой, и не позволяет хаотической и бесформенной «плоти» слиться воедино; своего рода граница – и еще одна возможная грань символа. Так же, как и *realia*, – прилагательное, играющее роль существительного, термина. Может иметь отношение к сфере *realia*, но чаще применимо к совершенно особой области, формируемой уже человеком и невозможной без творческого участия человека и проекции его субъективности, – сфере культуры. «...Она [противоположность] – в том забвении этими художниками некоего живописного *specificum*, особого “я есмь” религиозного искусства, которое возводит их полотна (конечно, искренние и замечательные), до холода “исторической живописи”» [18 с. 600]; «...живопись и литература, в сознании Стасова и Михайловского, ничем, по существу, друг от друга не отличаются, не имеют никакого *specificum* каждая для себя; они – нечто единое и переход от живописи к литературе неощутим: то, что в живописи, то самое есть и в литературе» [20 с. 737]. В применении к человеческому, субъектному зачастую носит характер индивидуального: «...Переводчики не увидели Бодлэровского *specificum* – ни в форме его стихов, ни в теме: последняя представлялась им близкой к привычной теме Некрасова, только в его городской вариации» [19 с. 665]. Зачастую *specificum* – именно та грань, которая отделяет человека от вещи и человеческое, субъективное – от вещного, предметного: «...Современный портрет большей частью есть только *nature-morte* с живого человека, как может быть *nature-morte* с яблока, с утюга, с самовара: человек здесь утеривает всяческое свое *specificum* и вполне живописно-методологически, приравнивается к утюгу, самовару и, хорошо, если к яблоку или арбузу» [18 с. 556];

c) *correspondances* (франц.) – соответствия. Название знаменитого сонета Ш. Бодлера, вошедшего в цикл «Цветы зла». И во французском, и в русском вариантах написания «соответствия» (иногда в единственном, но чаще – во множественном числе) – один из ключевых терминов дурылинской онтологии и эстетики, обозначающий формы и способы проекций друг на друга различных слоев бытия, различных сфер культуры и, наконец, человека и мира: формы и способы символизации: «...Был ли абрамцевский пейзаж “нестеровским” до Нестерова и “нестеровское” в приро-

де – это только “абрамцевское”, лишь впервые творчески явленное Нестеровым? <...> Это – прекрасная и неразгаданная тайна неизъяснимых *соответствий* (здесь и далее – курсив мой. – А. Р.) и связей искусства и природы» [18 с. 584]. Во многом поиск (и обнаружение) таких соответствий зависит не от объекта в его установленных выше онтологических градациях (*realia / realiora / ens realissimum*), а от субъекта, личности, человека, от его способностей и стремления. В случае, когда соответствие обнаружено и явлено в своем *specificum*, происходит во-пложение символа:

«...познание не есть расторжение некоторой целостности, как познание научное, а, есть, наоборот, возведение «бывающего» до целостности сущего. Улыбки в жизни случайны и мгновенны, но загадочная леонардовская улыбка не случайна, и к ней будем мы приравнивать встречную улыбку и искать *соответствия* или *несоответствия* ее таинственно-образной существенности, полагая саму эту улыбку познавательным признаком. Боттичеллиевские девушки и юноши, *теперь*, после Боттичелли, суты: встречаются в жизни, отмечаются нашим наблюдением и сознанием: их «я есмь» жизненно-действенно для нас, ведет свое происхождение от образа им созданного» [18 с. 599].

Это – ответ на вопрос, на который не ответил Иванов: как, через кого или с помощью чего «плоть мира» – *realia* воспримлет высшие слои бытия, которые «сквозят и тайно светят»? Никаких конкретных указаний, кроме указания на ключевой для символистов текст – бодлеровский сонет «Correspondance», – Вяч. Иванов не дает. Как и не приводит ни в «Двух стихиях», ни в «Symbolismo» *поэтического* перевода этого сонета (а поэтический перевод, в отличие от дословного прозаического пересказа или подстрочника, – всегда интерпретация, всегда манифестация субъективного). Зато его приводит Дурылин в «Бодлере в русском символизме» в переводе своего друга Эллиса.

<<...> Подлинным “Ars poetica” и “lex poetica” русского символизма являлся сонет Бодлэра “Correspondances” – “Соответствия”:

Природа – строгий храм, где строй живых колонн –
 Порой чуть внятный звук украдкой уронит;
 Лесами символов бредет, в их чашах тонет
 Смущенный человек, их взглядом умилен.
 Как эхо отзвуков в один аккорд неясный,
 Где все едино, свет и ночи темнота,
 Благоухание, и звуки, и цвета
 В ней сочетаются в гармонии согласной.

В это глубокое учение о “Соответствиях” – в это Sancta sanctorum Бодлэра – “кружок Крахта”, выразивший и завершивший третью пору русского бодлэрианства, – внес свой дар: он потребовал, чтобы *сам человек*¹², бредущий на земле по “лесу символов”, разыскал своего собственного духовного “соответствия” (correspondances) этому таинственному “лесу символов” – и чтобы его личность “в гармонии согласной” сочеталась с этими “благоуханиями, и звуками, и цветами» [19 с. 683–684].

Это очень важная поправка. Это – выход за рамки дихотомии «реалистический и субъективистский символизм», которой почти до конца своих дней придерживается Вяч. Иванов. О чем здесь идет речь? – О том, что символ приобретает антропологическое измерение. Человек здесь становится таким же символом, таким же деревом, таким же звуком, такой же частью гармонии. Это – путь к совершенно новой антропологии. Другое дело, что такой антропологии Дурылин не построил (есть только наметки в работах 1920-х годов): человек, «я» эмпирическое, находится в вечном колебании между двумя полюсами, между ангелом и бесом, между предельными проекциями своего трансцендентного «Я».

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17–04–00362а «Материалы по истории русской критики конца XIX – начала XX века (персоналии)».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 17–04–00362a «Materials on the history of Russian critics of the late XIX – early XX century (personalities)»

Литература

---

1. *Дурылин С.Н.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский: Труды Государственной Академии Художественных наук. Литературная секция. Вып. 3. М.: ГАХН, 1928. С. 163–199.
2. *Дурылин С.Н.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 776–803.
3. *Резниченко А.И., Резвых Т.Н.* Комментарии // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920-х годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 814–892.

---

¹² Курсив Дурылина.

4. *Визгин В.П.* Дурылин как философ // С.Н. Дурылин и его время. Материалы и исследования. Кн. I: Исследования / сост. А.<И>. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 189–193.
5. *Магомедова Д.М.* Теория символа у русских символистов // Миргород: История современного литературоведения, его эпистемологии и междисциплинарности. Lausanne: Section de langues et civilisations slaves de l'Univ. de Lausanne; Siedlce: Inst. neofilologii i badań interdyscyplinarnych Uniw. przyrodniczo-humanistycznego w Siedlcach, 2014. S. 9–36.
6. *Иванов В.И.* Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 536–561.
7. *Глухова Е.В.* Письмо Андрея Белого к Вячеславу Иванову о докладе «Две стихии в современном символизме» // Из истории символистской журналистики: «Весы» / отв. ред. Д.А. Завельская, И.С. Приходько. М.: Наука, 2007. С. 118–126.
8. *Глухова Е.В.* Комментарии // Вяч. Иванов: Pro et contra. Антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2015. С. 781–791.
9. *Иванов В.И.* Гёте на рубеже двух столетий // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 111–157.
10. *Иванов В.И.* Simbolismo. Символизм // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 652–669.
11. *Дешарт О.* [Шор О.А.]. Комментарии // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 820.
12. *Флоренский П.А.*, свящ. Мысль и язык. 7. Имеславие как философская предпосылка // Флоренский П.А., свящ. Соч.: в 4 т. Т. 3 (1) / ред. игум. Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 1999. С. 252–287.
13. *Иванов В.И.* Экскурс I. О Верлэне и Гейсмансе // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 562–565.
14. *Маритен Ж.* Искусство и схоластика // Маритен Ж. Избранное: величие и нищета метафизики / отв. ред. и сост. Р.А. Гальцева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 445–550.
15. *Maritain J.* Art et Scolastique. Paris: La librairie del l'art catholique, 1920.
16. *Гидини М.К., Шишкин А.Б.* Два письма Вячеслава Иванова к Жаку Маритену // Русская литература. 2006. № 3. С. 157–162.
17. *Дурылин С.Н.* Александр Добролюбов // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 685–735.
18. *Дурылин С.Н.* Преподобный Сергей Радонежский в творчестве Нестерова // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 565–649.
19. *Дурылин С.Н.* Бодлер в русском символизме // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 664–684.
20. *Дурылин С.Н.* Репин и Гаршин. Из истории русской живописи и литературы // Дурылин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 736–756.

References

---

1. Durylin SN. About the one symbol in Dostoevskii. The Thematic review essay. V Dostoevskii. Proceedings of the State Academy of Fine Arts. Literary section. Issue 3. Moscow: State Academy of Fine Arts Publ.; 1928. p. 163-99. (In Russ.)
2. Durylin SN. About a Symbol in Dostoevskii. The Thematic review essay. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 776-803. (In Russ.)
3. Reznichenko AI., Rezvykh TN. Commentary V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 814-92. (In Russ.)
4. Vizgin VP. S.N. Durylin as a philosopher. V: Reznichenko A., comp. S.N. Durylin and his time. Materials and studies. Vol. 1. Studies. V: Reznichenko A.I, comp. Moscow: Modest Kolerov Publ.; 2010. p. 189-93. (In Russ.)
5. Magomedova DM. Theory of symbol in Russian symbolists. V: Mirgorod. History of the contemporary literary criticism, its epistemology and interdisciplinarity. Lausanne: Section de langues et civilisations slaves de l'Univ. de Lausanne; Siedlce: Inst. neofilologii i badań interdyscyplinarnych Uniw. przyrodniczo-humanistycznego w Siedlcach, 2014. s. 9-36. (In Russ.)
6. Ivanov VI. Two elements in contemporary symbolism. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 536-61. (In Russ.)
7. Gluhova EV. Andrei Bely's letter to Vyacheslav Ivanov about the report "Two elements in contemporary symbolism". V: Zavel'skaya DA., Prikhod'ko IS., eds. From the History of Symbolist Journalism: "Vesy". Moscow: Nauka Publ.; 2007. p. 118-26. (In Russ.)
8. Gluhova EV. Commentary. V: Vyach. Ivanov: Pro et contra. Anthology. Vol. 1. Saint-Petersburg: RKhGA Publ.; 2015. p. 781-91. (In Russ.)
9. Ivanov VI. Goethe at the turn of the two centuries. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 4. Bruxelles, 1987. p. 111-57. (In Russ.)
10. Ivanov VI. Simbolismo. Symbolism. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 652-669. (In Russ.)
11. Deshart O. [Shor OA.]. Commentary. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 820. (In Russ.)
12. Florenskii PA. Thought and language. 7. Name Glorifying as a philosophical premise. Florenskii PA., Pr. Writings in 4 vols. Vol. 3 (1). (Andronnik (Trubachev AS) hegumen, ed. Moscow: Mysl' Publ.; 1999. p. 252-87. (In Russ.)
13. Ivanov VI. Excursus I. About Verlaine and Huysmans. V: Ivanov DV., Deshart O., eds. Ivanov Vyach. Collected works. In 4 vols. Vol. 2. Bruxelles, 1974. p. 562-65. (In Russ.)
14. Maritain J. Art and scholasticism. V: Maritain J. Selected Works. The greatness and poverty of metaphysics. Gal'tseva RA., ed., comp. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. p. 445-550. (In Russ.)
15. Maritain J. Art et Scolastique. Paris: La librairie del l'art catholique, 1920.
16. Gidini MK., Chichkine AB. Two letters from Vyacheslav Ivanov to Jacques Maritain *Russkaya literatura*. 2006;3:157-62. (In Russ.)

17. Durylin SN. Alexandr Dobrolyubov. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 685-735. (In Russ.)
18. Durylin SN. St. Sergius of Radonezh in the works of Nesterov. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 565-649. (In Russ.)
19. Durylin SN. Baudelaire in Russian symbolism. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 664-84. (In Russ.)
20. Durylin SN. Repin and Garshin. From the History of the Russian Painting and Literature. V: Reznichenko AI., Rezvykh TN., comp., intr. article and comm. Durylin S.N. Articles and studies of 1900–1920. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2014. p. 736-56. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна И. Резниченко, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; annarezn@yandex.ru

Information about the author

Anna I. Reznichenko, Dr. in Philosophy, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; annarezn@yandex.ru

УДК 7(470)01

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-51-60

В.В. Стасов в восприятии русской художественной критики второй половины XIX – начала XX века

Ольга В. Калугина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, evaksenia@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с новым этапом эволюции русского искусства на рубеже XIX – начала XX в. и отражением этих процессов в русской художественной критике. Анализ поздних статей известного художественного критика и публициста В.В. Стасова, как и полемика с ним представителей объединения «Мир искусства», позволяют отметить серьезные противоречия в понимании методов оценки качества произведения искусства. При этом ранний период деятельности Стасова также вызывал острую реакцию приверженцев «чистого искусства» в лице Н.А. Рамазанова и А.А. Фета, чья эстетическая позиция оказалась неожиданно близка молодым деятелям русской художественной культуры начала XX в. Чрезвычайно показательный материал представляет в этом смысле программная критическая статья Степана Петровича Яремича «Передвижническое начало в русском искусстве». Молодой художественный критик аргументированно усматривает истоки стасовской позиции в традиции европейской художественной критики эпохи Просвещения. Актуальность рассматриваемой тематике придает факт активного использования публицистического подхода к оценке произведений искусства в XX веке, а также демонстрация ее определенной реинкарнации в наши дни. В связи с этим поставлен вопрос и об ответственности художественного критика как перед современным читателем, так и перед историей искусства в целом.

Ключевые слова: художественная критика, теория «чистого искусства», Серебряный век

Для цитирования: Калугина О.В. В.В. Стасов в восприятии русской художественной критики второй половины XIX – начала XX века // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 51–60. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-51-60

V.V. Stasov in the perception of Russian art criticism of the second half of the 19th – early 20th century

Olga V. Kalugina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, evaksenia@gmail.com

Abstract. The article deals with the issues associated with the new stage in the evolution of Russian art at the turn of the 19th – early 20th century, and the reflection of these processes in Russian art criticism. The analysis of articles written by the famous art critic and publicist V.V. Stasov in his later period, as well as the polemics between him and the representatives of the “World of Art” association, makes it possible to point out serious contradictions in the understanding of methods for assessing the quality of a work of art. At the same time, the early period of Stasov’s activity also provoked a sharp reaction from the adherents of “pure art” in N.A. Ramazanov and A.A. Fet, whose aesthetic position appeared to be unexpectedly close to the young figures of the Russian artistic culture at the beginning of the 20th century. Extremely revealing material in this sense is a program critical article by Stepan Petrovich Yaremic “Peredvizhnik (Itinerant) principle in the Russian art”. The young art critic convincingly sees the origins of the Stasov position in the tradition of European art criticism of the Enlightenment. The relevance to the subject matter is added by the fact of active using a publicistic approach to the evaluation of works of art in the 20th century, as well as the demonstration of its definite rebirth in our days. In this regard, the author poses a question about the responsibility of the art critic both to the nowadays reader and to the history of art in general.

Keywords: art criticism, the theory of “pure art”, the Silver Age

For citation: Kalugina OV. V.V. Stasov in the perception of Russian art criticism of the second half of the 19th – early 20th century. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;4(14):51-60. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-51-60

Владимир Васильевич Стасов, несомненно, оставался наиболее авторитетной фигурой художественной критики рубежа XIX–XX вв., несмотря на то что он закрепился в этой роли еще в 1860-е гг. Насколько прочны были его позиции в русской культуре, насколько высоко стояла его репутация в научном мире и мире искусства, отлично демонстрируют многократно описанные торжества по случаю его 70-летия и 50-летия научной деятельности, организованные в Ларинском зале Императорской Публичной библиотеки 2 января 1894 г. [1 с. 11]. К этому времени по официальной Табели о рангах Стасов имел чин тайного советника и был причислен ко II отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии. При этом должность он на протяжении

более чем сорока лет занимает вполне скромную, а именно – заведующего художественным отделом Императорской Публичной библиотеки. Причем неоднократные предложения возглавить ее в целом были Стасовым отвергнуты, как, впрочем, отметалась им и открывавшаяся в молодые годы возможность сделать карьеру государственного чиновника.

Совершенно очевидно, что общественное положение Стасова отнюдь не определялось официальной стороной его существования [2 с. 7–13]. Можно смело утверждать, что эта мнимая скромность социального статуса в определенной мере была Стасову просто необходима, так как позволяла оставаться максимально независимым в своих художественно-критических выступлениях и быть более свободным в выборе гражданской позиции. О подлинном же значении авторитета Стасова позволяет судить масштаб чувстваний во время упомянутого выше юбилея.

В то же время, по справедливому замечанию Ф.Ф. Фёдорова-Давыдова, «расцвет критической деятельности Стасова относится к 1870–1880 гг. В это время написаны его лучшие работы, и в это время он пользовался наибольшим общественным признанием и влиянием» [2 с. 11].

Однако к середине 1890-х гг. «старевший критик в пылу полемики порою не разбирался в сложности и противоречивости новых явлений, не видел их положительных сторон, все сводя только к ошибочности или ограниченности» [2 с. 11]. Так, Стасов в эти годы находился уже в глубоком расладе не только с И.Е. Репиным, которого знал и поддерживал со студенческой скамьи, но и со многими членами Товарищества передвижных художественных выставок. А в 1898 г. критик разразился совершенно неприличной по форме изложения и не имеющей ничего общего с художественной критикой бранью в адрес выставки русских и финляндских художников (*Стасов В.В. Выставки // Новости и биржевая газета. № 27, 27 января 1898; № 55, 24 февраля 1898*) [3 с. 215–228]. Для понимания уровня «антихудожественности» этой рецензии достаточно привести одну – еще не самую резкую – цитату:

И над все этаким-то декадентским хламом г. Дягилев является как-им-то словно декадентским старостой, копит, описывает, “приглашает”, везет к нам в Петербург, со всех краев, и этому хламу мы должны кланяться, благодарить и воровать, что это-то и есть самое настоящее, нынешнее и будущее искусство? [3 с. 221].

Необходимо отметить, что к «хламу» были отнесены прежде всего возмущившие своим новаторским формальным решением представленные в экспозиции «Утро. Декоративное панно», а также скульптуры «Демон» и голова великана из поэмы «Руслан и Людмила» Ми-

хаила Врубеля. Самой беспардонной и уничижительной оценки удостоились также большинство произведений К. Сомова, Ф. Боткина, Е. Лансере и подавляющего числа финских художников.

Обоснованно раздосадованный агрессивными высказываниями критика в адрес его выставочного проекта, в котором он выступал не только организатором, но и подлинным идеологом, С.П. Дягилев написал хорошо известное теперь письмо «Ответ В.В. Стасову. Письмо в редакцию», в котором предложил ему отойти от дел в связи с утратой его выступлениями былой актуальности [4 с. 273]. Данный инцидент, хотя и не имел явных последствий, однако, показал, что авторитет стасовской позиции для определенных художественных кругов был уже отнюдь не бесспорным. Заметим, что возникшая оппозиция Стасов – Дягилев формировалась не в рамках привычного противостояния демократического искусства и консервативных академических кругов. С последними Стасов полемизировал почти полвека. Это противостояние разворачивалось на фоне резкого неприятия критиком позиции творческой молодежи, активно развивающей новые направления в русском изобразительном искусстве.

И в этом смысле выступление Дягилева было не единственным. Во-первых, сам факт обозначившего себя конфликта говорил о многом. В русской художественной культуре происходила очевидная смена вех, которая закономерно затрагивала сферу художественной критики как особого механизма творческой саморефлексии, позволяющего мастерам осуществлять своеобразную самоидентификацию в социуме в целом и в художественном процессе в частности. С другой стороны, Владимиру Васильевичу следовало в определенном смысле быть готовым пусть не к такому, но, несомненно, ожидаемому повороту в истории отечественного искусства и его осмыслению. Он сам проходил такой этап на заре своей карьеры. Известно, что Стасов, начинавший прежде всего как музыкальный критик, в ранних своих работах, посвященных живописи, был очень далек от той апологетики демократического направления в отечественном искусстве, к которой он придет только в 1860-е гг. Молодому исследователю явно не давалось понимание специфики языка пластических искусств, а обаяние технического совершенства произведений академической живописи, в частности Ф.А. Моллера, оказывало на него огромное воздействие и определяло на первых порах вкусы начинающего критика.

Естественно, русское искусство не могло оставаться на одних и тех же позициях более 40 лет подряд. Происходящие в нем изменения, однако, с трудом поддавались осмыслению в рамках уже апробированной системы, если можно так выразиться, «художественной»

ственных координат». Интересно заметить, что выступление молодежи, занявшей теперь оппозиционное положение по отношению к передвижничеству, но при этом отнюдь не с позиций последовательного академического классицизма, объективно отражало усложнившуюся картину эволюции отечественной художественной культуры. Чрезвычайно показательный материал представляет в этом смысле программная критическая статья Степана Петровича Яремича «Передвижническое начало в русском искусстве», опубликованная в журнале «Мир искусства» за 1902 г. [5].

Само название работы указывало на готовность молодого критика обратиться к анализу самого авторитетного художественного объединения России начала XX столетия – Товарищества передвижных художественных выставок. Однако начинает Яремич с достаточно отдаленных вопросов, а именно – с проблемы адекватности инструментария критики, подвергающей анализу произведения пластических искусств. Под удар попадают прежде всего «мыслители, моралисты и вообще писатели последних веков», по мнению автора, переносящие «...центр тяжести со специально художественной почвы в область научных абстракций, ничего общего не имеющих с искусством» [5 с. 19]. Может показаться, что автор начнет разрабатывать тему известного литературоцентризма отечественного искусства второй половины XIX в. Однако Яремич задается другой целью: раскрыть исторические корни анализируемого явления, заявляя, что «самое пагубное влияние принадлежит бесспорно французским энциклопедистам XVIII в. Их взгляды, доступные по форме выражения большинству, льстящие самомнению толпы, очень легко вошли в жизнь, сделавшись краеугольным камнем современной буржуазной художественной критики» [5 с. 19].

Яремич в небольшой по объему, но плотно выстроенной содержательно статье выявляет новые тенденции и связи и прямо указывает на единство процесса эволюции буржуазной эстетической мысли с той лишь разницей, что в России она начинает вставать на этот путь практически на полстолетия позже. Яремич приводит цитату из «Опыта о живописи» Дидро, по его мнению особенно ярко иллюстрирующую позицию французского мыслителя: «Если художник хочет узнать, не осталось ли на его полотне чего-либо двусмысленного или недосказанного, пусть призовет он двух просвещенных людей, которые порознь разъяснят ему в подробности всю его композицию. Я не знаю почти ни одной современной композиции, которая могла бы выдержать такую пробу. Из пяти-шести фигур едва ли останутся две-три, которые не следует заменить» [6 с. 255]. Яремич, расценивающий подобные высказывания как грубое вторжение в сферу личной творческой свободы художника,

подчеркивает: «Можно проследить шаг за шагом, как эти и подобные этим (высказываемые Дидро. – *О. К.*) суждения, переходя из страны в страну, отравляли искусство, оставляя на своем пути ничтожество и бесплодие» [5 с. 20].

Как видим, описывая пропагандируемые Дидро методы анализа произведений искусства, автор очень быстро выходит на совершенно новую тему – проблему творческой свободы художника. Можно обоснованно утверждать, что именно этот вопрос являлся той главной болевой точкой, на которую так остро реагировала русская художественная культура на новом этапе своего развития. Ощущение внутренней неудовлетворенности положением художника в России заявило о себе внятно еще в знаменитом так называемом «бунте 14». Вполне очевидно, что главным, может не выраженным словесно, но очень сильным мотивом этого «бунта» было нежелание молодых выпускников Академии художеств оказаться в положении лишенных творческого выбора ремесленников. И тогда активная поддержка Стасова явилась мощным стимулом развития нового движения.

Однако поворот, происшедший в русском искусстве, расценивается Яремичем с совершенно другой стороны. Он видит лишь открывшиеся ворота для широкого проникновения в данную сферу дилетантизма, разрушающего основы технического совершенства. В своем мощном обличительном запале молодой критик, практически вторя стилю Стасова, часто демонстрирует отсутствие последовательности. Он обзывает лубочными картинками работы бытового жанра членов ТПХВ, при этом в дальнейшем дает лубку интересную и тонкую оценку как оригинальному явлению русской художественной культуры. Он сетует на недостаточную оцененность Федотова, забывая, что и этот живописец начинал как дилетант. Но самое большое возражение вызывает у Яремича «передвижничество» как течение «псевдо-реализма», где приверженные ему художники, «...игнорируя решение художественных задач, принялись, под диктовку своих учителей с жаром работать над решением “проклятых” и всяких других вопросов» [5 с. 21]. Совершенно ясно, что в статье не однажды упоминалось имя Стасова как главного идеолога данного направления.

Встает вопрос: был ли в своей позиции Яремич совершенно оригинален? Сразу стоит заметить, что нет. Еще на заре своей деятельности в качестве художественного критика Стасов также имел серьезных оппонентов, наиболее последовательным из них был основатель скульптурного класса МУЖВЗ Николай Александрович Рамазанов [7 с. 182–191]. Заметим, что его личность в разных источниках имеет достаточно противоречивое освещение. Несомненно, что это был человек одаренный, прошедший блестящую

академическую выучку, высокий профессионал не только в практике создания скульптурных произведений, за которые не раз удостоивался наград и поощрений, но и в понимании задач и логики образовательного процесса. Одновременно он проявлял себя и как талантливый художественный критик, и как заботливый наставник, тонко чувствующий дарование.

При этом Рамазанов всегда оставался скульптором, что называется, «до мозга костей». Именно в этом видится нам смысл его полемики с В.В. Стасовым и противостояния методу В.Г. Перова. За легко навешиваемым ярлыком сторонника «чистого искусства» скрывалась позиция исключительно последовательного мастера пластики, взиравшего на художественные задачи прежде всего через призму своего профессионального поприща. Его реакция на увлечение бытовым жанром в этом смысле весьма показательна и прекрасно выражена в следующих словах: «Это есть направление, общее всем жанристам... заставляющее их, подобно сыщикам, обнаруживать перед обществом скандальные, возмущающие душу сцены. Не лучше ли такую роль предоставить нашей новейшей избалованной литературе? Не лучше ли художнику трудиться во имя чистого искусства, покинув ложный путь тенденций, прятных сюжетов, вымороченных эффектов?» [8 с. 85]. Как не увидеть здесь аналогию прозвучавшим со страниц «Мира искусства» почти 40 лет спустя словам Яремича о пристрастии передвижников к «популяризации “несчастных случаев”» [5 с. 24]?

Итак, перед нами предстает явление практической реинкарнации идеи «чистого искусства», которая так пылко была когда-то Стасовым раскритикована и с которой до сих пор еще совершенно ничего не ясно в истории нашего искусствознания. И когда в 1904 г. в годовщину памяти любимого ученика Рамазанова и подлинного основателя московской скульптурной школы Сергея Ивановича Иванова будет издан альбом, посвященный его памяти, на его страницах эта оппозиция вновь проявит себя как совершенно неразрешенная. Составитель и автор сопроводительного текста Л. Разумихин вполне очевидно являлся последователем именно стасовской линии развития художественной критики, которую Яремич справедливо относит скорее к публицистике. Но одновременно здесь же будет опубликована перепечатка художественно-критического очерка Афанасия Фета, увидевшего свет в 1866 г. (!) [9], который фактически служил поэту предлогом для пропаганды своих идей, со всей очевидностью тяготеющих к защите «чистого искусства» [10].

Не имея возможности в рамках ограниченной по объему статьи развернуть намеченные проблемы во всей их полноте, необходимо все-таки акцентировать следующее. На рубеже веков отечествен-

ная художественная критика завершила своеобразный круг эволюции, который продемонстрировал как неразрешенность вопросов, волнующих ее уже на протяжении полустолетия, так и актуальность возврата к их анализу на новом историческом этапе. Причем это касалось не только роли критики в эволюции отечественного искусства, но и переоценки роли и значимости учителей, что, естественно, является предметом специального исследования, но не упомянуть эту проблему невозможно. Новые тенденции в русском искусстве не только породили новый тип критика-эссеиста, они обострили давние проблемы, которые, кстати, во многом не разрешены и на сегодняшний день.

Действительно, молодые Яремич и Дягилев активно пытались отстоять новый взгляд на задачи искусства, который оказывался, в свою очередь, наследием идей давнего прошлого. А высказывания Стасова продолжали оставаться актуальными для определенного сегмента творцов и зрителей, несмотря на их неизменность (о чем критик не раз с удовольствием писал в своих работах!) в течение десятилетий. Зря ли трудился Стасов? Так ли далеки от него Яремич и Дягилев? Можно смело сказать, что Владимир Васильевич оставил очень яркий след в русской художественной критике еще и в том смысле, что придал ей совершенно особую страстность и мощный полемический задор.

Сейчас с точки зрения сформировавшейся исторической дистанции поражает эта неумолимая схожесть приемов полемики и даже набор эпитетов, как будто впитанных молодыми мирискусниками из воздуха, которым 40 лет дышало русское искусство. Мягкие обороты Фета и Рамазанова, прямо призывавшего Стасова не браниться в статьях, трогательные сентенции Разумихина не в состоянии сравниться с тем накалом страстей, который бушует на страницах публикаций Яремича и в переписке Дягилева. В этом смысле они оказываются прямыми наследниками стасовской публицистичности, несмотря на смену полюсов содержания.

Приходится констатировать также, что данная проблема – придания журналистско-публицистического характера статьям искусствоведческого содержания – остается актуальной для всей отечественной художественной критики XX и даже начала XXI в. И современным авторам следует серьезно задуматься о конструктивности и перспективности такого подхода, о месте и мере его возможного применения. И прежде, чем бросать упрек прошлому, необходимо внимательно всмотреться в себя, точно определив, чем мы ему обязаны, а что должны и сможем преодолеть. Чрезвычайно ценно при этом обратиться и к опыту другой линии художественно-критической оценки произведений искусства, представленной

статьями Н.А. Рамазанова, А.А. Фета и ряда других авторов, чья позиция отличалась ориентацией на взвешенный и эстетически аргументированный анализ произведений искусства. В любом случае представленный нами материал свидетельствует о разнообразии мнений в сфере русской художественной критики, детальное исследование истории которой позволит в дальнейшем составить гораздо более объективное мнение о художественной жизни России второй половины XIX – начала XX в.

Литература

---

1. *Лебедев А.К., Солодовников А.В.* Стасов. М.: Искусство, 1982. 191 с.
2. *Фёдоров-Давыдов А.А.* В.В. Стасов и его значение как художественного критика // Стасов В.В. Избранные статьи о русской живописи. М.: Детская литература, 1984. 156 с.
3. *Стасов В.В.* Избранные сочинения: В 3 т. Живопись, скульптура, музыка. Т. 3. М.: Искусство, 1952. 888 с.
4. *Кауфман Р.С.* Очерки истории русской художественной критики XIX века. М., Искусство, 1990. 366 с.
5. *Яремич С.П.* Передвижничество начало в русском искусстве // Мир искусства. 1902. № 6. С. 19–25.
6. *Дидро Д.* Опыт о живописи // Дидро Д. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.; Л.: Гослитиздат, 1946. 640 с.
7. *Рамазанов Н.А.* Материалы к истории художеств в России. Статьи и воспоминания / сост., вступ. ст. и примеч. Н.С. Беляева. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2014. 781 с.
8. *Молева Н.М., Белютин Э.М.* Русская художественная школа второй половины XIX – начала XX века. М.: Искусство, 1967. 391 с.
9. *Фет А.А.* По поводу статуи г. Иванова на выставке Общества Любителей Художеств // Сборник: Издание Московского общества любителей художеств / под ред. А.С. Уварова. Том 1. [Единственный]. М., [в типографии Грачева и комп.], 1866. С. 74–92.
10. *Калугина О.В.* А.А. Фет и В.В. Стасов в полемике о понятии «чистого искусства» // Акимов С.С., Андреева Е.М., Ахметова Д.И., Блейкли Р.-П. Императорская Академия художеств в культуре Нового времени: Достижения. Образование. Личности. К 260-летию Академии художеств. М.: БуксМАРт, 2016. С. 120–123.

References

---

1. Lebedev AK., Solodovnikov AV. Stasov. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1982. 191 p. (In Russ.)
2. Fedorov-Davydov AA. V.V. Stasov and his importance as an art critic. V: Stasov V.V. Selected articles on Russian painting. Moscow: Detskaya literatura Publ.; 1984. 156 p. (In Russ.)

3. Stasov VV. Selected works. In 3 vols. Painting, sculpture, music. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1952. 888 p. (In Russ.)
4. Kaufman RS. Essays on the history of Russian art criticism of the 19th century. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1990. 366 p. (In Russ.)
5. Yaremich SP. Peredvizhnik (Itinerant) Principle in Russian Art. *Mir iskusstva*. 1902;6:19-25. (In Russ.)
6. Diderot D. An Essay on painting. V: Diderot D. Collected works. In 10 vols. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gospolitizdat Publ.; 1946. 640 p. (In Russ.)
7. Ramazanov NA. Materials to the history of the arts in Russia. Articles and memoirs. Belyaeva NS., comp., intr. article and comm. Saint-Petersburg: Biblioteka Rossiiskoi akademii nauk Publ.; 2014. 781 p. (In Russ.)
8. Moleva NM., Belyutin EM. Russian art school of the second half of the 19th – early 20th century. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1967. 391 p. (In Russ.)
9. Fet AA. Concerning the statue of Ivanov at the exhibition of the Society of Art Admirers. V: Uvarov AS., ed. Collection. Publication of the Moscow Art Admirers Society. Vol. 1. [Single]. Moscow: [in the printing house of Grachev and Comp.] Publ.; 1866. p. 74-92. (In Russ.)
10. Kalugina OV. A.A. Fet and V.V. Stasov in the controversy about the concept of “Pure Art”. V: Akimov SS., Andreeva EM., Akhmetova DI., Bleikslis R.-P. The Imperial Academy of Arts in the Culture of the New Time. Achievements. Education. Personalities. To the 260th Anniversary of the Academy of Arts. Moscow: BuksMART Publ.; 2016. p. 120-23. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга В. Калугина, доктор искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; evaksenia@gmail.com

Information about the author

Olga V. Kalugina, Dr. in Art History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; evaksenia@gmail.com

УДК 747(470)
DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-61-70

«Белые» печи в дворцовом интерьере: Останкино

Светлана И. Баранова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, svetlanbaranova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена белым изразцовым печам, входящим в отопительную систему уникального памятника – деревянного дворца в Останкино (1791–1798). Они отличаются особенностями декора, который свидетельствуют о выборе заказчика в пользу классического образа одного из важнейших элементов интерьеров усадьбы. Выявленные аналоги дают основание предположить местом изготовления печей Останкинского дворца фабрику Конради в Петербурге. В пользу этого свидетельствует не только их сходство с печами петербургских дворцов, но и круг их заказчиков, принадлежавших к высшим слоям общества. В сходстве печей виден хорошо известный механизм подражания престижному (в частности, царскому) оформлению быта.

Ключевые слова: Останкинский дворец, Мраморный дворец, Гатчинский дворец, интерьеры, изразцовая печь, «классическая» печь, образец

Для цитирования: Баранова С.В. «Белые» печи в дворцовом интерьере: Останкино // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 3 (13). С. 61–70. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-61-70

“White” stoves in the palatial interior. The case of Ostankino

Svetlana I. Baranova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, svetlanbaranova@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the white-tiled stoves which are included in the heating system of the unique wooden palace in Ostankino (1791–1798). These stoves are characterised by the decorative features which show the patron's choice of the classical style for one of the most important elements of the palace's interior. The analysis of analogues reveals that a place for manufacturing the Ostankino stoves could be the Konradi factory in St. Petersburg. This conclusion is strengthened not only by the similarity of the Ostankino stoves and those of St. Petersburg palaces but also by the same circle of customers, mostly from the upper class of society. The article demonstrates a well-known mechanism of copying the prestigious (first of all, the royal) decorations in interiors.

Keywords: Ostankino Palace, Marble Palace, Gatchina Palace, interiors, ceramic tile stove, classical stove, exemplar

For citation: Baranova S.I. “White” stoves in the palatial interior. The case of Ostankino. *“Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;3(13):61-70. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-61-70

Известна уникальность сохранных инженерных инфраструктур, которые составляли некогда основу, фундамент тех шедевров дворцового и паркового строительства, которые мы привыкли рассматривать в курсе истории искусства или культуры: фонтанов, акведуков, дренажей, отопительных устройств и т. п. Их приходится изучать в основном по старым руководствам, дающим исключительно схематическое представление о том, какие инженерные и художественные решения были приняты архитекторами в каждом конкретном случае. Поэтому подлинные, дошедшие до нас фактически в рабочем состоянии, – буквально «на вес золота», их необходимо сохранить, а если это невозможно – по крайней мере подробнейшим образом натурно изучить, создав новый источник для «художественной археологии».

К таковым, несомненно, относится отопительная система уникального памятника конца XVIII в. – деревянного дворца в Останкино (1791–1798), по сути воплощающая все, что наработало печное дело к этому времени: разнообразные виды отопительных приборов, отличающихся особенностями устройства и декора, без сомнения, могут стать в дальнейшем важными объектами музейного показа.

Между тем отопительная система дворца и история ее создания мало исследована. Заметим, что это связано с общей проблемой изучения печей XVIII в., которая объясняется не только плохой их сохранностью (множество печей попросту утрачено), но и слабой изученностью производства в этот период. Уникальная сохранность и подлинность печей в Останкине, а также документальные сведения, в частности Повеления графа Н.П. Шереметева [1], позволяют высказать предположения о времени и месте создания некоторых усадебных печей.

В Останкинском дворце в общей сложности находится 39 отопительных приборов различной конфигурации и 31 дымоход¹.

---

¹ Данные приводятся по отчету ООО «Стройкомплект» по исследованиям печей и дымоходов Останкинского дворца. См.: [2].

Отопительная система неоднократно подвергалась реставрации и ремонту вместе с самим дворцом. Так по «Расчетной ведомости по работам...

Шереметев лично контролировал создание отопительной системы. Об этом свидетельствует инструкция графа служителю Модесту Бадагаеву:

Смотреть, чтобы в покоях, а особливо в большом доме, печи были исправны и трубы в свое время вычещены, и когда протапливаются, тогда бы определенные люди были безотлучно, при чем тебе и самому надсматривать, в противном случае всякая неисправность взыщется на тебе [2 с.62].

Во всей сложной отопительной системе Останкинского дворца нас в первую очередь интересуют белые изразцовые, «классические» печи, столь органичные интерьерам этой эпохи.

Немецкий исследователь середины XX в. М. Биркенбиль писал:

Классическая печь похожа на памятник, ничего в ней не напоминает, что когда-то она состояла из маленьких кафелей. Дух времени требовал древних изделий в виде образцов. Так как Греция не имела печей, то образцом служили сходные предметы, как то древние гробницы и жертвенные алтари. Колонны с античными украшениями встречаются в топочной части печей северной и южной Германии. <...> Классическая печь предъявляет большие требования гончарному искусству, особенно, потому что она складывается не из кафелей, а из крупных частей. Иногда вся верхняя часть представляет собой одно целое. В цилиндрических печах орнамент не повторяющийся, детали каждый раз формуют заново².

В настоящее время во дворце сохранилось шесть таких печей, четыре на первом и две – на втором этаже. Две из этих печей рас-

---

в 1876, 1877, 1878 гг.»: «Сложены заново с добавлением нового материала 27 голландских печей, 9 больших штучных печей, 7 мраморных каминов. Разобраны и вновь сложены 2 пневматические печи, – вновь проведено два холодные поддувала в камеры и два канала для втягивания воздуха из подвала, печи облицованы полуторными изразцами (печной коридор)». См.: РГИА. Ф. 1118. Д. 1452. Л. 386.

² *Биркенбиль М.* Кафельные печи эпохи классицизма.

[Die Kacheloefen des Klassizismus. Birkenbihl M. // *Keram. Rundsch.* 1937. № 38–39.]

На последней стр. пер. (Гладыревская) // Архив А.В. Филиппова (частное собрание, без шифра. Машинопис. текст. 20 стр.).

Цитируемый текст на с. 6–7. В своей работе Биркенбиль, кроме немецких печей в качестве аналогов называет печи Страсбурга, печи из коллекции Лелонг (Париж), итальянской Ривьеры в Алассио (пансион Рейнера), печи венских мастеров.

положены одна над другой и имеют общий дымоход. Это печи в Нижней и Верхней наугольной в сад. Кроме них можно выделить две печи с черными бюстами, в так называемой Проходной галерее к старым хоромам; печь в Верхней наугольной во двор и печь в Проходной в Египетский павильон. Печи сложены из крупных изразцов, с черепком светло-охристого цвета из тонко переработанной массы, с белой поливой, напоминают монументальные архитектурные сооружения. Описи дворца 1802, 1837 гг. сохранили краткое описание этих печей: «<...> из белых обливных кафель» [3 с. 176, 4 с. 167, 202].

Закупка печей осуществлялась по приказу самого графа, о чем свидетельствуют документы. Так, в декабре 1793 г. поднимается вопрос о делании печей в Египетском павильоне, но его решение откладывается до приезда графа³.

Летом 1794 г. через архитектора И.Е. Старова за 600 рублей были закуплены четыре печи у петербургского гончара для проходных галерей, идущих от павильонов к старым хоромам и гостиному флигелю⁴. Этому предшествует распоряжение графа: «В Египетском павильоне и вновь сделанных пристройках под печи фундаменты заготовлять, а печи может быть куплены будут мною здесь» [5 с. 163].

В июне «берутся у Петербургского гончара четыре печи для отправки в Останкино»⁵. Можно предположить, что речь идет о двух печах, увенчанных бюстами, находящихся в Проходной галерее к старым хоромам, а также еще двух «классических» белых печах из оставшихся четырех.

Строительные работы велись на протяжении всего 1796 г. В марте–апреле 1796 г. крепостной архитектор Миронов «отсылает рисунок печи в проходную галерею к Египетскому павильону от главного дома»⁶. Печь была сделана в сентябре 1796 г.⁷ и в настоящее время находится в этой галерее. В конце 1797 г. было решено начать пристройки со стороны сада. В Нижней наугольной комнате в сад граф Шереметев велел сделать печь под верхним камином, но здесь возникла задержка. В 1798 г. граф пишет Агапову:

---

³ Повеление № 131, 1-е, 26 декабря 1793 г.; № 125, 2-е 12 декабря 1793 г.

⁴ Повеление от 13 июня 1794 г.; Повеление от 14 августа 1794 г.

⁵ Повеление от 13 июня 1794 г.

⁶ Отписка Агапова 20 марта 1796 г.

⁷ Отписка 18 сентября 1796 г. См. также: Повеления 9 сентября № 272, 23 сентября № 276, 283, 30 сентября № 288.

В новой пристройке из сада в нижней комнате, что подле эстампной галереи в углу печь делать отменяю, а сделать в новой комнате только одну печь, ту, которая назначена быть под камином, но как ты представляешь, что из имеющихся в Останкине наличных петербургских печей в оную комнату по пропорции годных нет, то она печь из Петербурга по мере прислана будет» [6 с. 180].

В конце концов в комнате установили печь, уменьшив ее высоту за счет верхней части.

Установка печей была связана с процессом оформления интерьеров дворца. Так, известно, что настил пола в Итальянском павильоне оставили до весны, «когда отделаются печи»⁸. Агапов просит поскорей прислать полы для верхнего зала и пристройки к Итальянскому павильону и беспокоится, что нет печей для верхних комнат⁹. Обоз с печами и полами из Петербурга для Итальянского павильона высылается зимой 1796–1797 гг. [1 с. 26]. В 1797 г. в проходную галерею из Итальянского павильона ко дворцу должны были поставить Петербургскую печь¹⁰.

Таким образом, документы говорят о столичном происхождении классических белых изразцовых печей. Это подтверждается и кругом выявленных аналогов – печей Гатчинского и Мраморного дворцов, дома князей Лазаревых в Санкт-Петербурге, усадьбы М.И. Донаурова – «Жерновка» под Петербургом¹¹.

Известна тесная связь графа Шереметева с хозяином Гатчинского дворца – великим князем Павлом Петровичем. Николай Петрович Шереметев с детства дружил с Павлом Петровичем, который был на три года моложе его. Он посещал будущего императора в Зимнем дворце, вместе с ним участвовал в заграничном путешествии. С воцарением Павла I Н.П. Шереметев в качестве камергера был приближен ко Двору и придворной жизни. В 1797 г. своим именованным указом император назначил его обер-гофмаршалом. В этом звании он пробыл около двух лет до выхода в отставку в 1800 г.

Гатчинский дворец был любимым местом пребывания цесаревича и строился почти одновременно с Останкинским дворцом.

⁸ Отписка 1-го, 3-го, 8-го и 25 сентября 1796 г.

⁹ Отписка 1 января 1797 г.

¹⁰ Записки прикащика. № 106, 15 мая 1797 г.

¹¹ В дальнейшем, после уточнения, можно ввести в этот список и другие печи. Так, по нашим сведениям, печь, напоминающая своими формами «классические» останкинские печи, находилась в усадьбе Семеновское-Отрада, построенной в 1774–1779 гг. Владимиром Григорьевичем Орловым, младшим из братьев Орловых.

Граф Шереметев неоднократно посещал Гатчину. Во время присутствия Высочайших особ в Гатчине Н.П. Шереметев неотлучно должен был находиться в императорском дворце, поэтому с момента назначения его обер-гофмаршалом он даже некоторое время жил в Гатчине.

Несомненно, графу были известны особенности печного устройства Гатчинского дворца. Об этом косвенно свидетельствует письмо от 17 сентября 1797 г., адресованное Анне Александровне Оболяниновой (1754–1822), урожденной Ермолаевой, супруге директора (управляющего) города Гатчины, генерал-провиантмейстера П.Х. Оболянинова, о котором граф Шереметев пишет:

Милостивая государыня Анна Александровна.

Буду я в готовности, во исполнение воли монаршей, возвратиться опять в Гатчину и помещаться в тех покоях, от которых уже немало потерпел по той причине, что к одной стене примыкает кухня и страшные очаги, горящие почти день и ночь, нагревают стену так сильно, что тот один покой, в котором я помещаюсь, столько всегда жарок, что нет способу в нём жить и здоровому человеку, не только мне, ослабевшему от сильного геморроидального течения, для коего и не столь сильный жар совершенно делается вредным¹².

Далее граф просит «переменить покой».

От эпохи Павла в Гатчинском дворце сохранилось немного, но о подлинных интерьерах можно судить по акварелям Э. Гау 1870–1880 гг.¹³ и фотографиям 1938 г., сделанными в Гатчинском дворце-музее М.А. Величко¹⁴. Именно эти материалы используются для сопоставления печей Гатчинского и Останкинского дворцов.

Так, белая печь с колонками в Нижней наугольной комнате в сад в Останкино аналогична печи в приемной Павла I в Гатчине. Последняя поставлена в высоком помещении и завершается над карнизом рифленным куполом и вазой. Низкое помещение проходной галереи в Останкине позволило поместить подобную печь под самый потолок, не только срезав купол и вазу, но и сократив немного высоту карниза печи. Возможно, архитектор использовал гат-

¹² Из бумаг и переписки графа Н.П. Шереметева // Русский архив. 1896. № 8. С. 319.

¹³ *Петрова О.В.* Гатчинский дворец в акварелях Эдуарда Гау // ГБУК «ГМЗ «Гатчина». URL: <http://gatchinapalace.ru/special/publications/collection/gau.php> (дата обращения 27 нояб. 2014).

¹⁴ Залы и комнаты Гатчинского дворца на фотографиях, выполненных М.А. Величко в 1938–1940 гг. // Гатчина – вчера, сегодня... URL: http://www.gorod.gatchina.biz/dll_9105001 (дата обращения 27 нояб. 2014).

чинскую печь за образец, по необходимости сняв ее верх и облепив карниз. Эти композиционные изменения, по-видимому, заставили в останкинской печи внести рустованную обработку цоколя вместо гладкой. В результате она получилась более тяжеловесной.

В свою очередь, сравнение гатчинских печей с печами Мраморного дворца в Санкт-Петербурге было проведено известным петербургским исследователем А.Е. Ухналевым, который сделал вывод об общем происхождении печей Гатчины и Мраморного дворца, установив место их изготовления – фабрику Конради и подтвердив это документально [7 с. 136–142]¹⁵. Он приводит текст записи из счетов за 1785 г. о возмещении графам Владимиру и Федору Орловым 7700 руб., выплаченных ранее Конради «за сделанные им по заказу назначенные прежде в гатчинский дом, а по надобности, взятые к строению мраморного дома фаянсовые 10 печей»¹⁶.

Печи Мраморного дворца погибли при перестройке 1840-х гг., однако сохранились на листах архитектурных фиксаций. Ухналев приводит их изображения на акварелях 1830 г., которые позволяют представить их облик.

Договор на изготовление печей для Мраморного дворца был заключен 22 ноября 1773 г. с фаянсовых дел мастером и фабрикантом Альбертом Фридрихом Конради (в документах он именуется Кунрадием или Конрадием). Его фабрика находилась в Красном Селе, и на ней изготовлялись печи для императорских дворцов. Конради постоянно сотрудничал с Кваренги и Камероном. Ухналев приводит свидетельства его участия в работах в Большом Царскосельском, Зимнем дворцах, в Малом и Большом Эрмитаже [7 с. 137]. Печи для Лоджий Рафаэля по рисункам Кваренги также были изготовлены на фабрике Конради; там же по рисункам Камерона были выполнены печи для Лионского зала в Большом Царскосельском дворце¹⁷.

В круг аналогов печей также входят не сохранившиеся печи из усадьбы секретаря императора Павла I М.И. Донаурова – «Жерновка»

---

¹⁵ Приношу глубокую благодарность автору за предоставленную в кратчайший срок книгу.

¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 1282. Л. 31, 31 об. Цит. по: [7 с. 141]. Запись в счетной книге за 1785 г. подводит итог работам Конради в Мраморном дворце: за 11 лет, прошедших с 1773 г., керамист поставил во дворец 9 печей на сумму 6300 руб. (РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 1282. Л. 21, 22). Цит. по: [7 с. 138].

¹⁷ На Красносельской фаянсовой фабрике Федора Ивановича Конради (sic!) были изготовлены колонки для опочивальни Екатерининского дворца в Царском селе и печи в виде ротонды на высоком цоколе для Арабескового и Лионского залов. Их украшала роспись, имитирующая витые колонны, а на цоколе – лепные розетки, гирлянды и грифоны.

постройки Кваренги. Исследователь усадьбы Г. Лукомский указывает на сходство печей «Жерновки» и домов Абамелек-Лазарева, Яковлева, а также Гатчинского дворца (приемная Павла I) и делает вывод о том, что все эти печи являются работами одного завода [7 с. 137].

Первые упоминания о фабрике Конради встречаются с начала 1780-х гг. [8 с. 202–203], а документальные сведения о заказах Конради для Мраморного дворца, выявленные Ухналевым, свидетельствуют о существовании фабрики в 1773 г. [7 с. 137].

Выявленные аналоги дают основание предположить местом изготовления печей Останкинского дворца фабрику Конради. В пользу этого свидетельствует не только их сходство с печами петербургских дворцов, но и круг их заказчиков, принадлежавших к высшим слоям общества. В сходстве печей виден хорошо известный механизм подражания престижному (в частности, царскому) оформлению быта.

При ближайшем рассмотрении все печи демонстрируют высокую степень сходства не только в архитектурном образе, но и в подобию отдельных деталей, входящих в состав печного набора. Так, в Останкино отмечено повторение декоративных деталей в печах разной формы: печи в нижней и Верхних наугольных комнатах, несмотря на различие в архитектурных объемах, имеют ряд повторяющихся керамических элементов: колонны, части фриза, полукруглые арочки в цокольной части – в общей сложности 13 видов изразцового декора, совпадающего по форме и размеру¹⁸, которые, в свою очередь, имеют сходство с печами Гатчинского дворца. Одинаковые детали обнаружены между печами Гатчинского и Мраморного дворцов [7 с. 141–142]. Яркий пример тому – печи, повторяющие формы памятника Лисикрата, которые находились в том числе и в Останкинском дворце.

Это не исключало введения оригинальных авторских деталей. Так, печь в Проходной в Египетский павильон в Останкине украшена рельефом петербургского скульптора Ф.Г. Гордеева «Жертвоприношение Приапу»¹⁹, чьей мастерской принадлежат барельефы на фасадах и в некоторых из помещений дворца. Печи в Верхних наугольных комнатах идентичны вплоть до деталей рельефа, но различаются формой ваз, завершающих купол, и наличием скульптур по сторонам одной из печей.

---

¹⁸ В 1948 г. Лабораторией Керамики Академии Архитектуры СССР под руководством А.В. Филиппова были проведены обмеры печей Останкинского дворца.

¹⁹ Сайт ГБУК г. Москвы «Музей-усадьба Останкино». URL: <http://www.ostankino-museum.ru/ru/estate/palace/interiers/> (дата обращения 27 нояб. 2014).

Как видно, в основе печных наборов исследованных печей просматривается принцип неоднократного использования тех или иных форм на протяжении почти трех десятилетий (1770–1790). Одними из первых стали печи Мраморного дворца, затем классические печи с разными вариантами декора появились в других дворцах. Можно предположить, что завод Конради таким образом успешно справлялся с уникальными и ответственными заказами.

Выдающиеся архитекторы, строившие дворцы, сделали выбор в пользу этих печей, в полной мере соответствующих архитектуре дворцов того времени. В Мраморном дворце печи были выполнены по рисункам Ринальди «по данным ему (Конради) рисункам и описаниям» [7 с. 140]. Придерживались этого выбора и зодчие Останкинского дворца – петербургские архитекторы И.Е. Старов, В. Бренна, Дж. Кваренги и крепостные архитекторы графа Н.П. Шереметева – П.И. Аргунов, А.Ф. Миронов (автор печи в Проходной галерее к Египетскому павильону), Г.Е. Дикушин. Конечно, согласовывая это с заказчиком, особенно столь сведущим, как граф Н.П. Шереметев.

Поставленные в один ряд с другими дворцовыми печами, «классические» печи Останкина свидетельствуют об осознанном выборе в пользу классического образа одного из важнейших элементов интерьеров усадьбы.

Литература

---

1. *Виноградов К.* Останкино. Крестьяне и рабочие при постройке Останкинского «Увеселительного дома» (театра-дворца). Труды музея-усадьбы «Останкино». М.: Издание музея, 1929. 117 с.
2. Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба “Останкино”, конец XVIII в.». Дворец-Театр. Предварительные технологические исследования. Т. 2. Исследования состояния печей и дымоходов. СПб., 2013.
3. *Еремينا О.И.* Верхняя наугольная во дворе // Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба “Останкино”, конец XVIII в.». Дворец-Театр. Предварительные технологические исследования. Т. 2. Исследования состояния печей и дымоходов. Кн. 1. Помещения Центральной части Дворца-Театра. СПб., 2013.
4. *Ракина В.А.* Верхняя наугольная, что окнами в сад // Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба “Останкино”, конец XVIII в.». Дворец-Театр. Предварительные технологические исследования. Т. 2. Исследования состояния печей и дымоходов. Кн. 1. Помещения Центральной части Дворца-Театра. СПб., 2013.
5. *Николаева С.Б.* Западная галерея // Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба “Останкино”, конец XVIII в.». Дворец-Театр. Предварительные технологические исследования. Т. 2. Исследования состояния печей и дымоходов. Кн. 3. СПб., 2013.
6. *Еремينا О.И.* Эстампная галерея. Нижняя наугольная во двор. Нижняя наугольная в сад // Объект культурного наследия федерального значения «Усадьба

- “Останкино”, конец XVIII в.» Дворец-Театр. Предварительные технологические исследования. Т. 2. Исследования состояния печей и дымоходов. Кн. 3. СПб., 2013.
7. Ухналев А.Е. Мраморный дворец в Санкт-Петербурге. Век восемнадцатый. СПб.: Левша, 2002.
  8. Успенский А. Императорские дворцы: В 2 т. М., 1913. Т. 2.

References

---

1. Vinogradov K. Ostankino. Peasants and workers at the construction of the Ostankino “Pleasure House” (theater-palace). Proceedings of the museum-estate “Ostankino”. Moscow: Museum Publ.; 1929. 117 p. (In Russ.)
2. The cultural heritage object of federal significance “Manor “Ostankino” end of the 18th century.” Palace-Theater. Preliminary technological research. Vol. 2. Studies of the state of stoves and chimneys. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)
3. Eremina OI. The upper corner room in the yard. V: Object of cultural heritage of federal significance “Manor “Ostankino” end of the 18th century.” Palace-Theater. Preliminary technological research. Vol. 2. Studies of the state of stoves and chimneys. Book 1. The premises of the central part of the palace-theater. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)
4. Rakina VA. The upper corner room with the windows looking onto the garden. V: Object of cultural heritage of federal significance “Manor “Ostankino” end of the 18th century.” Palace-Theater. Preliminary technological research. Vol. 2. Studies of the state of stoves and chimneys. Book 1. The premises of the central part of the palace-theater. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)
5. Nikolaeva SB. Western gallery. V: The cultural heritage object of federal significance “Manor “Ostankino” end of the 18th century.” Palace-Theater. Preliminary technological research. Vol. 2. Studies of the state of stoves and chimneys. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)
6. Eremina OI. Prints gallery. The lower corner room looking onto the courtyard. The lower corner room looking onto the garden. V: The cultural heritage object of federal significance “Manor “Ostankino” end of the 18th century.” Palace-Theater. Preliminary technological research. Vol. 2. Studies of the state of stoves and chimneys. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)
7. Uhnalev AE. Marble Palace in St. Petersburg. Eighteenth century. Saint-Petersburg: Levsha Publ.; 2002. (In Russ.)
8. Uspenskii A. Imperial Palaces. In 2 vols. Moscow, 1913. Vol. 2. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана И. Баранова, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; svetlanbaranova@yandex.ru

Information about the author

Svetlana I. Baranova, Dr. in History, PhD in Art History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; svetlanbaranova@yandex.ru

К предыстории и выработке
комплексного искусствоведческого подхода
в работе первых северных экспедиций
Государственного института истории искусств

Виктор А. Лапин

*Российский институт истории искусств (РИИИ),
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Первый в России искусствоведческий центр – Институт истории искусств – был организован меценатом и искусствоведом графом В.П. Зубовым в собственном особняке как частное учреждение. Открытый 2 (15) марта 1912 года, Институт уже к концу первого года своего существования объявил набор постоянных слушателей на Курсы искусствоведения. В 1916 году Институт был зарегистрирован в Министерстве народного образования как научно-учебное заведение и таким оставался постоянно. Курсы же превратились в Высшие государственные курсы искусствоведения. На Курсах было четыре факультета, которые курировались соответствующими Отделами научных сотрудников, – факультеты истории изобразительных искусств, истории музыки, истории словесных искусств и истории театра. Курсы получили статус высшего искусствоведческого образования.

Автор рассматривает закономерные и случайные импульсы (в том числе контакты с немецким Обществом друзей Новой России), причудливое сочетание которых привело сначала к серьезной подготовке, а затем к проведению первых комплексных искусствоведческих экспедиций сотрудников Государственного института истории искусств на Русский Север. Беспрецедентные по масштабу и типу полевой работы экспедиции в течение шести лет (1926–1931) охватили несколько ключевых зон Русского Севера: Заонежье, Пинегу, Мезень, Печору. Материалы экспедиций Института до сих пор разрабатываются исследователями, а часть участников экспедиций, впервые занявшихся сбором и записью фольклора: Е.В. Гиппиус, З.В. Эвальд, А.М. Астахова, Н.П. Колпакова и некоторые др. – стали классиками отечественной науки.

Ключевые слова: Государственный институт истории искусств, берлинское Общество друзей Новой России, Русский Север, комплексные экспедиции

Для цитирования: Лапин В.А. К предыстории и выработке комплексного искусствоведческого подхода в работе первых северных экспедиций Государственного института истории искусств // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 71–86. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-71-86

To the prehistory and development of the complex art studies approach in the work of the first North expeditions of the State Institute of Art History

Viktor A. Lapin

Russian Institute of Art History, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Russia's first art history center, the Institute of Art History, was organized by an art patron and art critic, count V.P. Zubov in his own mansion as a private institution. Opened on March 2 (15), 1912, the Institute (by the end of the first year of its existence) announced the recruitment of regular students to the Courses of Art History. In 1916, the Institute was registered with the Ministry of Public Education as a research and educational institution and remained so permanently. The courses turned into the Higher State Courses of Art Criticism. There were four faculties at the Courses, which were supervised by the corresponding Departments of the academic staff, those of the history of the visual arts, the history of music, the history of the verbal arts and the history of the theater. Courses received the status of higher art education.

The author examines regular and random impulses (including contacts with the German Society of Friends of New Russia), a bizarre combination of which led first to serious preparation, and then to the first complex art expeditions of researchers of the State Institute of Art History to the Russian North. The expeditions, unprecedented in the scale and type of field work, for six years (1926–1931) covered several key zones of the Russian North: Zaonezhie, Pinega, Mezen, Pechora. The expedition materials of the Institute are still being developed by researchers, and some of the expedition members who first started collecting and recording folklore, such as E.V. Gippius, Z.V. Ewald, A.M. Astakhova, N.P. Kolpakova and some others, – became classics of national science.

Keywords: The State Institute of Art History, Berlin Society of Friends of New Russia, Russian North, complex expeditions

For citation: Lapin VA. To the prehistory and development of the complex art studies approach in the work of the first North expeditions of the State Institute of Art History. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;4(14):71-81. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-71-86

Институт истории искусств, первый в России искусствоведческий центр, был открыт меценатом и искусствоведом графом Валентином Платоновичем Зубовым 2 (15) марта 1912 г. в собственном особняке на Исаакиевской площади, д. 5 в Санкт-Петербурге. Это событие было весьма привлекательным в эпоху русского Серебряного века, на открытии присутствовали многие деятели культуры и искусства, включая поэтов А.А. Ахматову, Н.С. Гумилева, М.Л. Лозинского и многих других. «Передавая

в пользование русской науки Институт истории искусств... – так скромно, но и с очевидной гордостью начал граф В.П. Зубов свою краткую речь. В ней же, в частности, он сформулировал задачу создания в России искусствоведения как самостоятельной науки, главную цель которой он видел в изучении истории развития художественных форм, истории «эволюции формального сознания человечества... изучение живых законов эстетического генезиса» [1 с. 9].

Но очень скоро, не удовлетворившись флорентийским образцом (Немецкий институт искусств во Флоренции, в библиотеке которого время от времени читались открытые лекции и с которым В.П. Зубов познакомился во время своих научных странствий по европейским университетам), уже к концу 1912 г. был объявлен набор на искусствоведческие Курсы при Институте. И с этого момента из научно-просветительского Института стал превращаться в научно-учебное искусствоведческое учреждение. Этому способствовало то обстоятельство, что после долгих мытарств по ведомствам В.П. Зубову удалось в 1916 г. официально зарегистрировать свой Институт именно в таком статусе в Министерстве народного просвещения.

Институту несколько раз меняли названия. До его фактического разгрома в 1931 году он назывался Институт истории искусств (1912–1920), Российский институт истории искусств (РИИИ, 1920–1924), Государственный институт истории искусств (ГИИИ, 1924–1931). Наш сюжет относится к последнему из указанных периодов, поэтому далее будем именовать Зубовский институт (обиходное название) Государственным институтом истории искусств – ГИИИ.

Понимая масштабность поставленной задачи (создание искусствоведения как науки) и необходимость расширения пространства исследований, В.П. Зубов, в дополнение к изначально существующему факультету истории изобразительных искусств, инициировал открытие в Институте в 1920 г. еще трех факультетов: истории музыки (С.К. Булич, со следующего года Б.В. Асафьев), истории словесных искусств (В.М. Жирмунский) и истории театра (А.А. Гвоздев).

При всех внешних и внутренних (структурных) изменениях Институт сохранял и развивал свои учебно-педагогические подразделения, на которых готовились специалисты-искусствоведы: курсы при Институте, курсы для подготовки на должность научного сотрудника (первой и второй категории) Института, Курсы по подготовке специалистов по истории искусств (1912–1924). С 1924 г. Курсы были включены в учебную сеть профессионально-

го образования сначала на правах техникума, затем вуза – Высшие государственные курсы искусствоведения (ВГКИ, 1927). Каждый отдел научных сотрудников вел соответствующий факультет Курсов. В 1926 г. в Институте открывается аспирантура.

Активно включившись в творческую, художественную жизнь Петербурга, проводя в своих залах творческие вечера и диспуты с выступлением поэтов и музыкантов, устраивая выставки современных художников, исторические концерты и экспериментальные театральные реконструкции разных стран и эпох, Институт не оставлял без внимания и народное творчество. Лекционные и семинарские занятия со слушателями Курсов шли с самого начала существования отделов/факультетов истории музыки и истории словесных искусств.

Уже в первый учебный год на факультете истории музыки (1920/1921) Б.В. Асафьев прочитал на курсах по подготовке специалистов лекционный курс «Русское народное музыкальное творчество»¹.

Сохранился автограф краткого варианта программы, составленной Б.В. Асафьевым в 1920 г., которая приводится далее².

**Программа курса
«Русское народное музыкальное творчество»,
составленная Б.В. Асафьевым, на 1920–1921 уч. год.**

Введение

Два основных разветвления народного музыкального творчества: песенная и инструментальная музыка. Чистая песенность и народный речитатив (псалмодия); обрядовый, былинный и церковный сказ; причитания; кличи и зовы. Песня и танец.

Народная инструментальная музыка. Свободная инструментальная импровизация, наигрыш, плясовые напевы и их инструментальные вариации. Своеобразие плясового склада. Плясовой склад (т. е. собственно инструментальная музыка. – *В. Л.*): его отличия и взаимодействие между ним и песенным складом.

Современное положение вопроса о русском народном музыкальном творчестве и различие судьбы данных его разветвлений.

---

¹ Собственно, профессором именно по этому курсу Б.В. Асафьев и был принят в Институт в 1920 г., а на следующий год был избран деканом Отдела истории музыки (после смерти первого декана С.К. Булича).

² Публикуется по: [2 с. 285–286] (ЦММК. Ф. 171. Оп. 28. Д. 5534. Л. 1–3). Этот текст и следующие далее фрагменты из программ курсов приведены в статье [3].

Песенный склад как наиболее расцветший и сохранный материал является наилучшим объектом для анализа и постановки вопроса о научном подходе и методах исследования и изучения русского народного музыкального творчества. Обзорные судеб песенного вопроса в России. Три взаимно вплетающиеся стадии отношения к песне в русской музыкальной среде с конца XVIII века. Исторический ход процесса собирания, записи, воспроизведения, претворения и изучения русской народной песни. Ознакомление с материалом, т. е. с записанной песней по сборникам, начиная с Кириши Данилова. Значение каждого сборника и записей в деле раскрытия музыкальной сущности русской народной песни. Обработка народной песни русскими композиторами и претворение песенного начала в русской опере. Попытка изучения песни. Теории, гипотезы и анализы Н.А.Львова, Серова, Одоевского, Фаминцына, Арнольда, Мельгунова, Сокальского, Кастаньского и др.

Вопросы записи песни в связи с ее подлинным звучанием; о первоначальных звукорядах и образовавшихся над ними в течение веков среди смены влияний мелодических слоев; об интонационном и ладовом и тональном составе русской народной песни; о происхождении ее и национальном и местном колорите. Варианты. Сопоставление русской народной песни с песней Запада и Востока. Различие их судеб.

Изучение первоначальных звукорядов, древнегреческих строев и так называемых церковных ладов и гласов. Определение на этой основе мелодического состава русской народной песни. Песенная линия и орнамент; подголоски; своеобразие песенной полифонии. Методы гармонизации русской народной песни.

Сложность ритмического состава песни. Взаимодействие музыкального ритма и ритма стиха, песенной метрики в песне и песенном сказе. Ритм и метр в песне. Ритм чистой песни и песни плясового склада.

Народный речитатив (сказы, причеты, кличи, зовы). Претворение народного речитатива в светской музыке и в церковной русской службе (всенощная, литургия, панихида).

Инструментальная народная музыка. Ознакомление с народными инструментами. Виды и особенности русской народной инструментальной музыки. Колокольный звон как своеобразная отрасль инструментальной стихии.

Часть I

Археология русской народной песни, т. е. изучение исторически образовавшихся мелодических слоев при условии восприятия песенной стихии как органического явления, т. е. как непрерывно развивавшегося и видоизменявшегося в своем облике в различные периоды роста звучащего материала.

Часть II

Ритмика русской народной песни в связи с учением о музыкальном ритме вообще и существовании движения в музыке.

Часть III

Как решает русская народная песня проблему музыкальной формы во времени: в длительности, в живом росте и в пространстве в виде «окристаллизовавшихся» образований-схем.

Подробные планы I, II и III частей курса будут сообщены своевременно, по прохождении развернувшегося в большую самостоятельную часть курса – Введение.

Текст воспроизведен полностью, потому что это не просто краткий конспект лекционного курса, прочитанного в Институте. Теперь, по прошествии времени, становится ясно, что фактически это программа, на десятилетия определившая развитие отечественного этномузыказнания. А некоторые из ее идей до сих пор ждут своего решения³.

В учебных планах Разряда истории музыки, курирующего соответствующую учебную работу курсов, продолжается обязательное чтение лекционных курсов, связанных с музыкальным фольклором.

Так, например, в плане 1923/1924 уч. г. на факультете истории музыки Курсы значатся:

- по кафедре музыкальной этнографии и этнологии – курс Б.В. Асафьева «Введение в музыкальную этнографию»; просеминарий А.В. Финагина «Русская народная песня»;
- по кафедре истории материальной музыкальной культуры – курс Е.М. Браудо «История музыкальных инструментов»;
- по кафедре истории церковного пения в России – семинарий А.В. Преображенского «Церковное пение XVII в. в России» [2 с. 292].

В 1924 г., как уже было сказано ранее, учебное подразделение Института получает статус Государственных курсов, с четырехгодичным обучением, приравненным к высшему специальному об-

---

³ Напр.: «Изучение первоначальных звукорядов, древнегреческих строев и так называемых *церковных ладов и гласов*. Определение на этой основе *мелодического состава* русской народной песни» или весь абзац о «народном речитативе» и т. д. (выделено мной. – В. Л.).

разованию⁴. В первом учебном плане (1924/1925 уч. г.) значатся, кроме всего прочего, следующие дисциплины:

- I год обучения – Введение в музыкальную этнографию;
- II год – Русский музыкальный фольклор;
  - Инструментология, ч. 1-я: история и систематика музыкальных инструментов;
- III год – Западный музыкальный фольклор;
  - Инструментология, ч. 2-я: эволюция оркестра;
- IV год – Семинарий по народному творчеству.

Кроме того, в Примечании «для лиц, предполагающих специализироваться по научной части» на IV год планировался курс по истории нотописи и темперации, а также семинарии по античной и средневековой музыке, по древнерусской музыке и один из семинариев по музыкознанию [2 с. 293–294].

Обращаем внимание на то, что это не разовые лекции-доклады, а систематические учебные курсы или семинарские занятия, еженедельно проходившие в течение всего учебного года.

Учебно-преподавательская деятельность Курсов осуществлялась на следующей структурно-научной базе. Научный Отдел / Разряд истории музыки состоял из трех секций:

1. Теоретическая; 2. Историческая; 3. Секция сравнительного музыкознания. В последнюю входили:

1. Комиссия по инструментоведению (секретарь Ю.А. Кауфман);

2. Кабинет сравнительного музыкознания и инструментоведения (с собранием диапозитивов по истории инструментов; заведующий Ф.Ф. Шишмарев, секретарь Е.Л. Даттель).

С самого начала в качестве базовой структуры Отдела существует Библиографический кабинет, а в 1925 г. возникают Фотоотека нотных рукописей XII – XVII вв. и Музыкально-акустическая лаборатория (зав. Л.Г. Немировский, секр. – лаборант Е.А. Шолпо)⁵.

⁴ С 1924 – Государственные курсы, с 1927 – Высшие государственные курсы искусствования, с пятью факультетами; в 1926 в Институте открывается аспирантура.

⁵ Музыкально-акустическая лаборатория Института – наследница Акустического отдела Музея музыкальных инструментов, созданного бароном К.К. Штакельбергом и открытого в 1900 г. на базе Придворного оркестра [4]. После революции лаборатория короткое время была подразделением Музыкального отдела Наркомпроса [5 с. 30–32]. С 1921 по 1932 г. весь музей находился в ведении Ленинградской филармонии. Тогда-то директор филармонии А.В. Оссовский, который с 1920 г. был профессором Института и потому хорошо знал планы и перспективы научной деятельности его Отдела истории музыки, передал Институту в 1925 г., судя

Очевидно, что проблематика этномузыковедения, в том числе и этноинструментоведения, не просто присутствует, но является одним из базовых и постоянных направлений в научно-учебных интересах Института с самого начала существования Отдела истории музыки, т. е. с 1920 года.

В ноябре того же 1920 г. в Институте был создан Отдел истории словесных искусств во главе с В.М. Жирмунским. Фольклористика в структуре Отдела не была обозначена, но на соответствующем факультете Государственных курсов В.П. Адрианова-Перетц читала лекции по народной словесности и вела семинар по современному фольклору.

Между тем идеологическое воздействие властей начинало сказываться в работе Института все более отчетливо. Б.В. Асафьев, кроме всех прочих несомненных достоинств имевший потрясающее общественно-политическое чутье, сориентировался, пожалуй, раньше всех. В начале мая 1924 г. на заседании Разряда истории музыки, который он возглавлял, была сформирована *социологическая секция*, основной темой которой стала «Музыка и социальная жизнь» [7 с. 209–210]. Более того, обсуждая планы на последний квартал 1924 г. (которые вместе с общеинститутскими отчетами и планами уходили в вышестоящие инстанции), Разряд постановил: «Задачи социологической секции считать общеобязательными для всех работников Разряда, как теоретиков, так и историков. Работу секций [сравнительного] музыкознания и исторической рассматривать как предварительную разработку вопросов, необходимых для выполнения задач социологической секции». А в декабре 1924 г. (обратите внимание – *Социологическую* секцию внутри Разряда истории музыки Асафьев организовал еще в мае этого года!) был создан Комитет по социологическому изучению искусств (Соцком) – специальное общеинститутское подразделение, стоявшее вне Разрядов / Отделов, задачей которого было внедрение марксистского социологического метода изучения всех видов искусств. Председателем Соцкома стал Я.А. Назаренко⁶. Но нет худа без до-

---

по сохранившейся инвентарной описи, все 226 акустических и измерительных приборов музея. В 1926 г. инструментоведы Отдела Немировский, Шолпо и Кауфман выступают на Ученом совете с докладами «Акустическая природа смычковых инструментов», «К вопросу о звукорядах восточных народных музыкальных инструментов» и др.; часть из них в виде статей вошла в сборник: [6].

⁶ Я.А. Назаренко – литературовед-«партиец», еще в 1922 году «внедренный» в Институт. В студенческой среде возникла посвященная ему частушка:

В Институте ГИИИ обвалилась стенка.
Стенка, стенка, задави Яшку Назаренко.

бра – именно в недрах Соцкома под влиянием неожиданного внешнего обстоятельства возникло первое структурное подразделение Института по изучению традиционной культуры.

В 1925 г. из командировки в Германию вернулся председатель Отдела изобразительных искусств ГИИИ (1920–1929), археолог и историк античного искусства Оскар Фердинандович Вальдгауер.

Тут мы позволим себе довольно развернутую историческую справку, чтобы был понятен контекст и результат этой поездки. После поражения в Первой мировой войне и Версальского мирного договора (1919), в соответствии с которым часть земель Германии отошла соседним государствам, часть территорий была занята оккупационными войсками стран Антанты, на нее были назначены огромные репарации и жесткие промышленные и военные ограничения, Германия переживала тяжелые времена. В том же 1919 г. в Веймаре было созвано Национальное учредительное собрание и была принята новая демократическая Конституция, в соответствии с которой Германия стала демократической федеративной республикой (в историографии общепринятым стало название *Веймарская республика*). Веймарская республика просуществовала до 1933 года, когда к власти пришла партия национал-социалистов (НСДАП) во главе с рейхсканцлером Адольфом Гитлером.

Но до этой катастрофы Веймарская республика старалась наладить отношения с другими государствами. Особенно результативными оказались отношения с Советской Россией. Рапальский договор 1922 г. стал фактически первым международным договором, в котором равноправным партнером и субъектом международного права признавалась РСФСР. В этом же году (30 марта 1922 г.) в Москве было создано **Общество русско-германского сотрудничества**. Оно дало уникальный шанс деятелям театра, кино, литературы и науки для взаимных контактов и обменов и установления дружественных отношений между двумя странами. На гастроли в Германию приезжают русские артисты, музыканты, поэты и художники. В следующем, 1923 году было создано германское **Общество друзей Новой России** – первая зарубежная организация культурного сближения с СССР. В это Общество вошли Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Иоганнес Бехер, Анна Зегерс, Арнольд и Стефан Цвейги и многие другие выдающиеся представители немецкой интеллигенции.

Все это легализовало существование **Русского Берлина** (как его позднее стали именовать исследователи-историки), или *острова русской цивилизации*, который возник из первой волны русской эмиграции. Выдающихся философов и мыслителей из России подбросил в 1922 г. и знаменитый «философский пароход».

Некоторые историки (наши и немецкие) считают, что в Германии к началу 1920-х гг. было около миллиона с четвертью русских эмигрантов, из них около трети осели в Берлине и его ближайших пригородах. Как вспоминал позднее Илья Эренбург, в Берлине в это время чуть ли не на каждом шагу слышалась русская речь. В 1919–1923 гг. здесь возникло 38 русских издательств, выходили газеты и толстые журналы, кроме современной литературы издавалась и русская классика, причем огромное число книг шло в СССР. Назовем навскидку несколько имен людей, живших в то время в Русском Берлине: Максим Горький, Андрей Белый, Владимир Набоков, Ходасевич, Хлебников, Марина Цветаева, Мережковские, Марк Шагал, Добужинский, А.Н. Толстой, Сергей Прокофьев и т. д.

Наконец (чтобы закончить и хронологически замкнуть эту справку): в 1925 году в Москве было организовано Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами (ВОКС), которое активно помогало в организации заграничных поездок прежде всего деятелям культуры и искусства. Из такой именно поездки и вернулся в 1925 г. О.Ф. Вальдгауэр.

Выступая на заседании Ученого совета Института, он, в частности, рассказал о предложении берлинского Общества друзей Новой России организовать у них (в обмен на выставки «у нас») две больших выставки: древнерусского монументального искусства и крестьянского искусства, имея в виду прежде всего народное зодчество, деревянную резьбу, росписи, вышивку, ткачество и т. д. Сотрудники Института отнеслись к этой идее не только с энтузиазмом, но и с большой ответственностью. По теме первой выставки проблем вроде бы не должно было возникнуть: Институт располагал великолепной коллекцией фотографий, рисунков и чертежей архитектурных обмеров и, главное, копий храмовых фресок в натуральную величину, которые в течение нескольких лет выполнялись сотрудниками Института в Великом Новгороде, Пскове, Владимире, Старой Ладоге и в Ферапонтовом монастыре (фрески Дионисия). Выставка копий фресок из коллекции Института и была открыта в Берлине уже 3 ноября 1926 г., пользовалась большим успехом и затем переезжала в Кельн, Кенигсберг и Гамбург⁷.

Сложнее оказалась вторая задача. Разумеется, Институт не мог предложить банальную «кустарную выставку» поделок и поделок. В связи с этим и родилась идея проведения комплексной искусствоведческой экспедиции на Русский Север, чтобы, кроме выпол-

⁷ См. об этом воспоминания Н.И. Толмачевской и П.Ф. Шмидт в: [1].

нения собственно научных задач, собрать и привезти образцы подлинного крестьянского искусства. И хотя первоначально имелись в виду прежде всего народная архитектура, живопись и прикладные искусства, тем не менее летом 1925 г. рекогносцировочную поездку в Прионежье совершил Б.В. Асафьев. (Думается, впрочем, что не последнюю роль отправиться в это путешествие со своим племянником сыграло желание руководителя Отдела музыки на какое-то время вырваться из напряженной атмосферы, которая сложилась к этому времени в Отделе.)

В сентябре на заседании Ученого совета, посвященном организации и выбору места проведения экспедиции, выступили с докладами-обоснованиями К.К. Романов (ИЗО), В.Н. Всеволодский-Гернгросс (ТЕО), Б.В. Казанский (ЛИТО) и Б.В. Асафьев (МУЗО). Доклад Б.В. Асафьева был фактически отчетом о его поездке и потому насыщен живыми и очень эмоциональными впечатлениями⁸. Аргументируя необходимость работы с фонографом, Асафьев, между прочим, говорил так:

...если какой-либо напев сам по себе не так уж богат – архаичен, прост и более или менее типичен, то ведь прелесть главная в самой интонации, в передаче! Здесь может помочь только фонограф. Записывая один напев – получаешь лишь мертвую схему. Народное творчество не знает ценности только напева, самого по себе. Важно слышать, как живет этот напев в процессе интонирования, – а этого никакую [нотной] записью не уловить» [8 с. 14].

И закончил свое выступление – не без пафоса – следующим призывом: «Институт наш мог бы, мне кажется, решительно взяться за проведение в жизнь лозунга: изучение крестьянского искусства Севера. Я фактически убедился теперь, что это – дело насущное, и что это – великолепная научная задача [8 с. 18].

Тогда же по решению Ученого совета при Соцкоме и была организована *Секция изучения крестьянского искусства Русского Севера (Крестьянская секция)* в составе: председатель – уже известный и авторитетный исследователь древнерусской архитектуры К.К. Романов; секретарь – К.А. Большева, которую вскоре сменила

---

⁸ Материалы этого Ученого совета были вскоре опубликованы отдельной брошюрой [8]. Аббревиатуры, иногда столь же замысловатые, сколь и непрозрачные, были очень популярны в первые послереволюционные годы. Но прозрачные и хорошо структурированные аббревиатуры отделов Института легко прижились и использовались не только в обиходе, но и в официальных документах.

Н.П. Колпакова. Практически все члены секции (кроме В.П. Адриановой-Перетц) – участники будущей экспедиции.

Всю вторую половину 1925 и первую половину 1926 г. члены Крестьянской секции активно готовилась к большой комплексной экспедиции, с которой должно было начаться изучение традиционной культуры Русского Севера.

Участники первой экспедиции Института (1926) в Заонежье: руководитель – К.К. Романов; фольклористы А.М. Астахова, Н.П. Колпакова, И.В. Карнаухова, а также А.И. Никифоров (от Толстовского музея) и Сергей Игнатьевич Бернштейн (лингвист и фонетист, руководитель кабинета и Комиссии по изучению художественной речи Института); музыковеды-фольклористы А.В. Финагин, Е.В. Гиппиус, З.В. Эвальд; этнографы Д.К. Зеленин (?), К.А. Сытова; театроведы В.Н.Всеволодский-Гернгросс, С.С. Писарев, Р.Р.Суслович; искусствоведы Ю.Н. Дмитриев, Л.М. Шуляк, К.А. Большева, Ф.М. Морозов (он же фотограф), Е.Э. Кнатц (специалист по тканям и вышивке). На известной фотографии участников экспедиции, сделанной в с. Шуньга и датированной августом 1926 г., зафиксированы еще музыковед Т.В. Попова (похоже, здесь М.И. Мильчик, автор альбома-монографии, из которого публикуется фотография, ошибся: скорее это Людмила Михайловна Попова, студентка словесного отделения ВГКИ) и архитектор и строитель проф. Виктор Владимирович Эвальд [9 с. 9].

Обязанности участников экспедиции по ЛИТО были заранее распределены следующим образом: А.М. Астахова записывала былины и – шире – песенно-повествовательный фольклор, И.В. Карнаухова и А.И. Никифоров – сказки и другие жанры прозаического фольклора, Н.П. Колпакова – песни, обрядовые и лирические. Музыканты должны были писать все, обеспечивая прежде всего записи на фонограф.

Строго говоря, из всех участников экспедиции фольклористом можно было бы – и то лишь условно – считать А.В. Финагина, который по заданию Б.В. Асафьева еще в 1923 г. издал небольшую брошюру по истории изучения фольклора в России [10]⁹. Но после экспедиции он же и отошел от изучения фольклора. Зато для

---

⁹ В начале 1926 года и З.В. Эвальд, пианистка с консерваторским образованием и ученица Асафьева по Курсам искусствоведения, не помышляла о фольклоре. Она читала в консерватории курс истории западноевропейской музыки, а по заданию Асафьева переводила книгу Э. Курта «Основы линейного контрапункта» и сделала по ней доклад на Баховском кружке Института (книга Э. Курта в ее переводе была опубликована в 1931 г.).

Экспедиция Ленинградского института истории искусств в Заонежье. Шуньга. Август 1926 г.

Вверху: *Е.В. Гиппиус, Н.П. Колпакова, Ю.Н. Дмитриев, Р.Р. Сулович*; 2-й ряд: *К.К. Романов, А.К. Сытова, З.В. Эвальд, И.В. Карнаухова, А.М. Астахова, С.С. Писарев*; 3-й ряд: *В.В. Эвальд, Т.В. Попова, Е.Э. Кнатиц, Л.М. Шуляк, Ф.М. Морозов, А.В. Финагин*; внизу: *К.А. Большева*

всех остальных поименованных «фольклористов» экспедиция в Заонежье и последовавшие за ней поездки на Пинегу, Мезень и Печору (1927–1931) буквально перевернули их жизнь. Впервые соприкоснувшись с живыми носителями традиционной русской культуры, с красивыми людьми на фоне изумительной природы Русского Севера, они, эти утонченные интеллигенты-горожане, навсегда связали свою жизнь с русским фольклором. Все пятеро – А.М. Астахова, Н.П. Колпакова, И.В. Карнаухова, Е.В. Гиппиус и

З.В. Эвальд – стали классиками отечественной фольклористики XX века¹⁰.

Результаты экспедиции оказались столь впечатляющими, что кроме выставок, докладов и подготовки статей для первого сборника «Искусство Севера» [12] вызвали и серьезные структурные изменения в Институте, существенные для дальнейшего развития фольклористической работы. В составе секции сравнительного музыкознания МУЗО (Отдела истории музыки) была организована **Песенная комиссия с фонограммархивом**; возникла **Секция художественного фольклора (Фольклорная секция)** в составе Отдела истории словесных искусств. Соответственно, фонографические записи экспедиции легли в основание фонограммархива МУЗО, а текстовые и этнографические записи – в рукописный архив Фольклорной секции ЛИТО (Отдела истории словесных искусств). А дальнейшая их судьба – это уже совсем другая история.

Первые северные экспедиции ГИИИ, их концепция, подготовка и методики полевой работы, не говоря уже о собранных материалах, – это бесценные страницы истории нашего образования и всего комплекса наших народоведческих наук.

Литература

---

1. Российский институт истории искусств в мемуарах / сост. и отв. ред. И.В. Сэлман. СПб.: РИИИ, 2003. 304 с.
2. Из истории советского музыкального образования: Сб. материалов и документов. 1917–1927 гг. / отв. ред. П.А. Вульфус. Л., 1969. 306 с.
3. *Лапин В.А.* Изучение фольклора в РИИИ // Временник Зубовского института / ред.-сост. С.В. Кучепатова. СПб.: РИИИ, 2013. № 11. С. 4–27.
4. *Кошелев В.В.* Санкт-Петербургский музей музыкальных инструментов: ранняя история // Музыка Кунсткамеры: К 100-летию Санкт-Петербургского музея музыкальных инструментов / ред.-сост. В.В. Кошелев. СПб., 2002. С. 13–54.
5. *Князева Ж.В.* Жак Гандшин и русская музыкальная культура первой четверти XX века [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... доктора искусствоведения. СПб., 2012. 47 с. URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/407229/Жак-Гандшин-и-русская-музыкальная-культура-первой-четверти-века> (дата обращения 1 нояб. 2018 г.)
6. De musica. Временник отдела истории и теории музыки. [В 4-х вып.] Вып. 3. Л.: Academia, 1927. 220 с.

---

¹⁰ Впечатления от экспедиций Института на Русский Север очень живо и талантливо описала в своих дневниках и путевых заметках Н.П. Колпакова [11].

7. Материалы к биографии Б.В. Асафьева / сост. А.Н. Крюков. Л.: Музыка, 1981. 264 с.
8. Крестьянское искусство Севера: Об искусствоведческой экспедиции на русский Север. Л.: Academia, 1926. 25 с.
9. Мильчик М.И. Заонежье: История и культура. СПб.: Лики России, 2007. 173 с.
10. Финагин А.В. Русская народная песня. Пг., 1923. 96 с.
11. Колпакова Н.П. У золотых родников (записки фольклориста). СПб.: РИИИ, 2002. 331 с.
12. Крестьянское искусство СССР. I. Искусство Севера. Заонежье: Сб. секции крестьянского искусства комитета социологического изучения / Государственный институт истории искусств. Л.: Academia, 1927. 206 с.

References

---

1. Sepman IV., comp., ed. Russian Institute of Art History in memoirs. Saint-Petersburg: RIII Publ.; 2003. 304 p. (In Russ.)
2. Vul'fius PA., ed. From the history of Soviet music education. Coll. of Materials and Documents. Leningrad, 1969. 306 p. (In Russ.)
3. Lapin VA. Study of folklore in the RIII. *Annals of the Zubov Institute*. 2013;11:4-27. (In Russ.)
4. Koshelev VV. St. Petersburg Museum of Musical Instruments: Early history V: Koshelev VV., ed., comp. Music of the Kunstkamera. Towards the Centenary of St. Petersburg Museum of Musical Instruments. Saint-Petersburg, 2002. p. 13-54. (In Russ.)
5. Knyazeva ZhV. Jacques Handschin and Russian musical culture of the first quarter of the 20th century [avtoref. dis. ... dr. nauk in art hist.] Moscow, 2012. 47 p. [data obrashcheniya 1 nov. 2018]. URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/407229/Жак-Гандшин-и-русская-музыкальная-культура-первой-четверти-века> (In Russ.)
6. De musica. Chronicle of the Department of the Music Theory and History. [In 4 vols.] Vol. 3. Leningrad: Academia Publ.; 1927. 220 p. (In Russ.)
7. Kryukov AN., comp. Materials to the biography of B.V. Asafiev. Leningrad: Muzyka Publ.; 1981. 264 p. (In Russ.)
8. Peasant Art of the North: On Art expeditions to the Russian North. Leningrad: Academia Publ.; 1926. 25 p. (In Russ.)
9. Mil'chik MI. Zaonezh'e: History and Culture. Saint-Petersburg: Liki Rossii, Publ.; 2007. 173 p. (In Russ.)
10. Finagin AV. Russian folk song Prague, 1923. 96 p. (In Russ.)
11. Kolpakova NP. At the golden springs (folklorist's notes). Saint-Petersburg: RIII Publ.; 2002. 331 p. (In Russ.)
12. Peasant art of the USSR. I. Art of the North. Zaonezh'e: Collection of the section of the peasant art committee of sociological study. Russian Institute of Art History Leningrad: Academia Publ.; 1927. 206 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Виктор А. Лапин, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора, Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский институт истории искусств» (РИИИ), Санкт-Петербург, Россия; 190000, Россия, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., д. 5; viktor.a.lapin@gmail.com

Information about the author

Viktor A. Lapin, Dr. in Art History, leading researcher of the Folklore Department, Russian Institute of Art History (RIII), St. Petersburg, Russia; bld. 5, St. Isaac's sq., St. Petersburg, 190000, Russia; viktor.a.lapin@gmail.com

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 331.526

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-87-97

Влияние неформальной занятости на политические установки россиян

Ирина В. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vorobyova.irina@list.ru*

Аннотация. На основе данных, полученных в 2018 г., анализируется влияние неформальной занятости на политические ориентации, официального и неофициального трудоустройства – на оценку политической ситуации, политическую компетентность и политическую активность, доверие к политическим институтам¹. Неформально занятые выказывают больший уровень критичности в оценках политической ситуации, меньший уровень политической активности и участия, доверия к политическим институтам в сравнении с официально трудоустроенными на длительный срок. Неформально занятые демонстрируют больший уровень отчуждения от политики государства как на уровне реального участия, так и на уровне политического интереса и компетентности в данной сфере. Такая позиция может быть выражением определенного недовольства своим положением и возможной реакцией граждан на неспособность или невозможность государства обеспечить социальные гарантии в сфере труда и занятости.

Ключевые слова: неформально занятые, прекариат, политическое сознание, политические установки, политическое участие, политическая активность

Для цитирования: Воробьева И.В. Влияние неформальной занятости на политические установки россиян // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 87–97. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-87-97

© Воробьева И.В., 2018

¹ Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». N = 1200 человек. Опрос проведен среди занятого населения в возрасте 18 лет и старше, в соответствии со статистическими данными Росстата, по пяти типам поселений: мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург), административные центры субъектов РФ и районов, поселки городского типа (ПГТ), села, а также квот по социально-профессиональным группам.

Influence of informal employment on political attitudes of Russians

Irina V. Vorob'eva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; vorobyova.irina@list.ru

Abstracts. Based on the data obtained in 2018, the influence of informal employment on political orientation is analyzed. The author examines an influence of the official and informal employment on the assessment of the political situation, political competence and political activity, trust in political institutions. Informally employed people show a higher level of criticism in assessing the political situation, a lower level of political activity and participation, trust in political institutions, compared with officially employed for a long time. Informally employed people demonstrate a greater level of alienation from state policy, both at the level of real participation and at the level of the political interest and competence in that area. Such a position may be an expression of some dissatisfaction with their situation and a possible reaction of citizens to the inability or failure of the state to provide social guarantees in the field of labor and employment.

Keywords: informally employed, precariat, political consciousness, political attitudes, political participation, political activity

For citation: Vorob'eva IV. Influence of informal employment on political attitudes of Russians. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;4(14):87-97. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-87-97

Введение

Кардинальные изменения не только политического строя, но и всех социально-экономических отношений в России и в мире привели к преобразованию трудовых отношений и появлению новых форм и видов занятости. Неформальным формам занятости, прекарности труда отдельных групп и появлению нового социального класса «прекариат» в последние годы уделяется все большее внимание. Одним из первых актуальность этого вопроса обозначил Г. Стэндинг в своей работе «The Precariat: The New Dangerous Class» [1,2]. Отмечается всплеск интереса к данной проблематике и среди российских ученых. Вопросы прекариата и прекарности труда поднимаются в работах Р.И. Анисимова [3], В.Н. Бобкова [4], О.В. Вередюк [4], Е.Н. Гасюковой [5], З.Т. Голенковой [6], Ю.В. Голиусовой [6], Р.И. Капелюшниковой [7], В.В. Карачаровского [5], Р.П. Колосовой [4], Т.О. Разумовой [4], Ж.Т. Тощенко [8,9], О.И. Шкаратана [5] и др.

Существуют разные подходы к определению «неформально занятые». Например, Р.И. Капелюшников приводит следующую градацию подходов: первый – комбинированный – предполагает учет производственного фактора (на каком предприятии работает) и правового фактора (оформлена ли договором занятость) характера трудовых отношений, но и с добавлением неформально занятых, чьи рабочие места находятся в формальном секторе. Второй подход – количественный – устанавливает жесткий порог численности персонала – менее 5 человек независимо от форм собственности. Третий подход – контрактный – учитывает только неформально занятых без официально оформленных контрактов, в том числе работающих по гражданско-правовым договорам [7]. В данном случае за основу мы принимаем третий подход, и под неформально занятыми будет пониматься неофициально трудоустроенный работник, сдающий внаем свою рабочую силу на условиях устной договоренности с работодателем, без учета самозанятых и пр. При таком подходе доля неформально занятых равна 13,7% от общего объема занятого населения [7].

В работе «Прекариат: от протокласса к новому классу» Ж.Т. Тоценко отмечает, что именно эта форма занятости в России по величине и удельному весу превышает другие виды нестандартной занятости. Этот вид занятости, по данным Росстата, составляет примерно 20% от всего трудоспособного населения [9 с. 93]. По данным нашего исследования, 14,5% работают без трудового договора, 4,9% имеют временный договор до одного года².

В данной работе политические установки будут рассматриваться через призму следующих показателей: оценка политической ситуации в стране, политическая направленность, политическая активность и участие, интерес к политике, доверие к политическим институтам.

Оценка политической ситуации в стране

При оценке политической ситуации в стране 30% работающих без трудового договора оценивают ее как «напряженную и критическую», среди работающих на условиях бессрочного договора это мнение разделяют чуть менее 20%. При этом 29,3% работающих без трудового договора полагают, что страна развивается «не в правильном направлении», среди работающих легально на бессрочном договоре о неправильном направлении говорят только 20%. Полагаем,

---

² Всероссийское исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества»

такая критическая оценка дел положения в стране может быть выражением определенного недовольства своим положением и возможной реакцией граждан на неспособность или невозможность государства обеспечить социальные гарантии в сфере труда и занятости.

Политическая направленность

Политические взгляды участников исследования, как и всего населения России, традиционно делятся по векторам – «*левые*» (22,5%) и «*правые*» (14,5%). При этом в последние годы активно набирает рост третий вектор политических взглядов, отличающийся от традиционных идеологий: 36,8% позиционируют себя как сторонники «*патриотических и национальных*» взглядов. 18,6% – затрудняются с определением политических пристрастий. В данный момент в российском обществе можно наблюдать существенное нарастание «*левых тенденций*», что всегда происходит во время ухудшения экономической ситуации. Во многом это объясняется тем, что представления людей о социалистическом строе основаны на существовавшей заботе государства о человеке, тем более что в российском обществе всегда были достаточно сильны патерналистские идеи, согласно которым государство должно выступать основным субъектом, регулирующим социальную и экономическую жизнь граждан.

Политическая активность и участие

Стабильный трудовой статус влияет не только на установки в отношении политической ситуации в стране и политическую приверженность, но и на социально-политическую активность россиян. Например, о своем участии в выборах в Государственную думу говорят 37,5% работающих на условиях бессрочного договора и 26,9% неформально трудоустроенных. Те, кто работают на условиях годичного контракта, тоже проявляют низкий уровень политической активности: об участии в выборах в Государственную Думу говорят 21,9%. При этом среди неформально занятых в сравнении с теми, кто работает на стабильном трудовом контракте, больше тех, кто участвовал в демонстрациях, митингах и забастовках, подписывал петиции, пикеты (см. табл. 1). Об абсолютном политическом неучастии говорят 44,4% работающих без трудового договора, почти 50% работающих по годичному контракту и меньше трети стабильно занятых на бессрочном трудовом договоре.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «В каких формах политической жизни Вы участвовали?»
(в % от числа ответивших, возможно несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	Бесрочный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Без трудового договора	Индивидуальный предприниматель	Самозанятый
Участвовал в выборах в Государственную Думу	37,5	31,8	21,9	26,9	35,7	29,6
Участвовал в выборах в местные и региональные органы власти	28,2	20,3	15,1	18,8	21,4	25,9
Подписывал петиции, обращения	3,3	3,2	4,1	4,0	0	3,7
Участвовал в демонстрациях, митингах	2,1	2,0	6,8	2,7	0	7,4
Участвовал в забастовках	0,1	0	1,4	0,4	0	0
Участвовал в пикетах	0,2	0,3	0	0,9	0	0
Свой вариант	0,9	0,3	1,4	1,8	0	0
Не участвовал ни в каких формах	27,7	42,1	49,3	44,4	42,9	33,3

Таким образом, наличие стабильной занятости прямым образом влияет на политическую лояльную активность россиян. Они в большей степени воспроизводят традиционные гражданские практики, при этом политический проект в виде забастовок и пикетов им свойственен в меньшей степени.

Среди неформально занятых и работающих по годовичному трудовому договору также самое большое число не участвующих в политической жизни страны. Это лишний раз подчеркивает, что в политическом сознании и поведении недовольство политическим режимом проявляется не в политической активности и протесте, а в отчуждении и игнорировании политических действий, процессов и мероприятий.

Несмотря на то, что люди со стабильно-регламентированными формами занятости показывают большую активность в целом, политическое участие населения остается на низком уровне. Половина населения не считает участие в выборах своим гражданским долгом и отчуждается от процесса избрания власти. Это может быть связано как с неверием в честность выборных технологий, так и с отсутствием политических фигур, привлекательных для населения [10 с. 83]. Число россиян, которые ходят на выборы, чтобы исполнить свой гражданский долг, за последние годы сократилось на 20%. Как показывают данные опроса Левада-Центра, многие делают это просто по привычке. В 2016 г. на выборы, исходя из мотивации *«звет гражданский долг»*, пришли лишь 39% против 59% в ноябре 2011 г.³

Низкое политическое участие распространяется и на другие сферы социальной активности населения. О своем неучастии в общественных организациях говорит большая часть населения, от двух третей до 95%. Причем среди работающих без трудового договора таких 87%, среди тех, кто имеет договор до одного года – 83,3%, среди самозанятых – 95% (см. табл. 2). Среди работающих по бессрочному трудовому контракту о своем неучастии в общественных организациях заявили 62,3%, почти 24% сказали о своем членстве в профсоюзе. Но, несмотря на более высокие статистические показатели социально-политической активности в данной группе, это

---

³ Мотивация участвовать в выборах. Инициативный опрос проведен 23–27 июня и 25–28 марта 2016 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны // Левада-Центр. URL: http://www.levada.ru/2016/07/12/motivatsiya-uchastvovat-v-vyborah/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_singlecat_22833&utm_campaign=2016-07-12T07:00:57%2000:00 (дата обращения 12 янв. 2017).

скорее свидетельствует не о реальной активности, а о формальной принадлежности. В большинстве государственных предприятий и организаций до сих пор распространена практика повсеместного включения сотрудников в профсоюз. Данное участие обычно не требует от человека никаких гражданских действий, кроме уплаты профсоюзных взносов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«В каких общественных организациях Вы состояли?»
(в % по строке от числа ответивших)

Варианты ответов	Бессрочный договор	Временный договор более 1 года	Временный договор менее 1 года	Без трудового договора	Индивидуальный предприниматель	Самозанятый
Профсоюз	23,8	11,6	8,3	5,6	0	0
Политическая партия или объединение	3,5	0,4	0	0,6	0	5,0
Культурная, театральная, музыкальная организация	2,2	0,4	0	1,1	0	0
Ни в какой не состою	62,3	81,4	83,3	87,0	100	95,0

Политическая компетентность и интерес к политике

По мнению экспертов, репертуар гражданских действий определяется, с одной стороны, политико-институциональным и социокультурным контекстом, структурой политических возможностей и культурой гражданского участия, а с другой – зависит от поставленных целей и доступных для тех или иных акторов (индивидов, социальных групп) ресурсов, возможностей мобилизации [11 с. 37]. При этом низкая политическая и гражданская компетентность населения, отсутствие опыта отстаивания своих прав и интересов, страх наказания за несогласие с действиями властей порождают у населения пассивность и полный отказ от каких-либо политических или гражданских действий.

Еще одним фактором, влияющим на политическое и гражданское поведение населения, является сформированное в массовом сознании ощущение своей невозможности влиять на решения власти. Факторами, блокирующими общественно-политическую активность, становятся уверенность в том, что их участие ничего не изменит, представления о неспособности решать общественно-политические проблемы, сосредоточенность на личных проблемах и отсутствие свободного времени. Низкий уровень информированности о деятельности общественных и политических объединений, закрытость и непрозрачность их деятельности, недостаточность технологий включения граждан в данную сферу существенно снижают интерес к общественно-политической активности.

Политические ориентации напрямую связаны с информированностью и интересом к политике. Результаты исследования показывают, что россияне выражают умеренный интерес к политической информации: 46,3% интересуются только отдельными политическими проблемами, а 32,8% не интересуются совсем. Обращает на себя внимание, что среди граждан, имеющих бессрочный трудовой договор, политическая информация находит больший отклик. В этой группе только 25,8% говорят об отсутствии интереса к политике; среди тех, кто работает по годовому трудовому договору и без договора вообще доля таких приближается к 45% (см. табл. 3).

Доверие к политическим институтам

Важной частью политических установок является критерий доверия/недоверия к социальным и политическим институтам общества. Работающие без трудового договора и те, кто имеют временный договор до 1 года, выказывают самый низкий уровень доверия абсолютно всем социальным и политическим институтам (см. табл. 3). Например, в сравнении с теми, кто работает по трудовому контракту, у работающих без официального оформления уровень доверия Президенту ниже на 15%, правительству – на 7%. Разница в доверии к коллегам и к своему руководителю ниже почти на 30%. Это является определенной реакцией на неудовлетворенность положением дел в трудовой организации, своим местом и правами. Большая поддержка института церкви (второе место после поддержки Президента) говорит о том, что люди надеются на какую-то поддержку сверху, но при этом мало доверяют своему непосредственному окружению.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Кому Вы доверяете в полной мере?»

Доверяют полностью	Как оформлена работа							Не работают
	Имеют бессрочный договор	Имеют временный договор более 1 года	Имеют временный договор менее 1 года	Работают без трудового договора	Индивидуальные предпри- ниматели	Самоза- нятые		
Президенту	53,0	52,1	40,7	38,5	45,5	55,0	0,0	
Правительству	18,6	18,9	15,3	11,5	18,2	20,0	0,0	
Государственной Думе	11,4	8,9	8,5	9,8	9,1	10,0	0,0	
Прессе	6,6	8,2	6,8	3,4	0,0	0,0	0,0	
Телевидению	9,3	16,4	11,9	8,6	0,0	0,0	0,0	
Профсоюзам	12,0	5,4	13,6	5,7	0,0	5,0	0,0	
Политическим партиям	4,3	3,6	5,1	2,9	0,0	10,0	0,0	
Полиции	17,7	15,4	11,9	8,0	18,2	5,0	0,0	
Вооруженным силам (армии)	49,7	50,4	55,9	42,0	27,3	50,0	0,0	
Церкви	29,6	31,8	37,3	26,4	27,3	25,0	0,0	
Судебным органам	11,3	13,2	6,8	5,7	9,1	0,0	0,0	
Своему руководителю	43,6	32,1	28,8	15,5	72,7	20,0	0,0	
Коллегам по работе	50,8	50,4	39,0	21,8	45,5	30,0	0,0	

Уровень социального оптимизма также ниже среди неформально занятых: из всех опрошенных 44,8% считают, что «в ближайшее время положение дел в стране улучшится», среди работающих на условиях бессрочного договора таких 48,2%, а среди неформально занятых только 27%. Основной эмоциональный фон неформально занятых сосредоточен на позициях «не улучшится» (37,4%) и «затрудняюсь ответить» (35,6%).

Заключение

Можно с уверенностью говорить, что неформально занятые представляют существенную часть прекариата, и в ответах проявляется реакция на социальную уязвимость, в которой находятся ее участники. Этой группе работающего населения в полном объеме присущи черты прекаризованного труда и неустойчивого социального положения, что находит отражение в отчужденном политическом сознании и установках. Обращает на себя внимание схожесть групп, работающих без трудового договора и на условиях годового контракта. По своему составу, положению и социальному самочувствию они очень близки, а иной раз и идентичны.

Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» Российского научного фонда, грант № 18-18-00024.

This work was supported by the Russian Science Foundation, project “Precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society”, no. 18-18-00024.

Литература

1. *Standing G.* The Precariat: The New Dangerous Class. London; New York: Bloomsbury Academic, 2011.
2. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
3. *Анисимов Р.И.* Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 44–52.
4. *Бобков В.Н., Вередюк О.В., Колосова Р.П., Разумова Т.О.* Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ. М.: ТЕИС, 2014. 96 с.
5. *Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.
6. *Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В.* Прекариат как новая группа наёмных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 47–57.
7. *Капелюшников Р.И.* Неформальная занятость в России: Что говорят альтернативные определения?: препринт WP3/2012/04. [Текст]. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2012. С. 30–32.
8. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

9. *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. Монография. М.: Наука, 2018. 350 с.
10. *Воробьева И.В.* Политические установки россиян: противоречия и парадоксы // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.). Научное издание / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016. С. 69–88.
11. *Патрушев С.В.* Типы гражданской активности // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / отв. ред. С.В. Патрушев. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. 325 с.

References

---

1. Standing G. The Precariat: The new dangerous class. London; New York: Bloomsbury Academic, 2011.
2. Standing G. The Precariat: The new dangerous class. Moscow: Marginem Press Publ.; 2014. 328 p. (In Russ.)
3. Anisimov RI. Work in the era of uncertainty. *Sociological studies*. 2017;11:44-52. (In Russ.)
4. Bobkov VN., Veredyuk OV., Kolosova RP., Razumova TO. Employment and social precarization in Russia. Introduction to the analysis. Moscow: TEIS Publ.; 2014. 96 p. (In Russ.)
5. Shkaratan IO., Karacharovskii VV., Gasyukova EN. The precariat. Theory and empirical analysis (based on materials of surveys in Russia, 1994-2013). *Sociological studies*. 2015;12:99-110. (In Russ.)
6. Golenkova ZT., Goliusova YuV. Precariat as a new group of employees. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2015;1:47-57. (In Russ.)
7. Kapeliushnikov RI. Informality in the Russian labor market: what do alternative definitions tell us?: Working paper WP3/2012/04 [Text]. Moscow: Publishing House HSE Publ.; 2012. P. 30-32. (In Russ.)
8. Toschenko ZhT. Precariat – a new social class. *Sociological studies*. 2015;6:3-13. (In Russ.)
9. Toschenko ZhT. The precariat. From the proto-class to new class. Monograph. Moscow: Nauka Publ.; 2018. 350 p. (In Russ.)
10. Vorob'eva IV. Political attitudes of Russians. Contradictions and paradoxes. V: Toschenko ZhT., ed. The Life world of Russians: 25 years later (late 1980s-mid – 2010s). Scientific publication. Moscow, 2016. p. 69-88. (In Russ.)
11. Patrushev SV. Civil activity types. V: Patrushev SV., ex. ed. Citizens and political practices in modern Russia. Reproduction and transformation of institutional order. Moscow: Russian Association of political science (RAPN); Russian political encyclopedia (ROSSPEN). Publ.; 2011. 325 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ирина В. Воробьева, канд. социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д.6; vorobyova.irena@list.ru

Information about the author

Irina V. Vorob'eva, PhD in Sociology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; vorobyova.irena@list.ru

УДК 316.344.32
DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-98-106

Интеллигенция как институциональный продукт и ресурс неформальных практик

Валентина Ф. Левичева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, levvf@mail.ru*

Сергей Л. Диманс

*Московская государственная академия физической культуры,
Москва, Россия, dimsl51@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается методологический подход, с позиций которого феномен интеллигенции рассматривается как особая политическая субкультура, определяемая институциональной спецификой российского общества. Основное внимание уделяется двум вопросам: насколько интеллигенция соотносится с внешней институциональной средой и в какой степени от нее зависит само институциональное пространство общества?

Ключевые слова: интеллигенция, социальные институты, институциональный этатизм, неформальные практики, политическая субкультура, группы интересов, социальный контракт

Для цитирования: Левичева В.А., Диманс С.Л. Интеллигенция как институциональный продукт и ресурс неформальных практик // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 98–106. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-98-106

Intelligentsia as an institutional product and resource of informal practices

Valentina F. Levicheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, levvf@mail.ru

Sergey L. Dimans

Moscow State Academy of Physical Education, Moscow, Russia, dimsl51@mail.ru

Abstract. The article proposes a methodological approach, from the standpoint of which the phenomenon of intelligentsia is considered as a special political subculture, formed by the institutional specifics of the Russian society. The authors focus on two main issues: correspondence between intelligentsia and external institutional environment and the extent to which the institutional space of the society depends on intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, social institutions, institutional etatism, informal practices, political subculture, interest groups, social contract.

For citation: Levicheva VF., Dimans SL. Intelligentsia as an institutional product and resource of informal practices. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*. 2018;4(14):98-106. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-98-106

Чтобы понять, что происходит с интеллигенцией в современном обществе, ее надо рассмотреть сквозь призму действующих социальных институтов, т. е. институциональных императивов и соответствующих им социально-экономических норм, правил и ограничений. Существовая в неформальной области как некая политическая субкультура, интеллигенция является, с одной стороны, отражением внешней институциональной среды, а с другой – она влияет на эту среду.

Возникают два естественных вопроса: как интеллигенция соотносится с внешней институциональной средой и в какой степени от нее зависит институциональное пространство общества?

Социальные институты – это, по сути, способ господства общества как некой целостности над отдельными его частями. Общество передает эту функцию государству. В результате институты, созданные государством, стоят не только над отдельными индивидами, их группами и статусными слоями, но и над всем обществом. Более того, институциональная реальность активно структурирует общество, создавая паттерны с четкой логикой развития. В том числе и интеллигенцию. Как чисто российский феномен (что убедительно показали многие авторы) она не может быть институционально случайной.

Но нельзя отрицать и субъектную роль интеллигенции, ее роль в поддержании старых и создании новых институтов.

Конечно, можно возразить, что российское общество как институциональная структура рушилось и возрождалось вне прямой связи с ответствующей интеллигенцией. Однако можно доказать и обратное – интериоризированные ценности и социальные практики интеллигенции не раз определяли вектор российского институционального выбора.

Концептуализация феномена интеллигенции в качестве политической субкультуры позволяет понять истоки стихийного, неорганизованного ответа образованной части общества на конкретные институциональные вызовы, характерные именно для России.

Если говорить о Российской империи, то превращение и консолидация образованных слоев населения в интеллигенцию – это

реакция разночинцев и части дворянства на этатизм самодержавной власти, ограничившей пространство свободы личности. Интеллигент, будучи, по меткому выражению В. Куренного, «всесторонним дилетантом», наиболее болезненно реагирует на любые запреты, считая себя свободным человеком в несвободной стране (см. об этом: [1 с. 9]).

Практически во всех обществах, в том числе и в устоявшихся демократиях западного типа, наличный институциональный порядок обеспечивает соблюдение правил под угрозой принуждения и с точки зрения индивидуальных и общественных свобод устраивает далеко не всех. Однако на Западе фрондирование левых и правых интеллектуалов всегда было маргинальным и никогда не делало политическую погоду в стране. Кроме того, образованные слои населения активно вовлекались в структуры представительной власти, самоуправления и гражданского общества.

Остановимся на современных интеллектуалах западного типа, влияющих на формирование государственных институтов. Это влияние имеет значение.

Во многом именно интеллигентские коммуникации 1970–1980-х гг. распространили и внедрили в общественное сознание то догматическое западничество, на основе которого утвердились рыночные иллюзии начала 1990-х гг., и это напрямую повлияло на институциональный процесс при переходе к реальному рынку, создав неимоверное количество институциональных «сорняков».

В начале 1990-х в общественном (массовом) сознании россиян не было даже намека на ценности рыночной экономики. Поэтому навязывать рыночные отношения нерыночному обществу в одночасье было так же наивно, как сжигать деревянных идолов, чтобы обратить людей в христианскую веру.

Сегодня многие утверждают, что институциональный процесс находится под полным контролем административной элиты страны. Но и интеллигенция несет свою долю ответственности, поскольку многие современные социально-экономические институты строятся на идеях, мифах и пристрастиях, некогда разработанных в недрах ее политической субкультуры.

Стоит отметить, что множество (если не большинство) неформальных практик и субкультур являются более консервативными по своей природе, чем институциональные конструкции, и устойчиво воспроизводятся поколениями. (Более подробно эту мысль авторы развивают в книге «Люди и нормы: институты VS неформальные практики» [2].)

Свою роль сыграло и свойственное интеллигентской субкультуре нигилистическое отношение к государству. В начале 1990-х в экс-

пертных кругах страны был сделан вывод, что при переходе от рынка к рынку регулирующая роль государства должна снижаться. В Китае в начале 80-х был сделан полностью противоположный вывод: по мере развития рыночных отношений роль государства должна увеличиваться. Прежде чем приступать к рыночным преобразованиям, надо не только сохранить, но и укрепить существующие государственные и общественные институты. Без них императивы управления теряют свою институциональность, а индикативы превращаются в фикцию¹.

Советская интеллигенция породила такое явление, как младореформаторы, которые продемонстрировали всему миру пример несгибаемого ортодоксально-либерального нормотворчества. Рынок – «через 500 дней» (1990), закон о свободе торговли – «к следующему утру» (1992), свободные цены – «на завтра» (1992), приватизация – «за 5 лет» (1992–1996), плавающий курс рубля – не дожидаясь положительных изменений в структуре экспорта, и т. д. Сопровождающие этот экономический сюрреализм оптимистические картины светлого будущего можно рассматривать как повод для диагноза – «институциональный невроз».

Младореформаторы постоянно апеллировали к социальной реальности, которой не существовало. При формировании институтов и создании законов и нормативных актов это особенно губительно.

Как показала практика, «пересаживание» социальных институтов из одного общества в другое в надежде повторить успех крайне редко приводит к положительному результату. Одни и те же институты в различных социально-исторических условиях демонстрируют разную эффективность. Практически ни один институциональный опыт не может быть универсальным.

Янош Корнай назвал подобные экономические институты-трансплантаты «пластиковыми копиями Уолл-Стрита». Они выглядят точно так же, как оригинал, только не работают.

Приобрести «пластиковую копию» не составляет труда. В современном мире «рынок институтов» не только образное понятие, но и весьма конкретное явление. Процесс заимствования институтов не только не возбраняется, но напротив – поощряется. Этот рынок – бесплатный. Вернее, бесплатно право на имитацию. Малая

---

¹ В одном частном разговоре в начале 1990-х известный китайский политолог, наблюдая за тем, как в России разрушаются государственные структуры, сказал об этом довольно образно: «Неужели в России никто не понимает, что государство – это серьезно. Без него то, что плохо стоит, можно только опрокинуть, а то, что плохо лежит, – только украсть».

часть интеллигенции как раз и является той группой интересов, которая по открывшимся каналам коммуникаций освоила идеи, категории и язык западных социальных наук и подтолкнула страну в расставленную «институциональную мышеловку».

В защиту либеральных ценностей выдвигались аргументы, согласно которым в рыночных законах 1990-х не было ничего плохого, кроме того, что они не исполнялись. «Лекарство» было назначено правильное, но «пациент» не следовал предписаниям «врача». Эти аргументы также взяты из копилки интеллигентских пастырей прошлого, некогда ходивших в народ, а теперь сидящих в сети.

Законы до сих пор сплошь и рядом принимаются безотносительно к существующим формам жизни российского общества и его культурно-ценностным установкам, не говоря уже о прочих ограничениях. Чего только стоят все попытки отрегулировать малый бизнес и самозанятость. Причем это происходит под общие рассуждения об удручающем состоянии российского институционального ландшафта. Более или менее успешны лишь институционально слабые формы правительственных постановлений в дихотомии «разрешить / запретить», и то не всегда.

Переиграть неудачный вариант институциональных реформ очень непросто. Полный демонтаж формального наследия 90-х невозможен, а его трансформация постоянно требует непростых политических решений. Экспертное сообщество, которое представляет собой «выживший слой» интеллигенции, буквально заваливает власть советами, но из-за неэффективных институтов какие-либо советы на макроуровне оказываются совершенно бессмысленными. Любая дельная мысль упирается в институциональные ограничения. Экономические советники власти фактически вещают в пустоту.

Винить в этом властных чиновников тоже нельзя, поскольку, с их точки зрения, «хорошие советы» при данных возможностях управления не стоят ничего. Кроме того, рекомендации экспертов рисуют светлое послезавтра, а правительству надо знать, «что делать завтра, если сегодня начнем»².

Российская «институциональная мышеловка» не является чем-то из ряда вон выходящим. Но именно российский опыт позволяет оценить практику институциональных заимствований как сугубо порочную.

Время от времени различные группы интересов инициируют попытки заключить некое подобие социального контракта между

---

² В этом смысле наиболее характерен доклад «Института современного развития» (ИНСОП) «Россия XXI века: образ желаемого завтра» [3].

властью и обществом. Известно, что летом-осенью 2003 г. переговоры о таком контракте велись между властью и представителями нескольких крупных групп влияния (РСПП, «Деловая Россия», «Опора», гражданские организации). Была создана антикризисная группа, которая начала работу над программой, названной «новым общественным договором». Но президент избрал другой путь – укрепил административную вертикаль и перевел рычаги управления на себя. Этот вариант был поддержан общественным мнением.

В качестве еще одного примера можно привести общественный договор «Выборы-2003», отразивший этические правила ведения предстоящей избирательной гонки в Государственную Думу. Под этим по сути кодексом чести поставили свои автографы все самые именитые в России политики, за которыми стоял их партийный электорат. Но если в тот год выборы прошли более или менее демократично, то уже в следующей думской избирательной кампании административный ресурс заработал в полную силу.

Перед президентскими выборами 2012 г. в докладе «Института современного развития» (ИНСОР) «Россия XXI века: образ желаемого завтра» его авторы призвали будущего президента использовать свой мандат и предложить обществу новый социальный контракт. Его главное условие: максимальное невмешательство власти в дела народа и свободное вмешательство народа в дела власти.

Перед самыми выборами появился другой документ – «Общественный договор об условиях легитимности демократических процедур формирования власти в России», призывавший либеральную общественность и претендентов на пост главы государства соблюдать элементарные приличия. Предполагалось, что документ подпишут все лидеры политически ответственных общественных сил России, а также генпрокурор, глава МВД и ряд ведущих политологов. Но подписание не состоялось.

Почему ни контракт, ни договор так и не состоялись? Ответы могут быть разные, но причина, видимо, в том, что все подобные попытки отражают стремление групп интересов включить в договор свои узкопартийные и узкокорпоративные цели и ценности. «Общественный договор» постоянно подменяется своего рода «пактом элит» (точнее, части элит).

Распавшись на группы интересов, интеллигенция, или то, что от нее осталось, активно включилась в нормативное подавление «чужих» интересов, используя в том числе методы парламентской борьбы. Представители различных групп знают друг друга хорошо благодаря прямым контактам и опыту взаимодействия, поэтому создавать институты в чьих-либо интересах они могут без особых проблем.

Конечно, нет и не может быть законов, разом удовлетворяющих все группы интересов. Правила, во всяком случае большая их часть, создаются в интересах отдельных социальных групп, а не всего общества. Кто-то становится бенефициаром, а кто-то аутсайдером. Первый получает желаемые преимущества, второй вынужден мириться с поведенческими стандартами, которые ему навязывают другие, выгодными не ему, а другим. Но в условиях 90-х гг. лоббистская деятельность отдельных представителей интеллигенции в очередной раз продемонстрировала ее нигилизм в отношении государства³. Только в начале 2000-х, когда стало ясно, что группы интересов приобрели неконтролируемую политическую власть, их начали обуздывать, чтобы сохранить страну и государственность.

В процессе лоббирования, как показал М. Олсон, всегда находится «забытая» группа интересов. Характерным примером такой группы являются обычные неорганизованные налогоплательщики, не имеющие рычагов влияния на что-либо, пребывающие в «рациональном невежестве», особенно на выборах, и не предпринимающие никаких действий [4 с. 49]. Часто эта группа составляет большую часть общества. Классическая интеллигенция защищала интересы этой группы, что нельзя сказать о современных интеллигентских лобби.

Более того, пренебрежение к народу расцвело в рядах тех, кто преуспел в новых условиях, махровым цветом. Возможно, эти деструктивные позиции связаны с тем, что, распавшись на группы интересов, интеллигенция так и не стала средним классом, интересы которого во многом формируют господствующую политическую культуру. Советская интеллигенция претендовала на то, чтобы заполнить именно эту социальную нишу. На это рассчитывала и постсоветская интеллигенция. Однако жизнь распорядилась по-своему.

Подводя итоги, есть все основания говорить о конце интеллигенции как своеобразного эндемика интеллектуального «сословия» современного общества. Однако историческая миссия российского образованного класса может быть направлена в положительное русло. Только интеллигенция может вернуть российскому обществу идеалы, ценности и смыслы, без которых оно неминуемо дезинтегрируется. Речь идет не об интеллектуальном опекунстве, а о национальных целях развития, о будущем.

---

³ По силе практического отрицания и по количеству образованных людей, втянутых в водоворот отрицания, – российскому нигилизму нет равных. В 1917 и в 1991 году это было очевидно. Но и на протяжении 1990-х гг. неприятие государства было маркером большого количества групп интересов.

Извечные русские вопросы остались. Но если вместо интеллигенции появятся обозленные рыночными реформами специалисты, лишь условно сопоставимые с интеллектуалами западного типа и тщетно пытающиеся найти свое место на мировом интеллектуальном рынке, понять Россию умом будет некому.

Каковы перспективы существования и развития тех устойчивых профессиональных групп, которые основаны на длительном образовании высокого уровня и обладают значимыми профессиональными компетенциями? В чем их политическая и духовная миссия в конструировании социальных институтов?

Нужно иметь в виду, что сила интеллигентской оппозиции обратно пропорциональна силе такого института, как партия. При слабости партийной системы, что можно отнести к институциональному наследию СССР, интеллигенция как политическая субкультура не может окончательно сойти со сцены.

Экспертное научное сообщество должно дать четкую установку на детальное (эмпирическое) изучение результатов деятельности институтов, чтобы найти основания институционального развития страны. Как показал Б. Артур, за пределами определенной степени усложнения общества наш логический аппарат перестает «справляться с обязанностями» [5]. Это прямо относится к институциональному творчеству, которое постоянно сталкивается с когнитивными ограничениями.

Кроме того, при формировании институтов обратная связь (отклик со стороны общества) всегда крайне запутанна. Поэтому создание и корректировка принятой регулятивной модели требует больших интеллектуальных усилий подготовленных профессионалов.

Переговорные практики между народом и властью пока не складываются. Власть ни с кем и ни о чем договариваться не умеет и в ближайшее время не будет. Экспертному сообществу, аналитикам СМИ остается лишь взволнованно обсуждать: подала власть сигнал или не подала, а если подала, то какой? А должно быть наоборот – власть должна ловить сигналы, подаваемые обществом, и пытаться сыграть на опережение. Эти сигналы может подать только интеллигенция.

Литература

---

1. *Куренной В.* Интеллектуалы // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 5–26.
2. *Диманс С.Л., Левичева В.Ф.* Люди и нормы: институты VS неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 304 с.

3. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010. 66 с.
4. *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. С. 154–155.
5. *Arthur W.B.* Inductive reasoning and bounded rationality // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84 (2). P. 406–411.

References

---

1. Kurennoi V. Intellectuals. V: Kurennoi V, ed. Thinking Russia. Cartography of contemporary intellectual areas. Moscow: Naslediye Evrazii Publ.; 2006. P. 5-26. (In Russ.)
2. Dimans SL., Levicheva VF. People and norms: institutions VS informal practices. Moscow: Klyuch-S Publ.; 2018. 304 p. (In Russ.)
3. Russia of the XXI century. The image of the desired tomorrow. Moscow: Ekon-inform Publ.; 2010. 66 p. (In Russ.)
4. Olson M. Logic of collective action. Public goods and group theory. Moscow: FEI Publ.; 1995. p. 154-55. (In Russ.)
5. Arthur WB. Inductive reasoning and bounded rationality. *American Economic Review*. 1994;84:406-11. (In Russ.)

Информация об авторах

Валентина Ф. Левичева, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; levvf@mail.ru

Сергей Л. Диманс, кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия физической культуры, Московская обл., пос. Малаховка, Россия; 140033, Россия, Московская обл., Малаховка, ул. Шоссейная, д. 33; dimsl51@mail.ru

Information about the authors

Valentina F. Levicheva, Dr. in Philosophy, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; levvf@mail.ru

Sergey L. Dimans, PhD in Economics, associate professor, Moscow State Academy of Physical Education, Moscow region, Malakhovka vl., Russia; bld. 33, Shosseynaya str., Moscow region, Malakhovka, 140033, Russia; dimsl51@mail.ru

Оптимизация здравоохранения и пенсионная реформа как факторы вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения

Екатерина В. Фадеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, fadeeva.belova@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема вытеснения медицинских кадров из государственной медицины. Основное внимание автор акцентирует на двух наиболее существенных событиях – оптимизации здравоохранения и пенсионной реформе. Обосновывается мысль о том, что политика государства в области здравоохранения в части регулирования кадровой политики не продумана и противоречива. С одной стороны, престиж медицинской профессии в нашей стране в последние годы значительно вырос, но с другой стороны, получение узкой врачебной специальности становится все более недоступным для большинства граждан России. Ситуация осложняется насильственным и повсеместным сокращением медицинских работников в государственных медучреждениях. Как результат – в ряде регионов уже сегодня прослеживается значительная нехватка медицинских кадров, а в сельской местности показатели по обеспеченности населения медперсоналом на 40% ниже, чем в целом по стране. Социальный протест, охвативший Россию и спровоцированный пенсионной реформой и ростом цен и налогов, подкрепился врачебным протестом, который впервые обрел форму публичных акций: медики стали объединяться в профессиональные ассоциации и открыто заявлять о нарушении своих прав. Инициативы государства по оптимизации расходов на здравоохранение и пенсионное обеспечение граждан стали ключевой угрозой доступности медицинской помощи в нашей стране.

Ключевые слова: интеллигенция, врачи, здравоохранение, медицина, доступность медицинской помощи, оптимизация здравоохранения, пенсионная реформа

Для цитирования: Фадеева Е.В. Оптимизация здравоохранения и пенсионная реформа как факторы вытеснения медицинской интеллигенции из государственного сектора здравоохранения // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 107–117. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-107-117

Optimization of healthcare and pension reform as factors for crowding medical intellectuals out of the public sector of healthcare

Ekaterina V. Fadeeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, fadeeva.belova@mail.ru

Abstract. This article deals with an issue of crowding medical staff out of the system of public medicine. The author focuses on the two most significant events – the healthcare optimization and pension reform. It is proved that public policy in the field of healthcare regarding the personnel policy regulation is premature and contradictory. On the one hand, the prestige of a medical profession in our country has considerably grown in recent years, but on the other hand, acquiring a limited relevance medical specialty becomes more and more unavailable for most of citizens in Russia. The situation is complicated by the violent and widespread staff reduction of medical workers in the public medical institutions. As a result today in a number of regions, there is already a considerable shortage of medical personnel, and in rural areas, the indicators on the provision of medical personnel are 40% lower than in the whole country. The social protest which captured Russia and which was provoked by pension reform and the rise in prices and taxes was supported by medical protest that for the first time was expressed like a public actions: doctors began to unite in professional associations and openly claim about their rights violation. State initiatives in optimization of expenses for the healthcare and provision of the citizens pensions became the key threat to availability of medical care in our country.

Keywords: intellectuals, doctors, healthcare, medicine, availability of medical care, optimization of healthcare, pension reform

For citation: Fadeeva EV. Optimization of healthcare and pension reform as factors for crowding medical intellectuals out of the public sector of healthcare. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;4(14):107-17. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-107-117

Введение

Русский язык настолько сложен и многогранен, что в нем существуют понятия, которые на первый взгляд ясны и общедоступны, однако с точки зрения толкования сложно объяснимы, так как обладают размытым смыслом. Термин «интеллигенция» как раз из их числа. Каждый понимает, о ком именно идет речь, но объясняет этот термин по-своему. При трактовке понятия «интеллигенция» среди ученых возникает множество разногласий. Представители научного сообщества не могут договориться, по каким характери-

стикам относить того или иного члена социума к интеллигенции, однако все сходятся во мнении, что интеллигенция – это представители ряда определенных профессий умственного труда: учителя, инженеры, военные офицеры, ученые... и, конечно, врачи.

Так получилось, что медицинская интеллигенция в современной России еще не жила хорошо. 90-е гг. XX в. стали временем серьезных испытаний для медиков. С распадом Советского Союза профессия врача вдруг сделалась непрестижной и мало оплачиваемой, социальная планка опустилась. Многие навсегда ушли из профессии, значительная часть медиков заняла околопрофессиональные позиции: доктора стали медицинскими представителями крупных фармацевтических компаний. Это привело к колоссальному дефициту врачей, с которым государство не может справиться до сих пор. В отдельных регионах нашей страны нехватка медицинских кадров – катастрофическая. По результатам 2017 г.¹, представленным Министерством здравоохранения РФ, уровень обеспеченности жителей врачами по сравнению с 2016 г. снизился в 22 регионах. В десятку субъектов с наименьшими показателями обеспеченности врачами на 10 тыс. человек населения вошли: Курганская область (24,7), Чеченская Республика (26,3), Владимирская область (27,7), Еврейская автономная область (27,9), Псковская область (28), Тульская область (29,4), Свердловская область (29,6), Калужская область (29,7), Ленинградская область (29,7) и Вологодская область (30,1). Обеспеченность россиян средним медицинским персоналом (фельдшеры, фельдшеры-акушеры, медсестры, рентген-лаборанты и т. д.) также оставляет желать лучшего: если в 2013 г. этот показатель был равен 90,2, то в 2015 г. – уже 89,4, в 2016 г. – 88, а в 2017г. – 86,2.

Противоречия кадровой политики государства в области здравоохранения

Попытки государства привлечь в отрасль квалифицированные кадры пока не увенчались успехом по единственной причине: **политика непродуманна и противоречива**. С одной стороны, опросы общественного мнения свидетельствуют, что лидером «народного» рейтинга наиболее престижной профессии на сего-

---

¹ Гаврилов: Показатель обеспеченности врачами и средним медперсоналом в сельской местности на 40% ниже, чем в общем по стране // Официальный сайт ОНФ. URL: <https://onf.ru/2018/08/15/gavrilov-pokazatel-obespechennosti-vrachami-i-srednim-medpersonalom-v-selskoy-mestnosti/> (дата обращения 12 нояб. 2018).

дняшний день является профессия врача (26%), эта доля заметно выросла по сравнению со всеми предыдущими годами измерений (по 12% в 2012 г. и 2009 г., 11% в 2006 г.)². В списке наиболее предпочтительных профессий для своих детей на первом месте также профессия врача (4,17 баллов из 5 возможных). Причем среднее значение за последние восемь лет выросло с 3,9 баллов³. В 2018 г. профессию «врач» выбрали 20%⁴. В последние годы медицинская специальность оказалась одной из самых востребованных среди абитуриентов российских вузов. В 2017 г. в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова конкурс по специальности «лечебное дело» составил 30 человек на место, по специальности «стоматология» – 36 человек на место. В 2018 г. конкурс в этот университет на все направления подготовки насчитывал 31 человек на место. В целом, самый большой конкурс в 2018 г. был при поступлении именно на медицинские специальности⁵. И что не менее важно, абитуриенты, поступающие в медицинские вузы, продемонстрировали самые высокие показатели по ЕГЭ. Так, проходные (конкурсные) баллы при приеме на 1 курс очной формы обучения на места, финансируемые из средств федерального бюджета, в 2017 г. в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова по специальности «лечебное дело» составили 283 балла на I этапе и 272 балла на II этапе, по специальности «стоматология» – 340 и 331 балл соответственно, «педиатрия» – 328 и 325 баллов. В 2018 г.: «лечебное дело» – 284 и 269 баллов, «стоматология» – 330 и 320, «педиатрия» – 333 и 325.

Парадоксально, но, несмотря на то что медицина – это одно из самых популярных направлений обучения в России, постепенно она становится все менее доступной для абитуриентов. Чтобы работать практикующим врачом узкой специализации (например, дерматологом, гастроэнтерологом или кардиологом),

---

² Пресс-выпуск № 3799 «Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне?» // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387> (дата обращения 12 нояб. 2018).

³ Пресс-выпуск № 3800 «Все профессии нужны, все профессии важны» // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9392> (дата обращения 12 нояб. 2018).

⁴ Пресс-выпуск от 21.06.2018 «Врачи обошли юристов» // Официальный сайт аналитического центра Юрия Левады. URL: <https://www.levada.ru/2018/06/21/vrachi-oboshli-yuristov/> (дата обращения 12 нояб. 2018).

⁵ Голикова назвала средний балл на ЕГЭ у поступивших в российские вузы // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b8a80b09a79477f738ada85> (дата обращения 16 нояб. 2018).

необходимо получить высшее медицинское образование, свидетельство об аккредитации специалиста и закончить ординатуру⁶. Выпускники, которые «остановились» на свидетельстве об аккредитации специалиста, могут приступать к профессиональной деятельности без прохождения дополнительной профессиональной подготовки. Сегодня, имея на руках сертификат об аккредитации по специальностям «лечебное дело» и «педиатрия», медик допускается до работы специалистом первичного звена (врачом-терапевтом, участковым врачом, врачом-педиатром и участковым врачом-педиатром). Желающим получить более узкую специализацию придется окончить ординатуру, стоимость обучения в которой выросла за последний год вдвое, а количество бюджетных мест сократилось. Так, с 2018 г. подготовка по программе «Акушерство и гинекология» в Первом МГМУ им. Сеченова стоит 748 тыс. рублей за два года, по программе «Стоматология общей практики» – 788 тыс. рублей. При этом для желающих получить профессию акушера предусмотрено всего 15 бюджетных мест, 10 из которых – целевые, то есть предполагают обязательную отработку в компании, оплачивающей учебу⁷. В таких условиях поступить на бюджет в ординатуру практически невозможно, а если на платное образование денег нет, то перед выпускником медицинского вуза встает дилемма: работать терапевтом первичного звена или медицинской сестрой (братом), либо вовсе уйти из профессии.

Возникает вопрос: на что рассчитывает государство, повышая престиж профессии врача, но при этом делая ее получение недоступным для большинства граждан? Решая проблему нехватки медицинских кадров первичного звена таким причудливым способом, мы постепенно придем к проблеме тотального дефицита узких специалистов, что существенным образом скажется на доступности и качестве медицинской помощи, следовательно, на здоровье, качестве и продолжительности жизни населения.

---

⁶ До 2017 г. необходимо было пройти также ступень интернатуры – годовалой последиplomной практики в поликлиниках и больницах под руководством наставника – опытного практикующего врача. Упразднение интернатуры – один из выходов, которые нашло государство по решению проблемы нехватки медицинских кадров первичной практики.

⁷ *Киеня Н.* Медицинский кризис: ординатура недоступна, интернатура отменена // Портал «Учёба.ру». URL: <https://www.ucheba.ru/article/6175> (дата обращения 16 нояб. 2018).

Результаты оптимизации здравоохранения

Ситуация осложняется и тем, что ежегодно мы наблюдаем не прекращающееся понижение числа медицинских работников, остающихся «в профессии», а точнее – в государственной медицине. Причины дефицита медицинских кадров разные, среди основных: невысокая оплата труда при увеличении нагрузки и небрежное отношение к кадрам. В государственной медицине участились случаи «изгнания» высококвалифицированных специалистов узкого профиля. Все дело – в пресловутой «оптимизации здравоохранения», начатой еще в 2010 г. с принятием закона об обязательном медицинском страховании. Смысл реформы был в том, чтобы рационализировать расходы государства на медицину за счет закрытия неэффективных лечебных учреждений с одновременным распространением по территории страны высокотехнологичных центров. Закон был принят в целях повышения доступности и качества медицинской помощи в России, но де-факто обернулся сокращением объемов медицинской помощи, числа высококвалифицированных кадров и медицинских организаций, оказывающих помощь населению на безвозмездной основе (ОМС).

Сегодня в качестве результатов оптимизации здравоохранения Минздрав анонсирует постепенный переход к персонализированной медицине и высокотехнологичному оборудованию в регионах, однако на деле все больше врачей перебирается в «платный сектор» и уезжает из регионов в соседние крупные города, чтобы работать в современных условиях. Даже госпрограмма «Земский доктор»⁸ уже не справляется: в сельской местности показатели по обеспеченности жителей врачами и средним медперсоналом в 2017 г. были почти на 40% ниже, чем в общем по стране. Хуже всего ситуация с обеспеченностью врачами в Псковской (1,3 врачей на 100 тыс. населения), Саратовской (5,9) и Брянской (5,9) областях, Республике Марий Эл (6,3), Кемеровской области (6,4). А по среднему медицинскому персоналу значительно отстают от других регионов Псковская (14,2 специалистов на 100 тыс. населения), Ка-

---

⁸ Федеральная программа, действующая с 1 января 2012 г. и созданная с целью мотивировать врачей на переезд «в глубинку». Проект рассчитан на врачей с высшим образованием в возрасте до 50 лет, готовых уехать работать в село, поселок городского типа или город с населением до 50 тыс. человек на пять лет. Принять участие могут узкие специалисты и врачи общей практики. Участники программы получают 1 млн рублей, которым могут распорядиться по своему усмотрению: купить квартиру или готовый дом, построить дом или приобрести земельный участок.

лининградская (21,4), Ленинградская (22,1), Мурманская (23,6) и Кемеровская (28,2) области⁹.

Так почему же высококвалифицированный медицинский персонал буквально утекает из госучреждений? Весь парадокс оптимизации – в ее воплощении. В рамках исполнения «майских указов» президента госаппарат вынужден применять тактику увеличения зарплат медработникам. Однако механизмы реализации этого мероприятия были отданы на откуп региональной власти и самим медучреждениям, государственное финансирование которых значительным образом не увеличилось. Выполнить эту задачу власти субъектов решили с помощью оптимизации: сократить число врачей и понизить качество стационарной помощи. Поликлиники и больницы были вынуждены пойти на увеличение числа платных услуг в стенах своих учреждений с одновременным сокращением «неэффективных» врачей (тех, которые обслуживают небольшое количество коммерческих пациентов и, следовательно, приносят организации небольшой доход) и качества оказываемой медицинской помощи. Оптимизация предполагала появление в медучреждениях целых армий так называемых «эффективных менеджеров», которые и должны были оптимизировать работу клиник, разрабатывая новые методы обеспечения финансовой стабильности. В реальности эти управленцы стали сокращать медицинский персонал, уничтожать целые отделения и вводить все больше платных услуг, тем самым коммерциализируя медицину и значительно снижая доступность и качество медицинской помощи.

Коммерциализация медицины поставила под удар традиционные ценности медицинской интеллигенции – вылечить больного, помочь ему. Основной задачей многих государственных лечебных учреждений, которые должны оказывать помощь гражданам по полису ОМС (то есть бесплатно), стало не оказание этой помощи пациентам, а получение прибыли от платных услуг любыми способами. Пациенты стали открыто жаловаться на то, что попасть на прием к врачу по ОМС теперь практически невозможно, только на коммерческой основе. Одновременно с этим медики рассказывают, как руководство поликлиник настоятельно рекомендует им направлять пациентов на как можно большее количество бесплатных исследований, чтобы учреждение получило максимальную оплату от страховой компании, а также на процедуры и исследования, оказываемые на коммерческой основе.

---

⁹ Гаврилов: Показатель обеспеченности врачами и средним медперсоналом в сельской местности на 40% ниже, чем в общем по стране.

Несмотря на то что процесс оптимизации здравоохранения длится уже несколько лет, медицинский протест только недавно стал принимать серьезные масштабы. Особенно сложная ситуация складывается в Московской области. Начавшаяся в подмосковных больницах оптимизация уже привела к практически повсеместным задержкам заработной платы, сокращению медперсонала, нехватке медикаментов и расходных материалов. Среди наиболее оглушительных историй – травля медперсонала Видновской районной клинической больницы¹⁰ и Чеховской районной больницы¹¹, угроза закрытия единственного в Московской области отделения торакальной хирургии в Московском областном научно-исследовательском клиническом институте им. М.Ф. Владимирского¹².

В борьбе за свое рабочее место медики стали объединяться в профессиональные ассоциации и открыто заявлять о нарушении своих прав. Летом 2018 г. был создан межрегиональный профессиональный союз работников здравоохранения «Альянс врачей», который совместно с профсоюзом «Действие» и «Лигой защиты врачей» осенью 2018 г. провел митинг «За достойную медицину! Против повышения пенсионного возраста!», организовал пикеты у здания Минздрава. В октябре 2018 г. в открытый доступ попало письмо Президенту России от сотрудника одного из медучреждений Московской области, в котором указано, что за последние месяцы из больницы были уволены более 110 человек (80% которых – врачи и медсестры), полностью ликвидированы «не приносящие прибыли» детское и взрослое инфекционные отделения¹³.

---

¹⁰ *Игнатенкова Г.* Сотрудница Видновской РКБ пожаловалась Путину на избыточную коммерциализацию деятельности больницы // Сайт Делового журнала о здравоохранении «Vademecum». URL: <https://vademec.ru/news/2018/10/31/sotrudnitsa-vidnovskoy-rkb-pozhalovalas-putinu-na-izbytochnuyu-kommertsializatsiyu-deyatelnosti-boln/> (дата обращения 16 нояб. 2018).

¹¹ *Лукьянова О.* Врачи подмосковной больницы пожаловались Путину на задержки зарплаты и сокращения // Сайт Делового журнала о здравоохранении «Vademecum». URL: <https://vademec.ru/news/2018/07/19/vrachi-podmoskovnoy-bolnitsy-pozhalovalis-putinu-na-zaderzhki-zarplaty-i-sokrashcheniya/> (дата обращения 16 нояб. 2018).

¹² *Игнатенкова Г., Гончарова О., Лукьянова О., Жаров В.* Более половины врачей одобряют протестную активность коллег // Сайт Делового журнала о здравоохранении «Vademecum». URL: https://vademec.ru/article/bolee_poloviny_vracheyodobryayut_protestnuyu_aktivnost_kolleg/ (дата обращения 16 нояб. 2018).

¹³ *Волощук Л.А.* Открытое письмо Волощук Л.А. Президенту РФ // Официальный сайт Московского областного отделения Коммунистической партии Российской Федерации. URL: <http://mkkprf.ru/18270-otkrytoe-pismo-voloschuk-la-prezidentu-rf.html/> (дата обращения 16 нояб. 2018).

Медицинская интеллигенция никогда серьезно не бунтовала. Но непродуманные действия государства по решению неотложных задач, повышению зарплат медиков и престижа профессии создают перед отечественным здравоохранением плохие перспективы развития отрасли, ведь если медики устроят забастовку – кто будет лечить?

Потенциальные последствия пенсионной реформы

Ложку дегтя в и без того растущую социальную напряженность внутри медицинского сообщества добавила реформа о повышении пенсионного возраста, о которой было объявлено летом 2018 г. Если до этого врачам для получения пенсии было необходимо отработать без перерыва 25–30 лет, то теперь придется трудиться на несколько лет больше. Согласно 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»¹⁴, медработники сохраняют право на досрочную пенсию с учетом выработанного стажа, но с пятилетней отсрочкой. То есть право выйти на заслуженный отдых врачи получают только спустя дополнительные пять лет.

Вообще право врачей на досрочное пенсионное обеспечение долгое время являлось следствием особенности их профессиональной деятельности, которая предполагает высокую интенсивность труда с применением широкого и глубокого объема знаний, повышенную ответственность и моральную нагрузку, ведь цена врачебной ошибки – это чьи-то жизнь и здоровье.

Врачи и учителя – это экстремальные в интеллектуальном отношении виды деятельности. Они просто выжигают мозг, если человек работает добросовестно. Повышение пенсионного возраста приведет к падению качества работы¹⁵.

Кроме того, пенсионная реформа может обернуться тотальным дефицитом врачей в государственных учреждениях, особенно это касается сельской местности. Пока еще существующая досрочная пенсия являлась для медиков одним из весомых поводов оставаться

---

¹⁴ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Официальный сайт «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2018/10/04/fz350-site-dok.html> (дата обращения 15 нояб. 2018).

¹⁵ *Звездина П., Сарджвеладзе С.* Профсоюзы врачей и учителей не поддержали проект пенсионной реформы // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/06/2018/5af1aad79a794784ffc61cf7> (дата обращения 16 нояб. 2018).

ся в профессии, так как компенсировала невысокий уровень оплаты труда и поддерживала доход работающего врача-пенсионера. Теперь же привлекательность работы в государственном здравоохранении снижается для такого медика до минимума. Учитывая сокращение числа медорганизаций и количества рабочих мест ввиду оптимизации здравоохранения, а также нововведения пенсионной реформы, имеющийся в нашей стране кадровый дефицит медицинских работников (который носит не локальный, а глобальный характер), может привести к катастрофическим последствиям: **через несколько лет населению будет негде и не у кого лечиться.** Точнее, негде и не у кого лечиться бесплатно, по полису ОМС.

Заключение

По данным Комитета Госдумы по охране здоровья¹⁶, в период 2000–2015 гг. количество больниц в России сократилось вдвое. Материалы профсоюза работников здравоохранения РФ¹⁷ свидетельствуют, что даже сейчас, пока новый пенсионный закон еще не вступил в силу, порядка 25% специалистов, получивших высшее и среднее специальное медицинское образование, покидают практическое здравоохранение. За первое полугодие 2018 г. численность работников государственных и муниципальных медицинских организаций, имеющих высшее медицинское, фармацевтическое и иное высшее образование и участвующих в оказании медицинской помощи, сократилась на 7,6 тыс. по сравнению с аналогичным периодом 2017 г., среднего и младшего медицинского персонала – на 38,9 тыс. и 171,3 тыс. соответственно¹⁸. В 2017 г. в государственных и муниципальных медучреждениях дефицит врачей достиг 21,2%, терапевтов в первичном звене – 24,8%. Наибольший отток медиков в этот год характерен для трех самых густонаселенных федеральных округов: Центрального, Приволжского и Сибирского.

---

¹⁶ *Бескаравайная Т.* Кадры в минусе // Портал российского врача «Медвестник». URL: <https://medvestnik.ru/content/articles/Kadry-v-minus.html> (дата обращения 15 нояб. 2018).

¹⁷ *Бескаравайная Т.* Профсоюз медиков оспорит пенсионную реформу в Конституционном суде // Портал российского врача «Медвестник». URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Profsouz-medikov-osporit-pensionnuu-reformu-v-Konstitucionnom-sude.html> (дата обращения 15 нояб. 2018).

¹⁸ *Бескаравайная Т.* Кадры в минусе. Портал российского врача «Медвестник».

Всю эту тревожную статистику сложно оставить без внимания. Развитие общества невозможно без развития здравоохранения, а оно, в свою очередь, – без высококвалифицированных специалистов: медицинской интеллигенции. Социальный и медицинский протест, нарастающий в нашей стране с каждым днем, не случаен. ***Инициативы государства по оптимизации расходов на здравоохранение и пенсионное обеспечение граждан стали ключевой угрозой доступности медицинской помощи в нашей стране.*** Повсеместное сокращение опытных докторов и медсестер, урезание коек в стационарах, жесткий хронометраж в 10–12 минут на прием пациента, внедрение электронных медицинских карт с одновременным ростом бумажной нагрузки, введение системы штрафных санкций для врачей по системе ОМС – все это уже привычные условия труда медиков. Работа в государственной медицине становится все менее популярной, а поручения президента, касающиеся кадровой политики в здравоохранении, исполняются только на бумаге. Если медики будут продолжать вытесняться из государственной медицины, охрана здоровья граждан в России фактически прекратит осуществляться, ведь платные услуги смогут позволить себе далеко не все. Законодателям пора всерьез задуматься об адекватности и эффективности своих реформ, пока еще не совсем поздно.

Информация об авторе

Екатерина В. Фадеева, кандидат социологических наук, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; fadееva.belova@mail.ru.

Information about the author

Ekaterina V. Fadeeva, PhD in Sociology, senior lecturer; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993 Russia; fadееva.belova@mail.ru.

УДК 316.728

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-118-127

Формирование «территорий трезвости»
в сельских поселениях и поселках
в контексте местного самоуправления:
социологический анализ

Барвара А. Зотова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zotova1987@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены основные результаты прикладного исследования «территорий трезвости», проведенного в 2017 г. исследовательской группой ЦИРКОН. Методологическую основу исследования составили материалы трех экспедиций, проведенных при участии автора в Оренбургской области, Республике Алтай и Республике Саха (Якутия). По итогам экспедиций выделены основные факторы-стимулы и факторы-барьеры принятия коллективного решения о запрете продажи алкоголя в сельской местности. В статье дается определение «территории трезвости» как объекта социологического изучения, впервые в российской социологии дается классификация «территорий трезвости». В качестве примера дается подробное описание одного из кейсов – села Бясь-Кюэль (Республика Саха (Якутия)). Особенности формирования «территорий трезвости» рассматриваются в статье в контексте специфики местного самоуправления в России.

Ключевые слова: территории трезвости, здоровый образ жизни, местное самоуправление, социология села

Для цитирования: Зотова В.А. Формирование «территорий трезвости» в сельских поселениях и поселках в контексте местного самоуправления: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 118–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-118-127

Formation of “sobriety territories” in rural settlements
and townships in the context of local self-government.
A sociological analysis

Varvara A. Zotova

Russian State University for the Humanities, Moscow, zotova1987@gmail.com

Abstract. The article presents the main results of the practical research on “sobriety territories”, conducted in 2017 by the research group ZIRCON. The methodological basis for the study was formed by the materials of three

expeditions conducted in the Orenburg region, the Republic of Altai and the Republic of Sakha (Yakutia) with the participation of the author. The expedition results facilitated defining the main factors-incentives and barriers to making a collective decision to ban the sale of alcohol in rural settlements and townships. Article gives the definition of “sobriety territory” as an object of sociological study and for the first time in Russian sociology it presents a classification of “sobriety territories”. As an example, a detailed description of one of the cases – the village of Byas’-Kyuyol’ (the Republic of Sakha (Yakutia)) is given. The peculiarities of the formation of “sobriety territories” are considered in the article in the context of the features of local self-government in Russia.

Keywords: sobriety territories, healthy lifestyle, local government, rural sociology

For citation: Zotova VA. Formation of “sobriety territories” in rural settlements and townships in the context of local self-government. A sociological analysis. *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series.* 2018;4(14):118-27. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-118-127

В последние несколько лет в России введение ограничений на продажу и производство алкоголя носит массовый характер. Повсеместно запрещена продажа алкоголя в ночное время суток, вводятся точечные запреты на продажу алкоголя в дни выпускных из школ и последних звонков. Во всероссийском масштабе проводится праздник «День трезвости» (11 сентября), а также запрещается продажа алкоголя во время государственных или национальных праздников. Набирают популярность конкурсы «Трезвое село», которые проходят в регионах страны при поддержке общественных некоммерческих движений и местных администраций. И хотя алкоголизм продолжает являться одной из самых значимых социальных проблем российского общества, Роспотребнадзор в 2016 г. зафиксировал тенденцию к снижению уровня потребления алкоголя¹.

Самые строгие ограничения на продажу алкоголя существуют в республике Саха (Якутия) и на Чукотке. В июле 2016 г. на время проведения международных спортивных игр «Дети Азии» запрет на продажу алкогольной продукции вводился на всей территории городского округа «город Якутск». По состоянию на сентябрь 2017 г. более 140 якутских наслегов (сел) объявили себя «терри-

---

¹ О снижении масштабов злоупотребления алкогольной продукцией // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). 18.01.2016. URL: http://rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=5533&sphrase_id=752370 (дата обращения 12 дек. 2018).

ториями трезвости». В этих селах «сухой закон» введен на основании коллективного решения, добровольно принятого жителями на сходе граждан. Данная социальная практика не является уникальной: «территории трезвости» встречаются и за пределами Якутии, причем некоторые из них имеют более давнюю историю – как позитивную, так и негативную. На настоящий момент комплексная информация, характеризующая подобный опыт принятия и обеспечения коллективных решений по ограничению производства, распространения и потребления алкогольных напитков, в том числе в сельских поселениях и поселках, отсутствует. В обозначенном контексте становится очевидной необходимость детального изучения подобного социального явления.

Основой этой статьи послужили материалы проекта «Территории трезвости: опыт принятия и обеспечения коллективных решений по ограничению производства, распространения и потребления алкогольных напитков в сельских поселениях и поселках», реализованного в первой половине 2017 г. исследовательской группой ЦИРКОН. Цель проекта заключалась в популяризации и распространении позитивного опыта по отказу от алкоголя на коллективном уровне гражданами Российской Федерации. Реализация поставленной цели предполагала выяснение принципов формирования «территорий трезвости» и способов перевода практик «коллективной трезвости» в тиражируемые технологии конструктивной социальной активности. Исследовательский фокус проекта был направлен на изучение особенностей принятия и согласования решений об отказе от алкоголя на коллективном уровне с основными группами стейкхолдеров – органами местной власти и местного самоуправления, бизнесом и др. В результате исследования выявлены несколько моделей «территорий трезвости», описаны механизмы их формирования. Кроме того, была подтверждена гипотеза о том, что успешность принятия коллективного решения об отказе от алкоголя напрямую зависит от уровня развития местного самоуправления.

Научная новизна статьи заключается в описании и анализе «территорий трезвости» как социального явления, поскольку данная тема не представлена в современной отечественной социологии.

Начав с краткой характеристики методологии исследования, в данной статье мы опишем выявленные модели «территорий трезвости». Затем рассмотрим механизмы формирования «территории трезвости» в законодательном контексте. И наконец, на примере одного из полевых кейсов покажем роль местного самоуправления в распространении практик «коллективной трезвости» в сельских поселениях.

Методология исследования

Под «территорией трезвости» в исследовании и в данном тексте следует понимать успешно реализованное и растиражированное коллективное решение, включающее в себя и административный (законный), и общественный контроль над производством, продажей и употреблением алкоголя².

Объектом исследования выступили жители сельских населенных пунктов, где на коллективном уровне было принято решение об отказе от алкоголя, либо подобная практика сложилась «стихийно». Методическую основу исследования, ввиду слабой разработанности проблематики, составили процедуры качественного характера, разделенные на два этапа – подготовительный и полевой. Подготовительный этап включал в себя информационно-аналитический обзор и интервью с экспертами (проведено семь интервью). Полевой этап исследования был организован в формате социологических экспедиций. В рамках проекта были организованы экспедиции в три населенных пункта: с. Дубровка (Оренбургская область), с. Боочы (Онгудайский район, Республика Алтай), с. Бясь-Кюэль (Горный улус, Республика Саха (Якутия)). Выбор населенных пунктов осуществлялся с учетом совокупности обстоятельств: географического разнообразия, наличия местных исследовательских компаний и особенностей принятия решений об объявлении села «территорией трезвости». Принципиальным критерием отбора этих сел из числа прочих стало отсутствие религиозного запрета на употребление алкоголя в качестве главной мотивации жителей вести трезвый образ жизни. В ходе экспедиций сбор информации в каждом из трех населенных пунктов осуществлялся следующими методами: интервью с местными жителями (шесть интервью), дискуссионные фокус-группы (две ФГ) и включенное наблюдение в течение минимум пять дней.

Модели формирования «территории трезвости»

По результатам экспедиций выявлены три разные модели формирования «территории трезвости», зависящие от принципов введения «сухого закона». Неформальный «сухой закон» может

---

² «Территории трезвости»: опыт принятия и обеспечения коллективных решений по ограничению производства, распространения и потребления алкогольных напитков в сельских поселках и поселениях»: Аналитический отчет по результатам исследования / рук. науч.-иссл. работы: И.В. Задорин; авт. кол.: В.А. Зотова, М.А. Поликашина, Д.С. Рудь, Л.В. Шубина. М.: ЦИРКОН, 2017. С. 52 URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/5ca/territorii-trezvosti.pdf> (дата обращения 12 дек. 2018).

основываться на семейных или религиозных традициях, иногда – на коллективной договоренности жителей не употреблять алкоголь, сложившейся в силу совокупности обстоятельств как социальная практика («естественным» путем), а не как некий акт (формализованный или нет); этот вариант был зафиксирован в селе Дубровка Шарлыкского района Оренбургской области. В качестве социальной нормы, не закреплённой формальным законодательством, ограничение может быть введено сходом граждан, как в селе Боочы Онгудайского района Республики Алтай. Формально, то есть на административном уровне, «сухой закон» может быть закреплён решением главы местной администрации, как это имело место в селе Бясь-Кюёль Горного улуса Республики Саха (Якутия).

Под *естественной* «территорией трезвости» подразумевается сельское поселение, в котором практика коллективной трезвости сформировалась исторически в силу совокупности обстоятельств и не является результатом принятия коллективного решения. На таких территориях трезвости «сухой закон» обычно основывается на семейных или религиозных традициях и носит негласный характер. К человеку, употребляющему алкоголь, не применяется никаких формальных санкций, но его поведение может рассматриваться как нарушение социальной нормы поведения и вызывать порицание.

К *неформальным* «территориям трезвости» можно отнести поселения, в которых «сухой закон» введён коллективным решением, но законодательно не закреплён и поддерживается членами сообщества исходя из представлений о коллективном благе. Регулярное нарушение запрета тут рассматривается как неуважение к решению старших и мнению большинства. К такому человеку могут быть применены более строгие санкции, также носящие неформальный характер, вплоть до вызова в администрацию села для профилактической беседы.

Формальные «территории трезвости» отличаются тем, что в них коллективное решение о введении «сухого закона» закреплено на законодательном уровне. Употребление алкоголя на таких территориях допустимо только в приватной обстановке и обычно не афишируется, а за нарушение запрета на продажу и производство алкогольной продукции предусмотрены формальные санкции в виде штрафа.

Механизмы формирования и факторы распространения «территорий трезвости»

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению механизмов влияния местного самоуправления (далее – МСУ) на формирование и распространение практик «коллективной трезвости», необходимо прояснить законодательный контекст ситуации. В 2011 г. были приняты поправки к Федеральному закону № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», позволяющие вводить «органам государственной власти субъектов федерации дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции, в том числе полный запрет на розничную продажу алкогольной продукции»³.

Благодаря этой поправке розничная продажа алкоголя запрещена, в числе прочего, на территориях, прилегающих к большинству социальных учреждений – образовательных, медицинских, спортивных. Границы прилегающих территорий определяются с учетом результатов общественных обсуждений органами местного самоуправления в соответствии с правилами, установленными Правительством Российской Федерации. Согласно этим правилам, органы местного самоуправления вправе уменьшать или увеличивать расстояние от социальных учреждений до границ прилегающих территорий не более чем на 30 процентов от минимального значения указанного расстояния. На этом права органов местного самоуправления в области ограничения продажи алкогольной продукции заканчиваются. Принимать решение о полном запрете продажи алкогольной продукции на территории муниципального образования уполномочены органы государственной власти, которые, в свою очередь, обладают правом делегирования соответствующих полномочий органам МСУ. Однако даже наличие подобных полномочий не гарантирует исполнения принятого решения о введении запрета на продажу алкогольной продукции. Причиной тому служит несогласованность российского федерального законода-

---

³ Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22.11.1995 № 171-ФЗ // Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. URL: http://legalacts.ru/doc/171_FZ-o-gosudarstvennom-regulirovanii-proizvodstva-i-oborota-jetilovogo-spirta_-alkogolnoj-i-spiRTOSoderzhawej-produkcii/ (дата обращения 12 дек. 2018).

тельства. В частности, введение запрета на продажу или производство алкогольной продукции может быть истолковано как нарушение Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁴.

В ходе исследования были изучены внешние факторы-стимулы и факторы-барьеры, оказывающие влияние на формирование и распространение практик «коллективной трезвости». В каждом из сел наряду с отличительными факторами можно выделить несколько универсальных, характерных для всех трех кейсов.

К *факторам-стимулам* можно отнести: уважение к традиции, старшим и решениям старших; обеспечение работой или дополнительной активностью жителей, отвлекающее их от употребления алкоголя; поддержка со стороны органов власти и местного самоуправления.

Факторами-барьерами выступают: высокая численность населения в селе; безынициативность жителей; отсутствие поддержки со стороны местной администрации и органов власти, которая, в частности, заключается в обеспечении людей инфраструктурой досуга и занятости, проведении агитационной работы по отказу от употребления и ограничению алкоголя.

Стимулы и барьеры оказывают неравносильное влияние на распространение практик «коллективной трезвости». Позитивный эффект от сразу нескольких стимулирующих факторов может быть нивелирован появлением одного, но весьма весомого барьера, и наоборот. В частности, органы местного самоуправления могут выступать как в роли стимула, так и в роли барьера. Хорошим примером такого двойного взаимодействия является кейс села Бясь-Кюёль.

Описание кейса села Бясь-Кюёль

Село Бясь-Кюёль является административным центром муниципального образования Атамайский наслег Горного улуса Республики Саха (Якутия). Село расположено в 110 км от районного центра – села Бердигестях и в 300 км от города Якутска. По данным 2017 г., в селе насчитывается 212 жилых домов, в которых проживают 722 человека, из них 380 – трудоспособного возраста, 102 – пенсионного возраста и 240 – дети младше 18 лет. При этом население села, по данным администрации наслега, составляют 52% мужчин

---

⁴ Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. URL: <http://legalacts.ru/doc/FZ-o-zawite-konkurencii/> (дата обращения 12 дек. 2018).

и 48% женщин. Абсолютное большинство жителей села (99,6%) по национальности – саха (якуты).

Всего в Бясь-Кюёль 4 продуктовых магазина и 1 продуктовый киоск, расположенный в здании почты. В магазинах «Атамай» и «ИП Осипов» представлен широкий ассортимент продовольственной продукции. Уровень благосостояния жителей села можно оценить как высокий: в селе имеется более 80 тракторов, большинство населения пользуется смартфонами, почти на всех домах висят спутниковые тарелки. Кроме того, село активно расширяется: в 2016 г. начато строительство нового квартала. В селе работают 15 общественных организаций, деятельность которых координируется специально созданным НКО ОО «Ситим».

Село Бясь-Кюёль имеет статус «опорного пункта трезвости». Коллективное решение о запрете на продажу алкоголя, составляющее суть «территории трезвости», было принято сходом жителей села в 2009 г. – «за» проголосовало 94% участников схода (около 110 чел.). Главным актором, продвигавшим идею введения запрета, стала инициативная группа, состоявшая в основном из сотрудников администрации наслега, дирекции школы, членов женсовета и совета ветеранов. Однако вскоре после введения запрета на продажу алкоголя решение схода было опротестовано и отменено прокуратурой Горного улуса. Основанием для отмены запрета послужила жалоба на превышение должностных полномочий органами местного самоуправления, поданная в прокуратуру владелицей магазина, торговавшего алкоголем.

Конфликт между магазином и администрацией наслега завершился только в 2014 г. Под давлением общественности владелица магазина не стала продлевать истекшую лицензию на продажу алкоголя и уехала домой – в районный центр. Таким образом, с момента принятия коллективного решения о введении запрета на продажу алкоголя до его фактической реализации прошло 5 лет.

В 2016 г. по инициативе наследного совета депутатов коллективное решение о запрете продажи алкогольной продукции, носящее де-юре общественный характер, приобрело административный (законный) статус.

На сегодняшний день в магазинах села Бясь-Кюёль алкоголь не продается; ближайшим местом, где можно приобрести спиртосодержащие напитки, является магазин в районном центре в 110 км от села.

Данный кейс хорошо показывает, как один фактор-барьер – отсутствие соответствующих полномочий у органов местного самоуправления – может перевешивать сразу несколько факторов-стимулов. Этот фактор-барьер проиллюстрирован в кейсе описанием

того, как прокуратура отменяла решение схода граждан. Чтобы охарактеризовать причину возникновения этого барьера, обратимся к законодательству Российской Федерации. Перечень вопросов местного значения сельского поселения, которые уполномочен решать сход граждан, зафиксирован в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵. Решение вопросов об ограничении продажи алкогольной продукции на территории сельского поселения не входит в этот перечень. Достаточными полномочиями для введения подобных ограничений обладают органы государственной власти субъектов РФ. При этом органы местного самоуправления могут дополнительно наделяться отдельными государственными полномочиями субъектов РФ. В Республике Саха (Якутия) закон, наделяющий органы местного самоуправления правом выступать с законодательной инициативой о полном запрете продажи алкогольной продукции на территориях сельских поселений, был принят в декабре 2013 г. Таким образом, кейс Бясь-Кюэль является удачным примером того, какой положительный эффект может быть достигнут при грамотном взаимодействии государственной власти, органов местного самоуправления и общественных организаций.

Заключение

Существуют разные пути формирования и поддержания практик «коллективной трезвости» (разные модели «территорий трезвости»): формальный, неформальный и естественный. Различия обусловлены исторически сложившимися причинами, а также особенностями законодательства Российской Федерации. Одним из главных препятствий формирования «территорий трезвости» является недостаток полномочий органов местного самоуправления и несовершенство российского законодательства. Мы считаем, что в регионах, где государственная власть готова делегировать полномочия по запрету алкогольной продукции органам местного самоуправления, формирование «территорий трезвости» будет носить массовый характер.

---

⁵ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. URL: http://legalacts.ru/doc/131_FZ-ob-obvih-principah-organizacii-mestnogo-samoupravlenija/ (дата обращения 12 дек. 2018).

При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 №_68-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом поддержки гражданской активности в малых городах и на сельских территориях «Перспектива».

The study was supported by the Foundation for support of civil activity in small towns and rural areas “Perspektiva” in the form of the grant received as a result of the competition which was carried out according to the decree of the President of the Russian Federation dated 05.04.2016 №_68-RP.

Информация об авторе

Варвара А. Зотова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; zotova1987@gmail.com

Information about author

Varvara A. Zotova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; zotova1987@gmail.com

УДК 316.346.3

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-128-133

Изучение детско-подростковой аудитории в Интернете: преимущества и недостатки онлайн-опросов

Александра Ю. Губанова

*Российская государственная детская библиотека,
Москва, Россия, alexandra.gubanova@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются преимущества и ограничения применения метода онлайн-опроса при изучении детско-подростковой аудитории описываются особенности и области применения метода.

Ключевые слова: дети, подростки, интернет, онлайн-опрос, изучение детско-подростковой аудитории

Для цитирования: Губанова А.Ю. Изучение детско-подростковой аудитории в Интернете: преимущества и недостатки онлайн-опросов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 128–133. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-128-133

The study of children's and teenage audience on the Internet. Online survey

Alexandra Yu. Gubanova

Russian State Children's Library, Moscow, Russia, alexandra.gubanova@gmail.com

Abstract. The article discusses the advantages and limitations of using online survey method in studying the children and teenagers. It describes the features and areas of application of the method.

Keywords: children, teenagers, Internet, online survey, the study of children and teenagers

For citation: Gubanova AYu. The study of children's and teenage audience on the Internet. Online survey. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series. 2018;4(14):128-33. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-128-133

Введение

Современные технологии проникают во все сферы жизни человека – школу, дом, досуг. Изменяют свое содержание досуговые практики детей – роль Интернета в них и количество интернет-

практик увеличивается. Современный исследователь детства может использовать возможности, предоставляемые интернет-технологиями не только для изучения детско-подростковой аудитории, их поведения в Интернете, но и для привлечения самих детей и подростков к изучению детства в рамках «участвующего подхода». В этой связи представляется важным отметить основные возможности, которые дает Интернет для популяризации социологии детства, но и трудности, с которыми могут столкнуться исследователи и популяризаторы при попытке привлечения детей и подростков через Сеть.

Впервые идея использования сети Интернет как инструмента сбора социологической информации появилась в 1980-е годы. В январе 1994 г. Джеймс Питков (James E. Pitkow) провел первый опрос пользователей Интернета, в ходе которого было опрошено 4500 респондентов и определены характеристики интернет-аудитории [1 с. 31]. В России интернет-исследования начали практиковать с начала 2000-х гг. [2,3].

Первая серьезная попытка обобщить методический опыт онлайн-опросов была предпринята в 2000 г. М. Купером, выделившим две группы (табл. 1) [1 с. 31].

Таблица 1

Типология онлайн-опросов

Основаны не на вероятностной выборке	Основаны на вероятностной выборке
<ul style="list-style-type: none"> – «Опросы-развлечения» на сайтах, где каждый может разместить свои вопросы и ответить на вопросы, предлагаемые другими. – Опросы посетителей без их регистрации на тематических сайтах: для туристов, меломанов и т. п. – Панельные опросы посетителей сайта, добровольно зарегистрировавшихся для участия в опросах по теме сайта. 	<ul style="list-style-type: none"> – Опросы случайно отобранных посетителей сайта. – Опросы по выборке, комплектуемой из специально созданной базы данных о респондентах. – Панельные опросы на основе случайных выборок из социально-профессиональных групп. – Опросы владельцев Интернета по случайной выборке. – Панельные опросы по случайной выборке из населения.

Интернет-опросы имеют ряд преимуществ по сравнению с другими формами социологических исследований, чем заслужили популярность среди исследователей различных научных направлений, в том числе в рамках социологии детства. К таким преимуществам можно отнести следующие: экономия ресурсов; большой

объем выборки; быстрота опроса; оперативное реагирование; широта охвата респондентов; достижимость респондентов; нацеленность на конкретного респондента; релевантность; высокий уровень доверия респондента; широта охвата предметных полей; организационная гибкость; логика проведения опроса; оперативный контроль заполнения анкеты.

Однако у данного метода существуют и значительные ограничения. Одно из важных ограничений онлайн-опросов – *опасность смещения выборки и связанное с ним отсутствие репрезентативности*. Выборка, составленная из интернет-пользователей, нерепрезентативна по отношению к генеральной совокупности – жителям исследуемого региона в целом.

Другая проблема онлайн-исследования – *стихийность выборки*, возникающая, как правило, из-за того, что для увеличения количества респондентов анкету размещают в свободном доступе в Интернете; помогает частично решить данную проблему рассылка по электронной почте добровольцам, соответствующим критериям отбора. Если генеральная совокупность опроса определена как интернет-пользователи и не включает в себя тех, кто не пользуется Интернетом, возрастает риск получения смещенных результатов, что опасно в случае необходимости получения мнения людей по вопросам, не связанным с интернет-практиками. В то же время в случае онлайн-опроса существует опасность сужения выборки до части аудитории какого-либо одного сайта, на котором размещен опросник.

Еще одной проблемой онлайн-исследований является возможность неоднократного участия в опросе респондента – аудитория интернет-ресурсов не является постоянной, на порталы приходят новые люди, в то время как кто-то из старых участников уходит на время или навсегда, также происходит частая смена электронных адресов, что затрудняет процесс отслеживания (не)участия респондента. Проблема подтверждения уникальности респондента при проведении анонимных онлайн-опросов является одной из наиболее актуальных и сложно решаемых, поскольку некоторые респонденты могут принимать участие в исследовании по несколько раз, что оказывает существенное влияние на итоговое распределение ответов. Существует ряд способов избегания подобных смещений: проведение исследования на крупных интернет-порталах, с помощью почтовых сервисов; размещение опросника на разных сайтах с разными аудиториями; интернет-реклама исследования, приглашающая принять участие в опросе; внедрение технологий, исключающих возможность многократных ответов на анкету (например, идентификация по ip-адресу, доступ к электронной анкете с исполь-

зованием уникальных кодов, паролей и т. п.). Также важно помнить о возможном намеренном искажении данных – респондент может давать ложные и/или произвольные ответы на вопросы по причине усталости, отсутствия интереса к тематике исследования и др.

Важно помнить, что, как и в случае с другими формами опросов, существуют ограничения по длине опросника. Как правило, анкеты сопровождаются подробным описанием правил заполнения и информацией о приблизительном времени, которое будет необходимо потратить на прохождение опроса, также часто в первый блок вопросов включают вопросы-фильтры, помогающие отобрать целевую аудиторию из всех желающих принять участие в исследовании. Как правило, онлайн-анкеты содержат до 30 вопросов.

Возможности использования метода онлайн-опроса при изучении детско-подростковой аудитории

В настоящее время популярность онлайн-опросов постоянно возрастает в связи с широким распространением Интернета (большинство детей и в особенности подростков пользуются Интернетом). В конце 2016 г. Google и Ipsos провели исследование российской молодежи, результаты которого показали, что 98% молодых людей в возрасте от 13 до 24 лет использует Интернет ежедневно, а наиболее посещаемый интернет-ресурс – социальная сеть «YouTube».

Каналами для привлечения детей и подростков к участию в онлайн-исследованиях могут являться социальные сети, сайты, форумы, ориентированные на детско-подростковую аудиторию, а также, в некоторых случаях, блоги, ведущиеся самими детьми и подростками. Для привлечения подростков необходимо исходить из целей и тематики исследования. Например, для исследования популярности компьютерных игр у мальчиков целесообразным является посещение существующих игровых форумов и сообществ / групп в социальных сетях, на которых происходит общение и обмен мнениями в среде геймеров [4 с. 114].

Важно отметить и дополнительные возможности, реализация которых в случае традиционного, бумажного анкетирования или интервьюирования детей требует значительных финансовых и организационно-технических вложений. Онлайн-опрос позволяет использовать возможности мультимедиа и гипертекста – в интернет-исследованиях можно использовать не только текстовые, но также и аудио- или видеопросники. Общение является важной и значительной особенностью подрастающего поколения – согласно результатам

исследования, 27% молодых людей проводят в социальных сетях более 5 часов в день, четверть проверяют обновления каждые 30 минут, а 61% из них для выражения чувств и эмоций используют не текстовый, а графический формат – стикеры, видео, анимированные изображения (GIF), идеограммы и смайлики (эмодзи (emojii))¹.

Современные технологии позволяют использовать в оформлении онлайн-анкет разнообразные цвета, изображения, анимацию, видеоролики и аудиозаписи и др.; респондентам-детям могут быть предварительно продемонстрированы иллюстрации, видеоролики, музыкальные записи для получения от них отклика, мнения относительно прочитанного, увиденного или услышанного. Упростить и ускорить процесс анализа позволяет автоматическая фиксация данных в текстовом формате с возможностью последующей частично автоматизированной компьютерной обработкой полученных результатов.

Также формат дистанционного опроса позволяет снизить степень влияния исследователя, что является не менее важным преимуществом в случае опроса подростковой аудитории, поскольку подростки склонны давать социально желательные ответы, в особенности в случае нахождения взрослого в непосредственной близости от них.

В случае, когда речь идет об онлайн-опросе детей и подростков, важно учитывать специфику данных возрастных групп. Дошкольников и младших школьников нельзя опрашивать при помощи анкеты (психологи и социологи детства рекомендуют использовать методы наблюдения, мягкие методики) в силу возрастных и психологических особенностей, в подростковом же возрасте возможности применения метода анкетирования сильно ограничены по тематике [2 с. 7–8].

Заключение

Подводя итог, отметим, что метод онлайн-опроса позволяет существенно сократить затраты (временные, организационные, финансовые), охватить большее количество респондентов и расширить географию исследования; упрощается сбор и обработка полученных материалов; благодаря интерактивности интернет-коммуникации исследователь получает возможность фиксировать сиюминутную реакцию респондентов на новую информацию.

---

¹ Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн // Think with Google. URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privyчек-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/> (дата обращения 20 нояб. 2018).

Статья, написана при поддержке гранта РФФИ проекта № 16-06-00792-ОГН\18 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус»

Article made within the grant of the Russian Foundation for Basic Research (the project 16-06-00792-OGN \ 18 “Childhood in the socio-humanitarian perspective: Thesaurus”).

Литература

---

1. Докторов Б.З. Пост-гэллуповские опросные технологии: к 200-летию опросов общественного мнения в США // Социологический журнал. 2005. № 2. С. 5–36.
2. Щеглова С.Н. Как изучать детство. Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: Юнпресс, 2000. 73 с.
3. Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методы социологических исследований: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 145–148.
4. Губанова А.Ю. Глава 6. Интернет-дети: возможности изучения и привлечения к исследованиям // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия. Коллективная монография / С.Н. Майорова-Щеглова и др.; отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М., 2017. С. 101–120.

References

---

1. Doktorov BZ. Post-Gallup polling technologies: the 200th anniversary of public opinion polls in the USA. *Sociologicheskij zhurnal*. 2005;2:5-36. (In Russ.)
2. Scheglova SN. How to study childhood. Sociological research methods of modern children and modern childhood. Moscow: Yunpress Publ.; 2000. 73 p. (In Russ.)
3. Toshchenko ZhT., ed. Sociology Thesaurus. Book 2. Methodology and methods of sociological research. Thematic dictionary reference book. M.: YUNITI-DANA Publ.; 2013. p. 145-48. (In Russ.)
4. Gubanova AYu. Chapter 6. Internet Children. Opportunities to Explore and Research // Mayorova-Shcheglova SN., Gubanova AYu., Kolosova EA., Mitrofanova SYu., Chudinova VP., Mayorova-Shcheglova SN., ex. ed. Childhood of 21th century in the socio-humanistic perspective. New theories, phenomena and concepts. Collective monograph. Moscow, 2017. p. 101-20. (In Russ.)

Информация об авторе

Александра Ю. Губанова, кандидат социологических наук, Российская государственная детская библиотека, Москва, Россия; Россия, 119049, Москва, Калужская пл., д. 1; alexandra.gubanova@gmail.com

Information about the author

Alexandra Yu. Gubanova, PhD in Sociology, Russian State Children's Library, Moscow, Russia; bld. 1, Kaluzhskaya sq., Moscow, 119049, Russia; alexandra.gubanova@gmail.com

Рецензии. Философия

УДК 1(44)(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-134-141

Дерридаграфия: письмо о пишущем.
Рецензия на книгу Бенуа Петерса «Деррида»
(Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.:
Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.)

Александр П. Беляев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, arbelyaev@hse.ru*

Аннотация: В рецензии представлен обзор первой и на сегодняшний день единственной биографии Ж. Деррида авторства Бенуа Петерса (Петерс Б. Деррида / пер с фр. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.). Автор рецензии демонстрирует значимость этого издания, проливающего свет на доселе неизвестные страницы жизни и творчества известного французского философа, обращая внимание как на очевидные удачи биографа, так и на «белые пятна», по-прежнему ускользающие от пытливого взгляда исследователя наследия и жизни Деррида.

В рецензии предпринята попытка осмысления самой возможности письма о пишущем, биографирования того, кто сам себя биографировал и архивировал, при этом трансформировав сам образ биографии, архива, письма, воспроизводства себя на письме. Нейтральный и ничем не выделяющийся стиль биографа Деррида представлен и как неизбежный ход, и как прием – попытка высветить «другого», биографируемого, и как очередной уход от вызова-призыва Деррида: деконструировать как самого автора деконструкции как термина, приема и неологизма, так и контексты, жанры, категории, в которые заведомо вписано восприятие философа, его жизни и «метода».

Ключевые слова: Деррида, Петерс, деконструкция, дружба, философия постмодерна, перевод, биография, поэтическое, письмо

Для цитирования: Беляев А.П. Дерридаграфия: письмо о пишущем. Рецензия на книгу Бенуа Петерса «Деррида» (Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 134–141. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-134-141

Derridagraphy: writing about the writer.
 A review of Derrida's biography by Benoît Peeters
 (Peters B. Derrida. Kralachkin D., transl. from Fr. Moscow:
 Izdatelskiy dom "Delo" RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p.)

Alexander P. Belyaev

*National Research University Higher School of Economics,
 Moscow, Russia, apbelyaev@hse.ru*

Abstract. The review presents the first and only (to the date) biography of Jacques Derrida: "Derrida" by Benoît Peeters (Peters B. Derrida. Kralachkin D., transl. from Fr. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p.). The importance of this publication, which highlights not so well known pages of Derrida's life and writings is shown here. Attention is paid not only for the obvious achievements of the biographer, but for the blank spots still escaping the inquisitive eye of the researcher of the heritage and life of Derrida as well.

The review is an attempt to consider the possibility of writing about the writer, biographing of self-biographer and self-archivist, thereat having transformed images of the biography, archive, letter, self-reproducing with the help of writing.

The neutral and unremarkable style of Derrida the biographer is presented both as an inevitable move and as a technique – an attempt to highlight the "other" who is being biographed, and as another escaping the challenge of Derrida to deconstruct not only the author of the deconstruction (as a specific term, neologism), but all the contexts, genres, categories, where the perception of philosopher's life and "method" are written in, as well.

Keywords: Derrida, Peeters, deconstruction, friendship, postmodern philosophy, translation, bio-graphy, poetic, writing

For citation: Belyaev AP. Derridagraphy: writing about the writer. A review of Derrida's biography by Benoît Peeters (Peters B. Derrida. Kralachkin D., transl. from Fr. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p.). *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series.* 2018;4(14):134-41. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-134-141

Биография того, кто сам предложил пример деконструирования биографий, должна быть, по идее, делом особого рода, иного воплощения, какой-то исключительной реализации. (Био-)графией био, (био-)графией графии, прослеживанием всевозможных следов, занятием того, кто всю жизнь занимался собой, своим делом, воспроизводством себя посредством письма и, что называется, с одной стороны, «закрыл тему», застолбил за собой свой способ, положил на это всю жизнь, но с другой – с неизбежностью (био-)логического закона – воспроизвел себя в своих последователях и учениках, прижизненно, то есть, синхронно собственному биографическому, породил и воспитал свою *дерридармию* по всей ойкумене, разделив

ее на два условных лагеря: «за» и «против»; заразил представителей первого лагеря своими играми в слова и в письмо, постулировал из себя через других свою *дерридакратию*, *дерридактику*, дал волю и основание благодатной возможности того, что ряды диссеминаций можно множить и множить. Что, в свою очередь, с той же биологической неизбежностью, в силу действия закона биоразнообразия (био-дифферанса), привело к искажениям, неверным трактовкам, комичным псевдорецепциям и прочим странным приложениям. Америка способствовала взлету Деррида своей скучноватой и занудноватой табулорасностью (имеется в виду несколько наивный интерес к фигуре Деррида со стороны американских журналистов, а также определенная специфика интеллектуальной среды американских университетов, о которой пишет Петерс [1 с. 525–537]). Япония, падкая на модные веяния и продукты интеллектуальной деятельности Запада, нашла в деконструкции параллели с буддизмом и дзэном (см. об этом: [2]), постсоветские люди предложили считать деконструкцией в действии недавнюю «перестройку»¹ и так далее (тут надо заметить, что о последних двух обстоятельствах рецепции – японском и российском – у Петерса, к сожалению, нет ни слова).

Все это имеет отношение и не имеет отношения. К чему, к кому. Удивительный парадокс: автор, столь уместно и точно приспособленный к славе и публичности, столь жадно, страстно, гостеприимно дарящий себя, свое время, свои тексты другим, столь явно и декларативно ценящий дружбу, Другого, то есть свои собственные включения посредством этого Другого во всевозможные письменные транзакции, сам при этом всю жизнь старался придерживаться охранительной позиции, норовил сохранять особость, не-стайность, не-стадность своего положения и своего дела. Что касается дружбы и переписки (с философами, коллегами, друзьями, оппонентами и т. д.) – то это важная черта как «Деррида-философа», так и «Деррида-человека», если подобное разграничение вообще правомочно и имеет смысл. Реакция на письма и предложения – форма ответа и ответственности, невозможность «не ответить на вызов» хотелось бы назвать ключевым движущим принципом действия и мышления Деррида. Сфера и горизонт этих ответов-ответственностей растет и ширится по мере роста популярности философа и широты охвата его вещания. «Гостеприимство», «признательность», «прощение» и прочие «общие», «моральные», «политические» темы у Деррида как таковые появляются в явно сформулированном виде в поздний период (конец 90-х – начало 2000-х). Но иногда подобное обращение к «глобальному» (например, проблема иммигрантов и связанная с этим

---

¹ Этот комичный эпизод, имевший место в ИФ РАН в 1990 году, описывается в [3 с. 51–53].

установка на «тотальное гостеприимство») воспринимается в штыки на «локальном» уровне – частными людьми из близкого круга прошлых лет. В этом смысле показательна реакция на «тотальное гостеприимство» со стороны Сильвиан Агасински, бывшей возлюбленной Деррида, от которого у нее сын Даниэль. Деррида отказывается поддержать мужа Сильвиан, который выставил свою кандидатуру на президентских выборах. Причина – «плохое настроение, вызванное всеми кандидатами» [1 с. 598]. Сильвиан пишет в ответ: «Философия, впрочем, также может испортить настроение: например, понятие “безусловного гостеприимства”, придуманное Деррида. Оно не только абсурдно (что все же нужно сказать), оно провокативно. И хотя похвально защищать нелегалов, это, конечно, нельзя делать во имя *безусловного* гостеприимства, поскольку ничто не является более *условным*, чем гостеприимство. Безусловное в целом отвечает вкусу прекрасных душ к чистоте и абсолюту. Оно вдохновляется Кантом, то есть жертвует пониманием эмпирической реальности ради чистоты понятия. Но оно отказывается мыслить действительную реальность» [1 с. 599]. В этой «действительной реальности» Деррида предстает (по аналогии с супергероями из комиксов – кстати, Б. Петерс известен как автор изданий в этом жанре) как «Человек-Все-Сразу»: философ, писатель, поэт (в юности), пристальный читатель, переводчик, мыслитель, звезда, светило, поп-фигура и при этом интеллеktуал для интеллеktуалов. Философ *par excellence* или шарлатан, в зависимости от взгляда и отношения того или иного другого Другого. Фигура, так или иначе оставившая следы разной глубины в театре, архитектуре, кино, музыке. Номинант на Нобелевскую премию в конце жизни (и сам же с тоской и досадой отмечающий эту биографическую – болезнь, старость – обусловленность возможного выбора нобелевского комитета [1 с. 627]). Путешественник, любитель и любимец женщин и при этом же – домосед, зритель телевизора. Центробежность, центростремительность, децентрация. Все это явлено нам со страниц «Деррида» в виде книги-биографии на 640 страниц, увесистый том, герой-персонаж-протагонист которого поразился бы объему написанного о себе. При этом невозможно отделаться от совершенно явного ощущения, что можно еще написать несколько раз по столько же, освятив/осветив неизбежно невошедшее. Любая биография по определению неполна, а Дерридаграфия в особенности. Тот, кто был столь страстно привержен письму, любого пишущего о нем повергает наповал, обрекает на провал. Поэтому Бенуа Петерс поступает *обычным образом*: он просто пишет сухую, подробную, максимально исчерпывающую, связную книгу о философе. Перед нами вовсе не интеллектуальная/критическая биография, не генеалогия его интеллектуального наследия, но классическое, хрестоматийное, подробное описание жизни знаменито-

сти, по которому Голливуд просто обязан снять байопик. Отметим, что в той же издательской серии уже выходили биографии философов Людвиг Витгенштейна и Вальтера Беньямина, и у читателя уже начало было складываться ощущение, что серия, оформленная в едином стиле, будет посвящена жизнеописаниям исключительно тех авторов, писателей, интеллектуалов, кого числят «философами», однако недавний выход биографии Гёте свидетельствует о более широком взгляде на феномен философа, интеллектуала, писателя и пр. Но вернемся к обсуждаемой книге. С точки зрения письма, манеры, стиля эту биографию можно назвать произвольной, «любой», чьей угодно (кроме фактографической, никакая другая сторона книги не может быть маркирована как «специфически дерридеанская»): нормальное, несколько беллетризованное жизнеописание, что, опять же, неизбежный закон жанра. Анализ практически исключен, степень письма – нулевая, что-то между научно-популярным, журналистским, разговорно-живым, совсем редко – академичным стилем. Что называется, для широкого круга читателей. Автор как будто бы специально постарался максимально стереть себя, дабы пропорционально максимально высветить Другого – биографируемого. Поэтому чаще всего материал говорит сам за себя. Цитаты, выдержки, письма – этот обычный, банальный элемент любого текста жанра ЖЗЛ – здесь имеют особый статус. Письмо как корреспонденция, эпистола, письмо как дело философии и литературы, немая работа мысли посредством знаков языка, письмо как след по себе и наоборот – все о себе как письмо, предмет для письма. Почтовая карточка от Собрата до Бреда (аллюзия на «любовно-эпистолярный» романический опыт Деррида [5]). Что при этом важно отметить: Петерс нигде не скатывается до археологизации грязного белья, проявляя удивительную тонкость касательно тех эпизодов, которые этой тонкости требуют и заслуживают. На практике отмечено (повторено-различено-продублировано собственной работой) существенное, структурообразующее: коллекционирование мелочей, сбор материала. Незначительного нет: такое ощущение, что для Деррида не существует мелочей, он, как и поэтическая речь, сохраняет все: любая мелочь важна и значима, любая частная деталь, как вещь, так и слово, может в любой момент стать – и становится – темой, предметом, стартовым пунктом для доклада, лекции, статьи, книги. «Человек-Архив», человек архива, сам себя (био-)графирующий и тем самым ставящий под вопрос работу любого последующего/наследующего биографа. Трепетный до трогательности, ревнивый до безобразия. Пижон, гоголь, фланер, модник, человек большого города и человек песчаного побережья. Человек удивительных сил и работоспособности, успевавший жить жизнь и жить текст. Старавшийся всегда выбирать сторону жизни. Удивительно, что при этом многим читателям и критикам Деррида пришлось в голову усмот-

реть в деконструкции хоть что-то разрушительное. Анамнез: иудео-христианство плюс «французскость», тщательно культивируемая. Комплекс провинциала, со временем перешедший в комплекс гипервостребованности. Успехи, неудачи, депрессии, сложности, все как у людей. Друзья, враги, мир поделен на два лагеря (стоит учесть условность демаркации, переход из категории в категорию – как в случае с Фуко, Делёзом и Бурдьё²). Все необходимое для того, чтобы о тебе сняли, опять же (квази-)биографический фильм, даже два³. Примечательно, что биография за авторством Петерса куда менее философична, нежели фильм, снятый американцами. В фильме о себе Деррида приводит образцовый пример биографии философа: родился, мыслил, умер. В том же фильме, ближе к финалу, Деррида, отвечая на провокационный вопрос журналистки – о чем бы вы хотели расспросить того или иного философа, – говорит: о том, о чем они не говорили/не писали. Я хотел бы увидеть порнофильм о Хайдеггере, довинчивает он свою мысль, явно иронизируя. Тем не менее в каждой шутке есть доля. Зададимся дерридактическим вопрошанием: чем могла бы быть в таком случае биография умолчаний самого Деррида? Этот приверженец тайны, кажется, успел высказаться по всей повестке дня. И все-таки: какое порно стоило бы снять на тему того, что осталось за кадром, не вошло в поля его философии? Подобная фантазография биографии Деррида могла бы стать необходимым отвлечением, то есть, очевидно, попаданием в цель, в которую целиться невозможно, а значит, можно попасть наверняка. Лишний раз отдавая должное заразительности манеры дискурса Деррида, остается только недоумевать по поводу того, что по-русски (по сравнению с остальным многоязычным гуманитарным миром) этот автор сенсационных бестселлеров, казалось бы, «модный философ» из тех, «от которых не отказываются», так толком и не случился: целиком не переведен, а там, где переведен, как следует не прочитан⁴. Более того,

---

² Траектория отношений с каждым из упомянутых «коллег по цеху» у Деррида была весьма извилистой. Укажем лишь некоторые страницы, на которых Петерс упоминает о схождениях-разрывах с ними. О Деррида и Фуко см. [1 с. 282–285]; о Деррида и Делёзе см. [1 с. 554–555]. О Деррида и Бурдьё см. [1 с. 449–453].

³ О Деррида снято два фильма: один снят его подругой, которая впоследствии, среди прочих, будет посменно дежурить у постели смертельно больного философа («Впрочем, Деррида» [1 с. 570] (другие варианты перевода названия, встречающиеся в русскоязычных СМИ и периодике: «Со стороны Деррида», «Другой Деррида») (1999), реж. Сафаа Фати. 68 мин.), другой документальный фильм условно можно назвать «американским» («Деррида» (2002), реж. Дик Кирби и Эми Циринг Кофман. 85 мин. [1 с. 11, 602]).

⁴ Счастливое исключение представляет монография Н.С. Автономовой [5].

Деррида чаще всего бытует на нашей зыбкой почве чуть ли не в качестве «мальчика для битья», став именем нарицательным, всего лишь изобретателем своей «фени» («ботать по дерриде» [6 с. 386]), кем-то, кого можно сравнить с Жириновским⁵. Вообще говоря, отдельным образом интересно, почему к Деррида у нас сложилось и до сих пор превалирует такое отношение (грубо говоря, все то же «не читал, но осуждаю»). Исключение составляют разве что некоторые отдельно взятые поэты, критики и теоретики условно новой (постсоветской) генерации читателей Деррида, в принципе интересующиеся «новыми типами и формами высказывания»⁶.

Рецензируемая биография – первая и пока что единственная биография Жака Деррида на сегодняшний день, поэтому излишне говорить, что эта книга – событие. Труд переводчика вызывает чувства уважения и благодарности, однако, согласно жанру рецензии, нельзя не отметить ряда досадных огрехов. Скрупулезную сопоставительную работу по уточнению соответствия перевода французскому оригиналу оставим знатокам французского, к коим не могу себя причислить, однако, если исходить только из текста перевода, отдельные решения на уровне фразы представляются слишком поспешными, принятыми наскоро, требующими лучшей вычитки. В переводе есть ошибки (небрежности, скажем так) при передаче японских имен. Например: «Рюити» Сакамото [1 с. 602], тогда как имя известного японского композитора и автора саундтрека к фильму «Деррида» по-русски правильно было бы записать «Рюити», а имя и фамилию японского философа-поклонника Деррида следовало бы записать как Ясуо Кобаяси, а не «Кобаяши» [1 с. 374]. Здесь «дифферанс», к сожалению, играет на понижение.

Начало и конец биографии Деррида за авторством Петерса отмечены, как и положено, цитатами из Деррида. Мне же хочется закончить рецензию впечатлением одного из слушателей семинара Деррида, в какой-то степени дающим представление о том, что такое присутствие в данном случае:

Этот голос, мягко действуя на каждую страстную слушательницу и на каждого слушателя, неспособного оторваться, приводил в восторг, который для меня остается своего рода звуковой подписью этого шамана

⁵ Владимир Вениаминович Бибихин – Ольга Александровна Седакова. Переписка 1992–2004. Часть первая (1992–1995) // Михаил Гэфтер. URL: <http://gefter.ru/archive/13476> (дата обращения 29 нояб. 2018).

⁶ Примером интересной дискуссии между такими «благосклонными» читателями Деррида служит публикация круглого стола под названием «Наш Деррида?» // Журнальный зал в РЖ, «Русский журнал». URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/d4.html?fbclid=IwAR0S6Ti6amyHICcRcwJ3SOpUDAc-S9DWBHtq1YdL8GgVBHUTHiEyK-6hEUw> (дата обращения 29 нояб. 2018).

мысли. Жак Деррида все эти два часа незабываемого сеанса не прекращал виться, вращаться вокруг своей мысли. Заставляя при этом виться ее маму. Американки и американцы, японки и японцы, немцы и немки, молодые люди со всего глобализованного мира – вот из кого состояла эта внушительная аудитория, кипящая от возбуждения... Я хотел бы обратить внимание на личную красоту, его величие, которое... гарантировало молниеносность этой речи, пронзавшей нас своей поэтической энергией... На этот способ собирать педагогическое пространство вокруг тела. Тело, настолько сильно вовлеченное в акт преподавания, что у студентов было физическое впечатление, будто они живут страстью этой речи [1 с. 517].

Литература

1. Петерс Б. Деррида / пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 640 с.
2. Беляев А.П., Янпольская Я.Г. Японская наука, веселая и дикая // Троицкий вариант – Наука. 2018. № 19 (263). С. 6–7.
3. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. Пер. с фр. и англ. / предисл. М.К. Рыклина. М.: РИК «Культура», 1993. 208 с.
4. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда. Минск: Современный литератор, 1999. 832 с.
5. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. 510 с.
6. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: НЛО, 2012. 388 с.

References

1. Peters B. Derrida. Kralchkin D., transl. from Fr. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANKHiGS Publ.; 2018. 640 p. (In Russ.)
2. Belyaev AP., Yanpol'skaya YaG. Japanese science, gay and wild. *Troitskii variant – Nauka*. 2018;19:6-7. (In Russ.)
3. Jacques Derrida in Moscow. Deconstruction of the Journey. Transl. from Eng. and Fr. Ryklin M.K., pref. Moscow: RIK "Kul'tura" Publ.; 1993. 208 p. (In Russ.)
4. Derrida J. The post card. From Socrates to Freud and beyond. Minsk: Sovremennyi literator Publ.; 1999. 832 p. (In Russ.)
5. Avtomomova NS. Philosophical language of Jacques Derrida. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2011. 510 p. (In Russ.)
6. Gasparov ML. Notes and excerpts. Moscow: NLO Publ.; 2012. 388 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр П. Беляев, ст. преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4, стр. 3; apbelyaev@hse.ru

Information about the author

Alexander P. Belyaev, senior lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 21/4, ed. 3, Staraya Basman-naya str., Moscow, 105066, Russia; apbelyaev@hse.ru

Художник серии *В.В. Сурков*
Корректор *Т.Ю. Журавлева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 25.12.2018.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 8,9. Уч.-изд. л. 9,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 454

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru